ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

175.5-1

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

№ 5

МАЙ

1871

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8-го марта 1862 года, журналы правительственныхъ учрежденій изъяты отъ разсмотрѣнія общей цензуры, почему „Военный Сборникъ“ издается г. редакторомъ онаго подъ личною его отвѣтственностію и наблюденіемъ Военнаго Министерства.

С.-Петербургъ, 30-го апрѣля 1871 года.

Главный редакторъ „Военнаго Сборника“,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ **Меньковъ**.

БИБЛ. С.С.С.Р. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВОЕН.СЕКТ.
В-39-59974.

I.

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ 1868 ГОДА ВЪ ЗАРЯВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ.

(Съ картою Сыръ-Дарьинской Области.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ очерку военныхъ дѣйствій 1868 года въ Зарявшанской Долинѣ, результатомъ которыхъ было заключеніе перваго мирнаго трактата Россіи съ Бухарой, обезпечившаго свободу торговли и равноправность русскихъ торговыхъ людей въ Бухарѣ съ подданными эмира, и новое увеличеніе обширной территоріи Туркестанскаго Края однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ въ исторіи и богатыхъ въ экономическомъ отношеніи раіоновъ Средней Азіи, мы имѣли въ виду слѣдующія цѣли: познакомить нашихъ читателей съ положеніемъ, въ которомъ находились, въ началѣ экспедиціи, войска образованнаго, въ 1867 году, Туркестанскаго военнаго округа, съ ихъ боевой силой, боевой подготовкой, образомъ дѣйствій въ дѣлахъ съ бухарцами и со степенью сопротивленія, которое бухарцы проявили въ экспедицію 1868 года, потребовавшую отъ нашихъ войскъ гораздо большихъ жертвъ, чѣмъ тѣ, какія они несли прежде въ дѣлахъ съ азіятцами.

Участвуя въ этой экспедиціи, мы не имѣли возможности быть во всѣхъ дѣлахъ, и потому тѣ дѣла, въ которыхъ намъ удалось быть, какъ, напримѣръ, дѣло 1-го мая на самаркандскихъ высотахъ, 2-го іюня на зирабулакскихъ высотахъ и штурмъ Самарканда 8-го іюня,

мы описываемъ какъ очевидецъ; всѣ же остальныя изложили частію по офиціяльнымъ документамъ, частію по разсказамъ очевидцевъ. Мы пользовались главнѣйшими офиціяльными документами, именно тѣми, которые относятся до экспедиціи 1868 года, за исключеніемъ весьма немногихъ, имѣющихъ второстепенное значеніе и которыхъ намъ не удалось достать. Мы старались сдѣлать нашъ разсказъ возможно болѣе простымъ, возможно болѣе правдивымъ; обо всемъ старались мы говорить сущую правду, какъ было дѣло, по нашему искреннему убѣжденію, склоняясь, впрочемъ, въ неопредѣленныхъ случаяхъ чаще въ пользу хорошаго, чѣмъ дурнаго. Дорожа истиной больше чѣмъ нашимъ словомъ, мы заранѣе изъявляемъ нашу признательность всякому, кто укажетъ намъ наши невольныя ошибки.

Авторъ.

Вѣрнос. 15-го мая 1870 года.

I.

Начало переговоровъ о мирѣ; желанія Сеидъ-Музафара.—Условія мирнаго трактата, заключеннаго генераломъ Крыжановскимъ съ Мусса-бекомъ.—Дѣйствія эмира по полученіи предварительныхъ извѣстій изъ Оренбурга. — Нападенія на Яны-Курганъ. — Дѣйствія пограничныхъ бековъ.—Пріѣздъ генералъ-адъютанта Кауфмана 1-го въ Оренбургъ.—Отправленіе Мусса-бека въ Бухару.—Пріѣздъ командующаго войсками въ г. Ташкентъ; нападеніе шаекъ; поѣздка командующаго войсками на передовую линію.—Распоряженія о рекогносцировкѣ.—Пріемъ бухарскаго посланника въ Ташкентѣ.—Письмо отъ эмира.—Второе письмо командующаго войсками къ эмиру.—Первая рекогносцировка.—Вторая рекогносцировка, для выбора мѣста подъ укрѣпленіе. — Третье письмо командующаго войсками къ эмиру.—Дѣло 7-го марта, подъ Ухумомъ.—Сформированіе летучаго отряда.—Четвертое письмо къ эмиру.—Пятое письмо къ эмиру. — Новыя шайки, безпорядки и признаки волненія въ разныхъ мѣстахъ края.—Боевыя средства Сыръ-Дарьинской Области и Бухары.—Причина недостатка войскъ: а) болѣзненность, б) командировки.—Состояніе оружія и обученія.—Невозможность дѣйствовать оборонительно.—Боевыя средства Бухары.

Несмотря на рядъ военныхъ неудачъ, испытанныхъ бухарскими войсками въ бою подъ Ирджаромъ, а также при оборонѣ Ура-Тюбе и Джизака, эмиръ Бухары, Сеидъ-Музафаръ-Багадуръ-ханъ, недостаточно сознавалъ невозможность борьбы съ Россіею. По немногочисленности нашихъ войскъ въ Средней Азіи, онъ составлялъ себѣ ложное понятіе о нашей слабости, почему, избирая, весною 1867 года, новаго посла для новыхъ переговоровъ о мирѣ, не имѣлъ искренняго желанія заключить прочный миръ съ Россіей на тѣхъ условіяхъ, которыя опредѣлялись современнымъ положеніемъ обѣихъ сторонъ и взаимными ихъ выгодами.

Поставивъ главною цѣлію переговоровъ стремленіе къ возвращенію Ура-Тюбе и Джизака, эмиръ, надо полагать, желалъ вести переговоры такъ, чтобы, въ случаѣ если просьба о возвращеніи Ура-Тюбе и Джизака не будетъ принята, онъ не терялъ надежды силою оружія возстановить Бухарское Ханство въ прежнихъ его предѣлахъ, сохранивъ и прежнее первенствующее свое положеніе въ этой странѣ.

Личность Мусса-бека, бухарскаго посланца, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала этой цѣли. Трусливый, со всѣмъ соглашающійся

старикъ, во все время переговоровъ, продолжавшихся около года, всякій разъ, какъ только дѣйствія эмира шли въ разладъ съ его увѣреніями относительно искренности намѣреній повелителя правовѣрныхъ заключить прочный миръ, хитрилъ, лгалъ и нерѣдко прикидывался ровно ничего непонимающимъ въ томъ, что дѣлалось, говорилось и даже было окончательно рѣшено.

Весною 1867 года, направляясь въ городъ Оренбургъ для окончательныхъ переговоровъ о заключеніи мира, Мусса-бекъ, въ фортѣ № 1-й, приглашалъ нашихъ солдатъ на службу въ Бухару, обѣщая имъ видное положеніе и щедрое вознагражденіе за службу.

Въ бывшей тогда Туркестанской, а вскорѣ Сыръ-Дарьинской Области было совершенно покойно; враждебныхъ дѣйствій со стороны Бухары никакихъ не проявлялось; настроеніе умовъ туземнаго населенія не заставляло желать ничего лучшаго.

Въ первыхъ числахъ мая, мирахуръ Мусса-бекъ, прибывъ въ Оренбургъ, открылъ переговоры съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ, прося, отъ имени своего повелителя, объ уступкѣ Ура-Тюбе и Джизака и о томъ, чтобы граница между Бухарой и Россіей была опредѣлена по лѣвому берегу Сыръ-Дарьи. Само собою разумѣется, что, при неумѣстности дѣлать какія бы то ни было уступки Бухарѣ и при убѣжденіи оренбургскаго генералъ-губернатора въ томъ, что выгоднѣйшая граница съ Бухарой должна пролегать по гребню отроговъ Кашгаръ-Давана, Каратаускихъ Горъ, не могло быть и рѣчи объ уступкѣ Бухарѣ Ура-Тюбе и Джизака, взятыхъ съ боя силою нашего оружія. Переговоры продолжались недолго: вскорѣ между генераломъ Крыжановскимъ и мирахуромъ Мусса-бекомъ состоялось полное соглашеніе относительно условій мирнаго трактата съ Бухарой. Мусса-бекъ увѣрялъ генерала Крыжановскаго, что эмиръ будетъ совершенно согласенъ на эти условія, такъ какъ онъ искренно желаетъ жить въ дружбѣ съ Россіей.

Главнѣйшія условія трактата были слѣдующія: 1) границею опредѣлялась черта, проведенная отъ коканскихъ владѣній по горному хребту, составляющему западное продолженіе Кашгаръ-Давана и проходящему южнѣе Яны-Кургана, со включеніемъ въ наши предѣлы ущелья Джаланъ-Уты, и далѣе, по продолженію того же западнаго отрога, до песковъ Кызылъ-Кумъ, Буканскихъ Горъ и низовій Сыръ-Дарьи; 2) всякое нарушеніе неприкосновенности границы, со стороны пограничныхъ бековъ, отправленіемъ войскъ и шаекъ грабителей въ русскіе предѣлы, и самовольный переходъ границы кочевымъ пограничнымъ бухарскимъ населеніемъ, эмиръ обязывался немедленно пре-

кращать карою по всей строгости бухарскихъ законовъ; 3) всѣ русскіе подданные, какого бы они ни были вѣроисповѣданія, получали право свободнаго пребыванія во всѣхъ городахъ ханства по дѣламъ торговымъ или инымъ какимъ-либо; имъ разрѣшалось селиться на неопредѣленное время и имѣть въ бухарскихъ городахъ недвижимую собственность, оставаясь въ русскомъ подданствѣ и не подвергаясь за совершенныя преступленія наказаніямъ по бухарскимъ законамъ и обычаямъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя налагались на преступниковъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, по русскимъ законамъ; 4) торговымъ людямъ обезпечивались право свободной торговли и уплата пошлинъ наравнѣ съ тѣми, какія платятъ эмиру бухарцы.

Государь Императоръ, одобривъ эти условія въ общемъ, предоставилъ окончательное по нимъ сужденіе генералъ-адъютанту Кауфману 1-му, назначенному генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками вновь открытаго въ 1867 году Туркестанскаго военнаго округа.

Вслѣдствіе этого, Мусса-бекъ остался ожидать генералъ-адъютанта Кауфмана въ Оренбургѣ.

Между тѣмъ, Сеидъ-Музафаръ, въ ожиданіи извѣстія о результатахъ своихъ просьбъ, заявленныхъ Мусса-бекомъ въ Оренбургѣ, усердно заботился объ увеличеніи своихъ войскъ. Съ этою цѣлію онъ нанялъ 10,000 туркменовъ, платя каждому туркмену по 40 копѣекъ сер. въ день.

Въ концѣ мая, всѣ бухарскія войска были сосредоточены въ Нуратѣ, Чилекѣ и Самаркандѣ, а въ началѣ іюня, когда, по всей вѣроятности, въ Бухарѣ было получено письмо Мусса-бека, съ извѣстіемъ объ условіяхъ, на которыхъ оренбургскій генералъ-губернаторъ соглашался на заключеніе мирнаго трактата, Сеидъ-Музафаръ,ославъ новое приказаніе Мусса-беку продолжать переговоры, и увѣряя, что согласенъ на все, направилъ многочисленныя скопища своихъ войскъ, подъ начальствомъ нѣсколькихъ бековъ, къ Яны-Кургану, съ цѣлію вытѣснить изъ этого пункта русскія войска.

Беки пограничныхъ мѣстъ, дѣйствуя по приказанію эмира, разослали въ джизакскій и ура-тюбинскій раіоны довѣренныхъ лицъ, для возбужденія противъ насъ населенія, принявшаго наше подданство, для сбора съ этого населенія податей въ казну эмира и для преслѣдованія тѣхъ, кто несочувственно отнесется къ объявленной волѣ владыки правовѣрныхъ.

Бухарскимъ агентамъ вмѣнено было также въ обязанность ста-

раться о привлеченіи въ бухарскую службу побольше русскихъ солдатъ.

Результатомъ происковъ эмира было то, что какъ только въ виду Яны-Кургана стали группироваться скопища бухарцевъ, половина жителей Джизака бѣжала, частію въ лагерь бухарскихъ войскъ, частію въ Самаркандъ или въ горы.

7-го іюня бухарцы сдѣлали первое, а 5-го іюля второе нападеніе на Яны-Курганъ, но оба раза, благодаря удачнымъ дѣйствіямъ начальника передоваго яны-курганскаго отряда, были отбиты съ уономъ и отступили.

Къ осени эмиръ отпустилъ наемныхъ туркменовъ, но отъ непріязненныхъ намъ дѣйствій не отрѣшился. Пограничные беки получили полную свободу угнетать подвластное намъ пограничное населеніе, возбуждать его противъ представителей нашей администраціи, собирать подати и посылать шайки вооруженныхъ для наказанія непослушныхъ бухарскимъ бекамъ, но преданныхъ намъ мирныхъ жителей, принявшихъ русское подданство кишлаковъ.

Усилія бековъ не остались напрасными. Богдачъ-атинскія волости почти совершенно отложились. Управлявшій туземнымъ населеніемъ въ Джизакѣ три раза посылалъ къ нимъ нарочныхъ, съ приказаніемъ внести своевременно установленныя подати. Жители богдачъ-атинскихъ волостей не исполнили приказаній управлявшаго населеніемъ, прогнали первыхъ двухъ его нарочныхъ, а третьяго, связавъ, едва не отправили въ Бухару. Только въ августѣ мѣсяцѣ, когда они увидѣли тщетность попытокъ бухарскихъ скопищъ овладѣть Яны-Курганомъ, они послали въ Джизакъ часть податей, впрочемъ въ весьма ничтожныхъ размѣрахъ, тогда какъ въ Бухару доставляли усиленные сборы, за что аксакалы, представлявшіе эти сборы эмиру, получали отъ него щедрые подарки.

Туркестанскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ Кауфманъ 1-й, къ которому перешли всѣ полномочія оренбургскаго генералъ-губернатора относительно веденія переговоровъ съ представителями средне-азіятскихъ ханствъ, пріѣхалъ въ Оренбургъ въ концѣ августа.

Генералъ-адъютантъ Кауфманъ былъ вполнѣ согласенъ на заключеніе мирнаго трактата съ Бухарой, на извѣстныхъ уже намъ условіяхъ; но, желая, на первыхъ порахъ, дать эмиру фактическое доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній, счелъ возможнымъ сдѣлать въ условіяхъ договора нѣкоторыя измѣненія въ пользу Бухарскаго Ханства. Такъ, Яны-Курганъ предполагалось уступить Бухарѣ; границу отъ ущелья Джаланъ-Уты предположено было провести не по подошвѣ сѣвернаго ската Каратаускаго хребта, а по гребню его, и еще нѣсколько другихъ, незначительныхъ уступокъ, которыя, тѣмъ не менѣе, были приняты Мусса-бекомъ съ чувствомъ живѣйшей признательности. Такимъ образомъ переговоры окончились; эмиру оставалось только подписать ихъ и скрѣпить приложеніемъ собственной своей печати.

Чтобы вполнѣ убѣдить Сеидъ-Музафара въ безусловной искренности своихъ миролюбивыхъ намѣреній, генералъ-адъютантъ Кауфманъ, отправляя въ Бухару Мусса-бека, вручилъ ему, передъ выѣздомъ его изъ Оренбурга, письмо, въ которомъ, увѣдомивъ Сеидъ-Музафара о своемъ назначеніи туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и о полномочіи вести переговоры съ пограничными средне-азіятскими ханствами, сообщилъ, что, согласно волѣ Его Величества Всероссійскаго Государя Императора, онъ ѣдетъ въ Туркестанскій Край не для войны, а для мира, и что такъ какъ условія мирнаго трактата между обоими государствами уже выяснились и соглашеніе по нимъ между представителями обѣихъ сторонъ состоялось, то онъ надѣется, что, къ пріѣзду его въ Ташкентъ, высокостепенный эмиръ утвердитъ ихъ своею подписью и печатью, и вышлетъ для немедленнаго представленія на окончательное утвержденіе Государя Императора.

Въ заключеніе письма было сказано, что дальнѣйшій ходъ нашихъ пограничныхъ дѣйствій будетъ вполнѣ зависѣть отъ подписанія условій договора.

Пріѣхавъ 7-го ноября въ Ташкентъ, командующій войсками не нашелъ въ немъ не только подписанныхъ эмиромъ условій мирнаго трактата, но даже и письма отъ эмира

Между тѣмъ, враждебныя дѣйствія со стороны Бухары не прекращались. Хотя послѣ дѣлъ 7-го іюня и 5-го іюля большія массы бухарцевъ больше не показывались въ виду нашего передоваго отряда, но отдѣльныя шайки не переставали безпокоить вновь образованную, съ открытіемъ Туркестанскаго военнаго округа, Сыръ-Дарьинскую Область, являясь безпрерывно въ различныхъ пунктахъ ея обширной территоріи. Такъ, въ сентябрѣ, шайка киргизовъ, подъ предводительствомъ Садыка, недалеко отъ форта № 1-й, сдѣлала печаянное нападеніе на казаковъ у водопоя и изрубила значительное число безоружныхъ казаковъ; другая шайка, высланная бекомъ Назаромъ изъ кишлака Ушмы, вблизи Чиназа, захватила нашего артилерійскаго офицера, поручика Служенко, съ тремя рядовыми, которыхъ отвезли въ Бухару, гдѣ, по приказанію эмира, угрозами смерти и

другими жестокостями, плѣнниковъ принуждали принять магометанство и обучать бухарскія войска. На требованія полковника Абрамова и генерала Мантейфеля, исправлявшаго должность военнаго губернатора нынѣшней Сыръ-Дарьинской Области до открытія Туркестанскаго военнаго округа и до пріѣзда главнаго начальника края, о высылкѣ плѣнниковъ, эмиръ даже не отвѣчалъ.

Въ непродолжительномъ времени послѣ нападенія на казаковъ у форта № 1-й, Садыкъ появился у Чиназа и угналъ оттуда значительное количество скота, а новая шайка, высланная Назаромъ изъ Ушмы, сдѣлала нападеніе на казачій пикетъ у Мурза-Рабата. Несмотря на то, что Мусса-бекъ еще въ октябрѣ прибылъ въ Бухару, торговля Ташкента съ Бухарой почти совсѣмъ прекратилась. Эмиръ вовсе не выпускалъ каравановъ изъ Бухары. Изъ фортовъ сыръ-дарьинской линіи безпрестанно получались тревожные слухи.

Все это, въ связи съ дѣйствіями шаекъ, обнаруживало, что народъ за Сыромъ не довѣрялъ мирному настроенію эмира. Встрѣчи, дѣлаемыя генералу Кауфману, какъ новому генералъ-губернатору, туземнымъ населеніемъ городовъ Сыръ-Дарьинской Области, несмотря на торжественность и даже пышность наружной обстановки, далеко не отличались искренностію и радушіемъ. Во всемъ проглядывали холодная сдержанность, равнодушіе и даже неуваженіе къ представителю верховной власти въ краѣ. При въѣздѣ, 7-го ноября, въ Ташкентъ, генералъ Кауфманъ, у наружныхъ воротъ города, былъ встрѣченъ представителями духовной и свѣтской туземной администраціи Ташкента, окруженной весьма небольшой толпой народа, присоединившагося какъ бы изъ любопытства къ своимъ представителямъ. Затѣмъ, всѣ улицы, по которымъ ѣхалъ командующій войсками, до воротъ изъ сартовскаго города въ европейскій кварталъ, были совершенно пусты. Лишь кое-гдѣ, какъ бы нарочно высланные навстрѣчу, попадались въ пустынныхъ улицахъ города то нищіе, протягивавшіе руки за милостыней, то колѣки, стонавшіе отъ недуговъ. Только на верхнихъ площадкахъ воротъ базара, да воротъ, ведущихъ въ европейскій кварталъ, небольшія толпы взрослыхъ и дѣтей окружали музыкантовъ, трубившихъ въ длинныя ветхозавѣтныя мѣдныя трубы, унылый встрѣчный мотивъ.

Одни индусы, да евреи старались проявить болѣе радушія и привѣтливости.

По очевидной холодности пріема и по многимъ другимъ причинамъ, нельзя было не замѣтить, что настроеніе умовъ народа, и по эту сторону рѣки Сыръ-Дарьи, было не совсѣмъ нормальное. Не такъ

встрѣчаютъ азіятцы представителей нашей власти, когда у нихъ нѣтъ на умѣ какихъ-либо несбыточныхъ надеждъ. Ко всему этому, въ половинѣ ноября, получены были извѣстія о появленіи новыхъ шаекъ въ ура-тюбинскомъ и джизакскомъ раіонахъ, дѣлавшихъ небезопасными пути сообщенія даже по большой дорогѣ между Ура-Тюбе и Яны-Курганомъ. Командующій войсками счелъ нужнымъ поспѣшить осмотромъ передовой линіи, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ.

Прибывъ 23-го ноября въ Яны-Курганъ, командующій войсками засталъ тамъ бухарскаго уполномоченнаго, мирахура Мусса-бека, того самаго, который въ Оренбургѣ велъ переговоры съ генераломъ Крыжановскимъ и съ письмомъ командующаго войсками уѣхалъ въ Бухару.

Вмѣсто условій мирнаго трактата, Мусса-бекъ привезъ только письмо отъ эмира. Не принявъ, до возвращенія своего въ Ташкентъ, этого письма, командующій войсками потребовалъ отъ Мусса-бека объясненія причинъ вторженія въ джизакскій, ура-тюбинскій и другіе раіоны Сыръ-Дарьинской Области вооруженныхъ бухарскихъ шаекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, указавъ на несовмѣстность появленія шаекъ съ продолженіемъ мирныхъ переговоровъ и на главныхъ виновниковъ этихъ безпорядковъ, бековъ Санзарскаго и Чилекскаго, командующій войсками поручилъ уполномоченному написать немедленно объ этомъ эмиру и самаркандскому беку, прося обоихъ сдѣлать распоряженія о прекращеніи набѣговъ.

Съ другой стороны, внимая жалобамъ жителей джизакскаго раіона, принявшихъ подданство Россіи, на беззащитное положеніе и на обиды, причиняемыя имъ сосѣдними кишлаками, не вступавшими еще въ подданство, но которые, какъ принадлежавшіе къ джизакскому раіону до занятія Джизака нашими войсками, по условіямъ мирнаго трактата отходили къ намъ, а также на обиды, причиняемыя нашимъ подданнымъ разбойничьими шайками, высылаемыми изъ кишлаковъ беками, съ цѣлію сбора съ подвластнаго намъ туземнаго населенія податей, угона скота, отобранія имущества и наказанія за преданность; наконецъ, въ виду настоятельной необходимости осмотрѣть нашу новую границу, такъ какъ рекогносцировки Каратаускаго хребта до тѣхъ поръ еще не было сдѣлано, командующій войсками, по предварительномъ заявленіи объ этомъ уполномоченному, приказалъ начальнику яны-курганскаго передоваго отряда, полковнику Абрамову, сдѣлать рекогносцировку отходящаго къ намъ сѣвернаго склона Каратаускихъ горъ вплоть до кишлака Ушмы. Распоряженіе это, вызванное настоятельною необходимостію показать жителямъ при-

тѣсняемыхъ кишлаковъ, что наша власть всегда готова охранять ихъ мирный трудъ и покой, и сдѣланное съ вѣдома уполномоченнаго, разсыпавшагося въ положительныхъ увѣреніяхъ, что Сеидъ-Музафаръ безусловно согласенъ на всѣ условія мирнаго трактата и что онъ ничего не знаетъ о появленіи въ нашихъ предѣлахъ шаекъ (*), не могло повлечь за собой никакихъ недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что уполномоченный увѣрялъ, что въ шайкахъ вовсе нѣтъ бухарскихъ войскъ и что появленіе ихъ не можетъ быть признаваемо какъ нарушеніе мирныхъ условій.

На вопросъ командующаго войсками о причинахъ невозвращенія изъ Бухары нашихъ плѣнниковъ, Мусса-бекъ показалъ видѣ, что онъ ихъ въ Бухарѣ не видалъ, ничего о нихъ не слыхалъ и увѣрялъ командующаго войсками, что Служенки въ Бухарѣ нѣтъ и не было. Впослѣдствіи оказалось, что Мусса-бекъ, передъ отъѣздомъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, изъ Бухары въ Ташкентъ, былъ у Служенки и распрашивалъ его о томъ, гдѣ можно достать книгъ, необходимыхъ для изученія военнаго искуства.

6-го декабря, по возвращеніи своемъ въ Ташкентъ, командующій войсками сдѣлалъ бухарскому уполномоченному церемоніяльный пріемъ, въ присутствіи всѣхъ представителей военной и гражданской администраціи края, какъ русской, такъ и туземной.

Принимая Мусса-бека, командующій войсками торжественно объявилъ, что онъ пріѣхалъ въ край не для войны, а для мира и порядка, но что миръ съ Бухарой будетъ заключенъ только тогда, когда эмиръ подпишетъ и утвердитъ печатью, предложенныя ему въ Оренбургѣ, условія мирнаго договора.

Мусса-бекъ отвѣчалъ, что эмиръ высоко цѣнитъ и дорожитъ дружбой съ Россіей, хочетъ жить съ нею попрежнему въ мирѣ и согласіи, и желаетъ бѣлому царю и генералъ-губернатору добраго здоровья и благополучія. Съ этими словами Мусса-бекъ вручилъ командующему войсками два письма, одно отъ эмира, другое отъ ближайшаго его помощника, кушбеги. Письма эти не заключали въ себѣ ничего опредѣленнаго и дѣла впередъ не подвигали.

Въ письмѣ отъ эмира, между прочимъ, говорилось: «Посланныя

(*) Чтобы показать степень правдивости увѣреній бухарскаго дипломата, на сколько эмиръ не зналъ о вторженіи въ наши предѣлы шаекъ, замѣтимъ, что Садыкъ, за свои слишкомъ преувеличенные подвиги при нападеніи у форта № 1-й на безоружныхъ казаковъ, и за дѣло съ есауломъ Назаровымъ, между Зааминомъ и Джизакомъ, гдѣ у насъ было до шести человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, былъ принятъ эмиромъ съ большой церемоніей, щедро одаренъ деньгами, халатами и другими подарками.

условія получены. Предложенія доставлены. Всѣ предложенія соотвѣтствуютъ дружбѣ. Посылаю Мусса-бека въ надеждѣ, что онъ доставитъ отвѣтъ; равно посылаю и условія Два государства, слившись въ одно, доставятъ всѣмъ спокойствіе». Между тѣмъ, условій-то никакихъ прислано и не было. Тѣмъ не менѣе, Мусса-бекъ продолжалъ увѣрять, что эмиръ на все согласенъ, лишь бы наши войска не переходили означенную въ условіяхъ границу.

Командующій войсками замѣтилъ уполномоченному, что онъ готовъ ему вѣрить, но что во всемъ сказанномъ онъ убѣдится тогда, когда будутъ убраны шайки и возвращены захваченные въ плѣнъ поручикъ Служенко и три рядовыхъ.

Черезъ три дня послѣ этого пріема, Мусса-бекъ получилъ отъ эмира письмо, которое было отвѣтомъ на письмо Мусса-бека, посланное Сеидъ-Музафару изъ Яны-Кургана.

Мусса-бекъ показалъ письмо командующему войсками въ подлинникѣ. Эмиръ выражалъ въ немъ обиду на рѣзкія требованія, сдѣланныя ему полковникомъ Абрамовымъ и генераломъ Мантейфелемъ, о выдачѣ поручика Служенки, и говорилъ, что онъ не отпускаетъ его потому, что все еще надѣется возобновить дружбу съ Россіей, для чего онъ даже, почти, согласенъ на условія мирнаго трактата, заключеннаго Мусса-бекомъ въ Оренбургѣ.

Желая скорѣе освободить нашихъ плѣнныхъ изъ весьма тяжелаго для нихъ положенія въ Бухарѣ, командующій войсками, 19-го декабря, написалъ эмиру второе весьма любезное письмо, прося скорѣйшаго возвращенія плѣнныхъ и высылки условій мирнаго трактата.

На это второе письмо, въ началѣ января 1868 года, былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ эмира: «Офицеры и солдаты отпущены; посланное письмо получено въ хорошій часъ. Смыслъ написаннаго понятъ. Въ письмѣ сказано, что нужно приложить печать. Условіе неизвѣстно. Это условіе должно прибыть со стороны русскихъ и остаться въ благородной Бухарѣ».

Когда показали это письмо Мусса-беку, старикъ сперва съ удивленіемъ сказалъ, что онъ не понимаетъ о чемъ говоритъ эмиръ, а потомъ показалъ видъ, что и самъ не понимаетъ вовсе чего требуютъ отъ Бухары.

Когда ему снова разъяснили, что эмиръ долженъ выслать собственноручно подписанныя и скрѣпленныя своей печатью условія мирнаго договора, заключеннаго имъ въ Оренбургѣ сперва съ генераломъ Крыжановскимъ, а потомъ съ командующимъ войсками, Мусса-

бекъ, какъ бы поняв въ чемъ дѣло, съ радостію воскликнулъ: «Да это очень легко сдѣлать: если бы въ Бухарѣ поняли, что вы отъ насъ требуете только этого, такъ давно бы уже условія мирнаго трактата были здѣсь. Я сейчасъ же напишу эмиру обо всемъ!».

Въ послѣдующее затѣмъ время, къ Мусса-беку безпрестанно продолжали пріѣзжать изъ Бухары гонцы, но ничего толковаго оттуда не привозили. Мусса-бекъ двуличничалъ: тайкомъ посылалъ въ Бухару гонцовъ, преимущественно въ темныя ночи, хотя пользовался полной свободой и не имѣлъ надобности дѣйствовать скрытно.

Въ началѣ декабря, полковникъ Абрамовъ, съ тремя сотнями казаковъ и съ двумя конными орудіями, сдѣлалъ рекогносцировку сѣвернаго склона Каратаускаго хребта, но нѣсколько далѣе крайняго пункта, указаннаго командующимъ войсками, а именно на пространствѣ между Джизакомъ и Ухумомъ.

Движеніе къ Ухуму было сдѣлано на томъ основаніи, что жители кишлаковъ, принявшихъ наше подданство, усиленно просили полковника Абрамова избавить ихъ отъ обидъ, причиняемыхъ имъ шайками, часто выѣзжающими изъ Ухума.

Вслѣдствіе этого полковникъ Абрамовъ рѣшился продолжить движеніе отряда до названнаго пункта и разрушить разбойничье гнѣздо.

На протяженіи 80 верстъ отъ Джизака, движеніе отряда было безпрепятственно; но, по мѣрѣ приближенія къ Ухуму, въ горахъ стали показываться шайки, которыя 5-го декабря, вблизи Ухума, встрѣтили авангардъ нашего отряда и высланную отъ него съёмочную партію выстрѣлами. Со стороны авангарда нашего отряда также былъ открытъ огонь и перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ продолжалась около двухъ часовъ.

6-го декабря, полковникъ Абрамовъ, оставивъ обозъ, одно орудіе и $^1/_2$ сотни казаковъ на позиціи, при входѣ въ ухумское ущелье, съ остальными $2^1/_2$ сотнями, при одномъ орудіи, безъ ящика, двинулся по ущелью, гдѣ, встрѣченный снова выстрѣлами, продолжалъ движеніе впередъ. Непріятель, не прекращая пальбы, сталъ отступать къ селенію.

Чтобы окончательно разсѣять бухарцевъ, полковникъ Абрамовъ приказалъ поставить одно орудіе на высоту и открыть огонь какъ по шайкамъ, такъ и по селенію.

Непріятель пытался нѣсколько разъ атаковать нашъ отрядъ, но, видя безуспѣшность атакъ, отступилъ. Тогда были посланы въ Ухумъ сперва джигиты, а потомъ $^1/_2$ сотни казаковъ, которые зажгли

этотъ кишлакъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Только послѣ этого къ полковнику Абрамову выѣхали аксакалы съ изъявленіемъ покорности.

7-го декабря нашъ отрядъ вышелъ изъ Ухума и спокойно возвратился въ Яны-Курганъ.

Рекогносцировка полковника Абрамова фактически обнаружила, что эмиръ, противудѣйствуя распространенію нашего вліянія на туземное населеніе и не отказываясь отъ своихъ правъ даже на ближайшія къ Джизаку селенія, еще лѣтомъ 1867 года назначилъ въ четырехъ пунктахъ Каратаускихъ горъ, въ укрѣпленіяхъ Ата, Хулкала, Каргуты и Ухумѣ четырехъ начальниковъ шаекъ: Тиль ходжу, Бекъ-Назара, Джумабай-бія и Муллу-казы, съ цѣлію сбора съ нашего населенія податей и наказанія за поспѣшное изъявленіе покорности и принятія русскаго подданства.

Всѣ эти лица были хорошо извѣстны эмиру, имѣли отъ него патенты на достоинства и значки.

Старшій изъ нихъ, Мулла-казы, управлялъ общимъ ходомъ дѣла и получалъ приказанія прямо изъ Бухары.

Дѣйствія шаекъ, высылаемыхъ этими лицами, на первыхъ порахъ выразились въ двусмысленной роли, которую стали играть жители и аксакалы даже ближайшихъ къ Джизаку деревень.

Когда обстоятельство это было поставлено на видъ бухарскому уполномоченному, Мусса-бекъ всѣми силами старался увѣрить, что все это дѣлалось помимо воли эмира и по своеволію бековъ. Между тѣмъ, своеволіе ихъ увеличивалось день отъ дня. Въ началѣ 1868 г., беки стали, наконецъ, изгонять изъ кишлаковъ, принявшихъ русское подданство, аксакаловъ, назначенныхъ нашею администраціею.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, чтобы оградить аксакаловъ и жителей преданныхъ намъ кишлаковъ отъ подобныхъ дѣйствій эмировыхъ бековъ, командующій войсками счелъ необходимымъ повторить рекогносцировку сѣвернаго склона Каратаускихъ горъ, имѣя, между прочимъ, въ виду выбрать на западной оконечности этихъ горъ мѣсто, удобное для укрѣпленія, которое разъ навсегда положило бы конецъ всѣмъ попыткамъ бековъ къ нападенію на нашихъ подданныхъ.

Объ этой второй рекогносцировкѣ командующій войсками также увѣдомилъ бухарскаго уполномоченнаго. Мусса-бекъ, ничего не возражая противъ такой мѣры, продолжалъ попрежнему увѣрять, что шайки состоятъ изъ бездомныхъ жителей и разнаго сброда, никому неподчиняющагося, и что появленіе ихъ происходитъ отъ своеволія бековъ.

Слагая, такимъ образомъ, отвѣтственность за дѣйствіе шаекъ

съ эмира, Мусса-бекъ, поневолѣ, соглашался съ необходимостію наказанія шаекъ и разсѣянія ихъ нашими войсками.

Февраль 1868 года приходилъ къ концу, а изъ Бухары не было никакихъ извѣстій. Командующій войсками, наскучивъ ожиданіями и потерявъ окончательно вѣру въ правдивость словъ Мусса-бека, рѣшился возвратить его въ Бухару съ третьимъ письмомъ къ Сеидъ-Музафару, отъ 28-го февраля, въ которомъ, слѣдуя рѣшимости быть до-нельзя терпѣливымъ и сдѣлать, съ своей стороны, все что возможно для предупрежденія военныхъ дѣйствій, говорилъ, что несмотря на то, что въ теченіе пяти мѣсяцевъ, истекшихъ со времени пріѣзда его въ Ташкентъ, мирный трактатъ еще не подписанъ, онъ ниразу не измѣнилъ данному слову и войска наши не безпокоили бухарскихъ предѣловъ; что, въ видахъ поддержанія дружественныхъ отношеній, приписывая неприсылку мирнаго договора непонятному недоразумѣнію, онъ принялъ бухарскаго уполномоченнаго какъ уполномоченнаго вполнѣ дружественнаго государства; что все сказанное этому уполномоченному имѣло цѣлію убѣдить его въ совершенно искреннихъ мирныхъ намѣреніяхъ; что, принимая, наконецъ, фактъ отпуска нашихъ плѣнныхъ за очевидное доказательство мирныхъ же намѣреній эмира, онъ, отправляя Мусса-бека въ Бухару, надѣется, что уполномоченный выяснитъ эмиру всѣ недоразумѣнія и миръ будетъ заключенъ.

Въ концѣ письма командующій войсками писалъ: «Посылаю съ мирахуромъ Мусса-бекомъ двѣ копіи съ трактата, препровожденнаго Вамъ изъ Оренбурга, обѣ скрѣпленныя моею подписью и печатью. Если, дѣйствительно, Ваше Высокостепенство непремѣнно желаете жить въ дружбѣ и согласіи съ нами, то возвратите мнѣ немедленно одну изъ этихъ копій, приложивъ къ ней, въ знакъ утвержденія Вашего, свою печать. Другая копія, мною же утвержденная, останется у Васъ, для руководства Вашего и успокоенія народа, который тогда, не опасаясь разорительной и пагубной войны, займется мирными дѣлами и выгодною для него торговлею. Съ того дня, какъ получится отъ Васъ утвердительный отвѣтъ, т. е. когда Ваше Высокостепенство возвратите одну изъ копій, утвержденную вашею эмирскою печатью, миръ между Бухарой и Россіею будетъ считаться заключеннымъ и утвержденнымъ, и я возьму на себя строгое выполненіе выраженныхъ въ трактатѣ условій. До тѣхъ же поръ я не буду считать себя связаннымъ этими условіями и буду дѣйствовать по своему усмотрѣнію, сообразно съ выгодами ввѣреннаго мнѣ края и обстоятельствами».

Отправляясь въ Бухару, Мусса-бекъ увѣрялъ командующаго войсками, что неприсылка условій мирнаго трактата есть дѣло недоразумѣнія, и что онъ непремѣнно, въ самомъ скоромъ времени, привезетъ ихъ въ Ташкентъ.

Неискренность эмира и его уполномоченнаго и желаніе переговорами оттягивать только время, не замедлила вскорѣ обнаружиться наглядно.

29-го февраля, отрядъ маіора Гринпенберга, которому поручено было исполнить вторую рекогносцировку, въ составѣ трехъ ротъ пѣхоты, одной казачьей сотни, при двухъ ракетныхъ станкахъ и взводѣ конно-облегченной батареи, выступилъ изъ Яны-Кургана вдоль сѣвернаго склона Каратаускихъ горъ. При отрядѣ, для выбора мѣста подъ предполагаемое укрѣпленіе и для спеціяльной оцѣнки мѣстности, какъ въ военномъ, такъ въ хозяйственномъ отношеніи, находились одинъ офицеръ генеральнаго штаба и одинъ военный-инженеръ. Уже жители ближайшихъ къ Джизаку кишлаковъ встрѣчали отрядъ Гринпенберга не вполнѣ дружелюбно; шестой же кишлакъ, Яны-кишлакъ, лежащій въ 60 верстахъ отъ Джизака и находившійся въ русскомъ подданствѣ, съ самаго занятія города отказался продавать отряду хлѣбъ и фуражъ, что заставило маіора Гринпенберга сдѣлать фуражировку. Тоже непріязненное расположеніе было замѣчено и во всѣхъ остальныхъ кишлакахъ, вплоть до Ухума.

Всѣ свѣдѣнія, доставленныя маіору Гринпенбергу лазутчиками, сходились на томъ, что жители всѣхъ кишлаковъ, по приказанію бухарскихъ властей, бѣгутъ при извѣстіи о приближеніи отряда.

По прибытіи нашего отряда въ кишлакъ Сарымъ-Саклы, маіоръ Гринпенбергъ узналъ, что три бека, ката-курганскій, пенжамбекскій и хатырчинскій, 3-го марта, прибывъ въ кишлакъ Яны-Кичу, ожидаютъ тамъ изъ Самарканда 1000 пѣшихъ сарбазовъ, имѣя въ виду зайти въ тылъ нашего отряда, въ то время какъ нуратинскій бекъ, соединясь съ 1000 сарбазовъ занимающихъ Ухумъ, сдѣлаетъ на него нападеніе съ фронта. И дѣйствительно, когда отрядъ Гринпенберга, 7-го марта, подошелъ къ ухумскому ущелью, всѣ окрестныя высоты были заняты непріятелемъ.

Генеральнаго штаба капитанъ Деннетъ, посланный на рекогносцировку, убѣдился, что на высотахъ Ухума были не сбродъ бездомныхъ бродягъ и не шайки своевольныхъ бековъ, а регулярныя войска эмира, занявшія позицію и усилившія свое расположеніе сложенными изъ камня ложементами, за которыми стояло 11 фальконетовъ.

Когда позиція непріятеля была осмотрѣна, и капитанъ Деннетъ съ

10 казаками возвращался въ лагерь, непріятель открылъ по казакамъ огонь и бросился въ атаку. Казаки спѣшились и залпомъ удержали стремленіе непріятеля. Бухарцы, видя дебушпрующую изъ лощины сотню казаковъ и наступающую пѣхоту, высланную по первому выстрѣлу маіоромъ Гринпенбергомъ, отступили на укрѣпленную свою позицію.

Такимъ образомъ, первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ.

Маіоръ Гринпенбергъ, желая овладѣть Ухумомъ до прибытія къ непріятелю подкрѣпленій, направилъ двѣ колоны: одну, въ составѣ роты пѣхоты, сотни казаковъ при двухъ ракетныхъ станкахъ, подъ начальствомъ капитана Деннета, по ухумскому ущелью, а другую, изъ роты пѣхоты, подъ начальствомъ поручика Каразина, въ обходъ лѣваго фланга позиціи непріятеля, по хаятскому ущелью.

Рота пѣхоты, при двухъ орудіяхъ, оставлена была въ резервѣ, для прикрытія лагеря и обоза.

Непріятель открылъ по наступавшимъ колонамъ огонь ружейный, изъ фальконетовъ и кушумныхъ орудій малаго калибра; несмотря на то, наши колоны, послѣ непродолжительной перестрѣлки, овладѣли высотами и далеко преслѣдовали отступавшихъ бухарцевъ.

Потеря непріятеля заключалась въ 70 убитыхъ. У насъ убыло изъ строя два раненыхъ. Три значка, два кушумныхъ орудія, нѣсколько десятковъ ружей и сабель составляли трофей дня.

По собраннымъ, впослѣдствіи, свѣдѣніямъ оказалось, что въ дѣлѣ 7-го марта участвовали, кромѣ ухумскихъ жителей, 700 регулярныхъ пѣшихъ и 264 конныхъ сарбазовъ, подъ начальствомъ нуратинскаго бека. Беки ката-курганскій, пенджамбекскій и хатырчинскій не поспѣли въ дѣло, находясь въ 28 верстахъ отъ Ухума.

Замѣтимъ, что дѣло происходило въ то время, когда уполномоченный эмира, возвращаясь въ Бухару, могъ съ Ташъ-Купрюка (*) сдѣлать распоряженіе объ отозваніи изъ Ухума сарбазовъ нуратинскаго бека, и, по всей вѣроятности, Мусса-бекъ сдѣлалъ-бы это, если-бы нуратинскій бекъ дѣйствовалъ по своеволію, а не по приказанію эмира.

Между тѣмъ, шайки продолжали являться попрежнему, дѣлая все болѣе и болѣе небезопаснымъ сообщенія между Чиназомъ, Джизакомъ и Яны-Курганомъ.

Несмотря на столь очевидное проявленіе противорѣчія между обѣщаніями и согласіемъ на миръ, выражавшееся въ вооруженномъ дѣйствіи войскъ эмира на уступленной намъ территоріи, командующій войсками, допуская, что противорѣчіе могло не зависѣть отъ воли эмира, продолжалъ переговоры, а для противодѣйствія шайкамъ сформировалъ въ Джизакѣ летучій казачій отрядъ, чтобы имѣть возможность во всякое время преслѣдовать шайки, еслибы онѣ продолжали показываться въ нашихъ предѣлахъ и безпокоить нашихъ жителей. Отрядъ этотъ, въ составѣ пяти сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Штрандмана, былъ подчиненъ еще начальнику Джизакскаго уѣзда, которому было приказано пользоваться имъ какъ средствомъ для отраженія и наказанія разбойничьихъ шаекъ на нашей территоріи. Переходить же границу было строжайше воспрещено.

(*) Каменный мостъ черезъ ручей, на половинѣ разстоянія между Яны-Курганомъ и Самаркандомъ.

Съ 17-го марта по апрѣль, подполковникъ Штрандманъ произвелъ нѣсколько рекогносцировокъ въ горы до предположенной границы, что заставило шайки на двѣ недѣли скрыться.

Объ усиленіи пограничныхъ войскъ командующій войсками сообщилъ эмиру письмомъ отъ 14-го марта, въ которомъ, ясно опредѣливъ цѣль усиленія передовыхъ войскъ и назначенія летучаго отряда, объяснилъ причины, вызвавшія распоряженіе.

Въ томъ же письмѣ, командующій войсками упомянулъ и о цѣли высылки отряда маіора Гринпенберга, такими словами: «Прошу васъ не тревожиться высылкою этого отряда, такъ какъ цѣль его не война, а миръ, и введеніе порядка, безъ котораго не можетъ быть спокойствія и благоденствія».

Послѣ полученія донесенія о дѣлѣ 7-го марта, командующій войсками писалъ снова эмиру: «Я узналъ, что пограничные беки высылаютъ войска къ нашимъ подданнымъ по сю сторону Каратаускихъ Горъ. Отрядъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ разбилъ и прогналъ тѣхъ изъ бековъ, которые встрѣтили его у Ухума, на нашей территоріи.

«Такія дѣйствія показываютъ, что или беки не знаютъ о томъ, что весь сѣверный склонъ Каратаускихъ Горъ уступленъ Россіи, или они не исполняютъ Вашихъ приказаній не переходить границу и не нарушать покой. Въ первомъ случаѣ, прошу Васъ извѣстить ихъ объ уступкѣ намъ сѣвернаго склона Каратаускихъ Горъ; во второмъ, я надѣюсь, Вы ихъ не оставите безъ взысканія. Отрядъ же, бывшій близъ Ухума, возвращается къ своему мѣсту. Оставаясь при томъ же рѣшеніи относительно мира, я надѣюсь, что Вы уже выслали подписанныя Вами условія».

Лишь только было отправлено это письмо, какъ пріѣхалъ новый посланный, мирза Шамсутдинъ, съ новымъ письмомъ отъ эмира, въ

которомъ Сеидъ-Музафаръ, заявляя о своемъ искреннемъ желаніи заключить миръ, просилъ еще разъ разъяснить ему: какія именно горы должны быть границей между Россіей и Бухарой.

Командующій войсками, въ письмѣ отъ 24-го марта, отправленномъ въ Бухару съ мирзою Шамсутдиномъ, далъ точный отвѣтъ на вопросъ о границѣ и, въ заключеніе, снова просилъ поспѣшить высылкою подписанныхъ условій ко времени отъѣзда его въ Петербургъ, который имѣлъ быть 9-го апрѣля.

Чтобы вполнѣ выяснить двоедушіе эмира и сдѣлать понятною ту роль, какую онъ игралъ въ событіяхъ предшествовавшихъ экспедиціи, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о томъ, что дѣлалось въ Бухарѣ какъ въ послѣдніе годы вообще, такъ и во все время переговоровъ съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, послѣ пріѣзда его въ Ташкентъ.

Нынѣшній эмиръ, Сеидъ-Музафаръ Багадуръ-ханъ, ознаменовалъ начало своего правленія удачными военными дѣйствіями въ Коканѣ и противъ туркменовъ, что вселило въ немъ большую самоувѣренность и высокое о себѣ понятіе. Народъ бухарскій также былъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, высокаго мнѣнія о военныхъ способностяхъ своего повелителя. Но рядъ пораженій, нанесенныхъ съ 1865 года бухарцамъ нашими храбрыми, неутомимыми войсками, потеря Ура-Тюбе, Джизака и Яны-Кургана, ирджарскій погромъ, гдѣ Музафаръ едва ли не первый бѣжалъ съ поля битвы, давъ постыдный примѣръ трусости всей своей 100,000 арміи, все это, въ связи съ обнаруженнымъ неумѣньемъ управлять ханствомъ, подорвало къ нему уваженіе народа и его представителей — бековъ и духовенства.

Беки, трепетавшіе передъ отцомъ Сеидъ-Музафара, Насыръ-Уллой, въ послѣдніе годы стали отъ него чуть не въ вассальную зависимость, начали самовольно распоряжаться въ подчиненныхъ имъ раіонахъ ханства и не исполнять его приказаній.

Шахрисябзъ, никогда не симпатизировавшій бухарскимъ эмирамъ, имѣя во главѣ умнаго и дѣятельнаго бека Джура-бія, окончательно отложился, переставъ считать обязательными для себя не только приказанія, но даже и просьбы эмира. Къ концу 1867 года этотъ свободный городъ сдѣлался убѣжищемъ всѣхъ недовольныхъ и гонимыхъ, изъ числа самыхъ вліятельныхъ людей ханства. Несмотря на усиленныя просьбы эмира, Джура-бій не ѣздилъ въ Бухару, даже для совѣщаній по такимъ важнымъ вопросамъ, какъ оборона страны отъ владычества русскихъ и защита мусульманства, объявивъ разъ навсегда, что въ войнѣ за вѣру Шахрисябзъ не будетъ въ ряду послѣднихъ.

Китай-кипчаки, составляющіе значительную часть осѣдлаго населенія Бухарскаго Ханства, недовольные эмиромъ еще съ ирджарскаго дѣла, за казнь своихъ любимѣйшихъ старшинъ, по несправедливому обвиненію въ трусости и измѣнѣ; преслѣдуемые безпрерывно за мнимыя сношенія съ русскими властями и подозрѣваемые въ наклонности къ измѣнѣ, были также недовольны Сеидъ-Музафаромъ.

Духовенство, купечество и остальной народъ ханства равномѣрно имѣли свои причины быть имъ недовольными.

Трехлѣтняя непрерывная борьба съ Россіей требовала большихъ расходовъ на содержаніе большаго числа войскъ. Наслѣдованные отъ отца денежные запасы эмира были израсходованы на безполезныя завоеванія въ Коканѣ и въ первый годъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій. Въ послѣдующіе два года, чрезвычайныя издержки на содержаніе войскъ эмиръ покрывалъ съ помощію усиленныхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, которые народъ во многихъ мѣстахъ платилъ иногда вдвойнѣ, по корыстолюбію и жадности бековъ. Частыя смѣны бековъ съ мѣстъ, неизбѣжныя при сильно-развитой системѣ шпіонства и доносовъ, имѣли слѣдствіемъ то, что многіе въ грабежѣ народа искали средствъ для щедрыхъ подарковъ эмиру, которыми въ Бухарѣ всегда возможно откупиться отъ самыхъ тяжкихъ обвиненій, или для обезпеченія своей будущности, во время бѣгства въ Шахрисябзъ или другія мѣста.

Лѣтомъ 1867 года,ославъ Мусса-бека въ Оренбургъ, для заключенія мирнаго трактата съ Россіей, эмиръ, несмотря на полученныя отъ генералъ-адъютанта Крыжановскаго заявленія о прекращеніи военныхъ дѣйствій, собиралъ въ Самаркандѣ и въ другихъ мѣстахъ частые совѣты, для рѣшенія вопроса: продолжать ли войну или покончить ее; но такъ какъ совѣты не приводили ни къ какому опредѣленному рѣшенію, обязательному для всѣхъ, то, несмотря на такой осязательный фактъ рѣшимости не вести болѣе войны, какъ выводъ войскъ въ августѣ 1867 года изъ Самарканда въ Бухару, интрига сословій и лицъ вліятельныхъ привела эмира къ открытію новыхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій.

Продолжая переговоры о мирѣ, Сеидъ-Музафаръ пытался попробовать: не удастся-ли гдѣ-нибудь нанести намъ вредъ, который далъ бы ему поводъ понадѣяться на успѣхъ рѣшительной борьбы съ нами. Не имѣя твердаго намѣренія заключить миръ, онъ считалъ необходимымъ собирать съ народа средства для веденія войны пу-

темъ усиленныхъ чрезвычайныхъ налоговъ, оправдывая необходимость чрезвычайныхъ сборовъ мнимою опасностію положенія ханства, которое безъ рѣшительной борьбы будто бы не могло сохранить независимости святынь средне-азіятскихъ мусульманъ, или обманывая представителей народа объявленіемъ имъ небывалыхъ требованій туркестанскаго генералъ-губернатора.

Такъ, въ октябрѣ, послѣ пріѣзда Мусса-бека изъ Оренбурга съ условіями мирнаго договора, вмѣсто того, чтобы прямо объявить народу о заключеніи мира, эмиръ собралъ совѣтъ для обсужденія вопроса: продолжать-ли войну? На этомъ совѣтѣ уполномоченный эмира, Мусса-бекъ, которому больше чѣмъ кому-либо были извѣстны всѣ требованія генерала Кауфмана, въ числѣ которыхъ ни о какой контрибуціи и помину не было, по желанію эмира сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Заключеніе мирнаго договора съ русскими будетъ, во всякомъ случаѣ, обременительно для Бухарскаго Ханства, такъ какъ туркестанскій генералъ-губернаторъ, по всей вѣроятности, потребуетъ уплаты большой контрибуціи. Собрать деньги для контрибуціи можно не иначе, какъ усиливъ подати съ народа, а это возбудитъ ропотъ, что и было уже при вторичномъ неуспѣхѣ покойнаго Вашего отца противъ шахрисябцевъ». Всѣ согласились съ мнѣніемъ Мусса-бека и настоятельно просили эмира объявить русскимъ войну.

Сеидъ-Музафаръ,ославъ Мусса-бека, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Ташкентъ съ письмомъ къ генералъ-губернатору, извѣстнаго уже намъ содержанія, и поручивъ ему увѣрять генерала Кауфмана, что онъ вполнѣ согласенъ на всѣ условія мира и въ непродолжительномъ времени вышлетъ подписанный имъ мирный трактатъ, сдѣлалъ весьма обременительный налогъ на все купеческое сословіе, по особой для каждой отдѣльной личности раскладкѣ; у духовенства отнялъ плату, получаемую за обученіе юношества въ медресе, а со всего остальнаго народа сдѣлалъ чрезвычайный сборъ: скупивъ почти всѣ бывшія въ обращеніи теньги, въ которыхъ считалось 64 чеки, и распустивъ слухъ, что теньга будетъ приниматься въ казну, въ уплату податей, по курсу въ 132 чеки, онъ поднялъ этимъ курсъ оставшихся въ обращеніи тенегъ до 200 чекъ, и затѣмъ выпустилъ вновь отчеканенныя плохой пробы теньги, съ обязательнымъ курсомъ въ 132 чеки.

Обогативъ казну обманомъ народа, эмиръ, весьма естественно, возбудилъ противъ себя народъ, вызвавъ въ немъ ропотъ и негодованіе.

Если прибавить къ этому, что вслѣдствіе усиленнаго привоза русскихъ товаровъ въ Ташкентъ, прекращенія торговли съ Ташкентомъ и убытковъ, понесенныхъ купечествомъ отъ неожиданнаго паденія въ 1867 году цѣнъ на хлопокъ, купечество было разорено, а духовенство встревожено посягательствомъ на источникъ главнѣйшихъ своихъ доходовъ, то станетъ весьма понятно, почему оба эти сословія вмѣстѣ съ беками дѣйствовали на народъ, усиливая возбужденія его и противъ эмира, для котораго такимъ образомъ борьба съ Россіею стала обязательна, и противъ русскихъ, какъ виновниковъ дѣйствій эмира, подрывавшихъ благосостояніе всѣхъ сословій. Улемы, хотя и поневолѣ, принеся свою лепту для войны противъ русскихъ, обвиняли эмира въ равнодушіи къ положенію мусульманства, требовали борьбы съ русскими на смерть, увѣряя народъ, что Богъ не выдастъ мусульманъ пришлымъ кяфирамъ, и, не расчитывая на силу одного бухарскаго народа, въ видахъ интересовъ мусульманства, распространяли пропаганду во всемъ средне-азіятскомъ кочевомъ и осѣдломъ населеніи. Беки пограничныхъ мѣстъ, получая приказанія эмира дѣйствовать враждебно противъ нашихъ пограничныхъ отрядовъ и туземнаго подданнаго намъ населенія, поощряемые наградами за удачные сборы податей съ кишлаковъ принявшихъ русское подданство, и увѣренные по чрезвычайнымъ сборамъ съ народа въ неизбѣжности войны, дѣйствовали все смѣлѣе и смѣлѣе. Купечество, болѣе знакомое съ нашей силой, хотя менѣе другихъ раздѣляло вѣру въ успѣхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, но, не смѣя открыто высказаться, изъ опасенія быть обвиненнымъ въ равнодушіи къ дѣлу вѣры, требовало одного изъ двухъ: или рѣшительной войны, или скорѣйшаго заключенія мира.

При такомъ возбужденіи народа, Сеидъ-Музафаръ, и въ минуты искреннѣй рѣшимости заключить миръ, колебался открыто высказывать свою рѣшимость; но, какъ бы предчувствуя несчастный для него исходъ борьбы, не отваживался и начинать войны. Во все время шестимѣсячныхъ переговоровъ, продолжая увѣрять генералъ-губернатора въ искреннемъ желаніи заключить миръ, повелитель правовѣрныхъ, въ то же время, оставлялъ народъ въ ожиданіи предстоящей рѣшительной борьбы, начало которой онъ откладывалъ отъ одного праздника до другаго.

Улемы, напрягая усилія для воспламененія возможно-большаго фанатизма въ народѣ, думали, что курбанъ-байрамъ, когда мусульмане, по примѣру Авраама, въ доказательство своей вѣры способны

принести всякую жертву, будетъ признанъ эмиромъ самымъ удобнымъ временемъ для начала военныхъ дѣйствій; но когда надежды ихъ не оправдались, когда сталъ приходить къ концу и этотъ праздникъ, а война не была начата, они, потерявъ окончательно вѣру въ искренность намѣреній эмира, возстали поголовно и начали возбуждать къ возстанію народъ.

Желая унять волненіе народа, эмиръ, въ первыхъ числахъ марта, созвалъ въ Бухарѣ второй чрезвычайный совѣтъ для общаго и окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ: заключить-ли съ Россіей миръ или начать войну? На совѣтѣ участвовала большая часть бековъ ханства (которыхъ тамъ считалось до 6,000), улемовъ и богатаго купечества. Эмиръ не присутствовалъ въ залѣ совѣта, но слѣдилъ за происходившими преніями изъ-за стѣны. Пренія начались весьма шумно; большинство было за войну. Улемы и слышать не хотѣли о мирѣ, осыпая бранью и укоряя въ измѣнѣ всѣхъ, стоявшихъ за миръ. Въ одномъ только всѣ соглашались единодушно, именно въ томъ, что Сеидъ-Музафаръ, по равнодушію къ дѣламъ вѣры и благосостоянію подданныхъ, неспособенъ управлять дѣлами ханства, и что если онъ останется эмиромъ, то мусульманство погибнетъ.

Эмиръ, испуганный такимъ ходомъ преній, опасаясь за свою жизнь, тайно выѣхалъ изъ Бухары на богомолье къ могилѣ Багова-Эддина, котораго мусульмане чтятъ еще болѣе, чѣмъ Азретъ-султана, считая его камнемъ преткновенія для русскихъ, и вполнѣ увѣренные, что онъ не допуститъ кяфировъ овладѣть очаровательнымъ Самаркандомъ и благородной Бухарой.

Улемы, воспользовавшись отъѣздомъ эмира, составили «ривоядъ» (*), по которому всякій, кто немедленно не возьмется за оружіе для отчаянной борьбы съ русскими, съ цѣлію освободить мусульманъ отъ ихъ владычества, признавался измѣнникомъ.

Когда всѣ улемы приложили къ ривояду свои печати, они стали требовать выбора новаго эмира, указывая на старшаго его сына Ката-Тюрю или на племянника его, въ концѣ 1866 года бѣжавшаго въ Шахрисябзъ и по завѣщанію покойнаго эмира Насыръ-Уллы, объявленнаго въ числѣ лицъ, имѣющихъ право на наслѣдство трона Тамерлана.

Эмиръ, узнавъ изъ письма кушбеги о намѣреніи совѣта отнять у него власть, направился отъ могилы Богава-Эддина въ городъ

(*) Ривоядъ—подборъ статей изъ корана или изъ жизни имамовъ, объясняющихъ какъ поступать въ данномъ случаѣ. Ривоядъ, къ которому приложены печати улемовъ, имѣетъ силу закона.

Гижъ-Дуванъ. Въ попутныхъ селеніяхъ народъ разбѣгался при приближеніи эмира. Въ комнаты, занимаемыя имъ во время ночлеговъ, ежедневно подбрасывали записки, въ которыхъ говорилось, что его убьютъ, если онъ не выгонитъ русскихъ изъ Средней Азіи. Въ Гижъ-Дуванѣ онъ былъ встрѣченъ лишь нѣсколькими сартами; улицы и базаръ были совершенно пусты.

Слѣдуя далѣе, по пути въ Кермине, населеніе котораго всегда отличалось преданностію Музафару, какъ прежнему своему непосредственному управителю, эмиръ получилъ донесеніе о движеніи къ Ухуму отряда маіора Гриппенберга, а въ Кермине его встрѣтилъ Мусса-бекъ уже извѣстіемъ о печальномъ результатѣ ухумскаго дѣла.

Это извѣстіе было новымъ ударомъ для Сеидъ-Музафара. Думая сначала усмирить волненіе народа, онъ искренно желалъ мира, вслѣдствіе чего, поспѣшивъ отправленіемъ въ Ташкентъ новаго посланца, мирзы Шамсутдина, съ письмомъ къ генералъ-губернатору, онъ вернулся въ Бухару, въ надеждѣ, что извѣстіе о пораженіи бухарскаго отряда у Ухума умѣритъ воинственный порывъ представителей всѣхъ сословій, и что ему удастся, согласивъ народъ на необходимость заключенія мира, наказать виновниковъ возбужденія противъ него подданныхъ. Но уже было поздно. Улемы воспользовались извѣстіемъ о дѣлѣ подъ Ухумомъ для большаго возбужденія народа къ войнѣ. И дѣйствительно, подъ вліяніемъ фанатическихъ рѣчей духовенства, народъ встрѣтилъ эмира новымъ требованіемъ изгнать русскихъ изъ Средней Азіи.

Уступая требованію народа, Сеидъ-Музафаръ забралъ съ собою всѣхъ сарбазовъ находившихся въ Бухарѣ, возвратился въ Кермине и здѣсь торжественно, какъ глава мусульманъ, объявилъ *газаватъ*. Немедленно были сдѣланы распоряженія о сборѣ войскъ и о направленіи ихъ къ Самарканду. Ханы коканскій и хивинскій приглашались принять участіе въ предстоящей борьбѣ. Все средне-азіятское духовенство получило приглашеніе дѣйствовать на народъ, призывая къ оружію на защиту мусульманства.

«Очаровательный Самаркандъ, сіяющая точка міра,» была указана центромъ, къ которому должны были стекаться мусульмане со всѣхъ сторонъ.

Сверхъ того, Сеидъ-Музафаръ просилъ помощи у претендента на авганскій престолъ. Претендентъ отвѣчалъ, что авганцы готовы помочь и что значительный отрядъ ихъ войскъ будетъ присланъ непремѣнно, но что лучше было-бы если-бы эмиръ, пропустивъ чрезъ свои владѣнія всѣ авганскія войска, дозволилъ имъ начать самостоятельную

войну съ русскими. Опасаясь неискренности претендента, эмиръ отклонилъ готовность Авганистана оказать помощь и понадѣялся на средства соединенныхъ силъ мусульманъ.

Новые набѣги шаекъ въ джизакскомъ и ура-тюбинскомъ раіонахъ, образованіе шайки и нападеніе ея на казачій пикетъ въ Кураминскомъ уѣздѣ, безпорядки въ Токмакскомъ уѣздѣ и признаки волненія народа въ другихъ мѣстахъ округа, были отголоскомъ объявленія газавата въ нашихъ предѣлахъ. Объявленіе газавата встрѣтило сочувствіе и въ коканскомъ народѣ, и въ половинѣ марта были получены извѣстія о вооруженіи Кокана, который только что заключилъ съ нами мирный договоръ. Самый дворъ хана раздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ одна настоятельно требовала отъ Худояръ-хана начать войну.

Хивинскій ханъ задержалъ караваны, не пропустивъ хивинскихъ товаровъ въ Россію, и обѣщалъ помощь послѣ первой побѣды бухарскихъ войскъ надъ нашими. Въ томъ же смыслѣ, кажется, данъ былъ отвѣтъ и коканскимъ ханомъ.

На базарахъ Ура-Тюбе, Джизака, Ташкента и другихъ мѣстъ, съ половины марта стали появляться проповѣдники газавата, слѣдившіе за тѣмъ, что дѣлается у насъ, и волновавшіе народъ. Около этого же времени въ городахъ начались нападенія на одиночныхъ солдатъ и часовыхъ (*).

Оппозиція туземнаго населенія городовъ Сыръ-Дарьинской Области стала болѣе замѣтною, хотя введеніе новаго положенія, начатое съ января мѣсяца въ Ташкентѣ, а впослѣдствіи и въ другихъ городахъ, шло повидимому довольно успѣшно; открытыхъ возстаній не было, но недовѣріе къ нашей силѣ сказывалось повсемѣстно. Администрація наша, во всемъ что касалось управленія туземнымъ населеніемъ, должна была дѣйствовать осторожно, со смѣлостью болѣе наружною, чѣмъ истинною.

Въ самомъ Ташкентѣ нѣкоторыя административныя работы, напримѣръ сборъ свѣдѣній о населеніи, далъ такіе неудовлетворительные результаты, вслѣдствіе скрытаго, а иногда и явнаго, противодѣйствія населенія, что незначительную цифру числа жителей прежде считавшагося стотысячнымъ городомъ, добытую путемъ описи, пришлось увеличить весьма значительнымъ процентомъ погрѣшности. Съёмка Ташкента шла также съ трудомъ; случалось, что жители просто выбрасывали инструменты на улицу.

(*) Въ Джизакѣ, въ концѣ марта, рядовой Худорожкинъ, возвращавшійся въ лагерь, былъ зарѣзанъ, а голова его увезена въ Бухару. Тамъ же перехваченъ былъ подарокъ эмира, посланный одному сарту за возбужденіе жителей противъ русскихъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, въ связи съ свѣдѣніями, доставленными лазутчиками о положеніи дѣлъ въ Бухарѣ, привело командующаго войсками къ необходимости приготовиться къ войнѣ, и къ войнѣ наступательной, а не оборонительной, для которой у насъ не было достаточно силъ, необходимыхъ для сообразной съ достоинствомъ Россіи обороны обширной территоріи Сыръ-Дарьинской Области и для уничтоженія всѣхъ преградъ къ успѣшному веденію начатой въ краѣ реформы, равно и для окончательнаго упроченія нашей власти и значенія какъ среди подданнаго намъ туземнаго населенія, такъ и въ глазахъ народовъ Бухары, Кокана и Хивы.

Здѣсь считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о боевыхъ средствахъ Сыръ-Дарьинской Области и Бухары въ началѣ 1868 года. Къ веснѣ 1868 года боевыя средства Сыръ-Дарьинской Области заключались: въ 11 баталіонахъ пѣхоты, 32 орудіяхъ, состоявшихъ въ четырехъ батареяхъ полевой артилеріи, 380 орудіяхъ, составлявшихъ вооруженіе 17 пунктовъ, въ которыхъ размѣщены были войска области, и 21 сотняхъ казаковъ Оренбурскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ. Къ этому надо прибавить еще двѣ роты крѣпостной артилеріи и одну роту саперную.

Числительность нашихъ войскъ должна была быть слѣдующая:

Въ баталіонахъ пѣхоты: 22 штабъ-офицера, 276 оберъ-офицеровъ и 10,749 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.

Въ батареяхъ артилеріи: 4 штабъ-офицера, 21 оберъ-офицеръ, 95 фейерверкеровъ и 796 рядовыхъ.

Въ сотняхъ казачьихъ: 65 оберъ-офицеровъ, 194 урядника и 2,860 казаковъ.

Въ ротахъ крѣпостной артилеріи: 2 штабъ-офицера, 10 оберъ-офицеровъ, 48 фейерверкеровъ и 500 рядовыхъ.

Въ саперной ротѣ: 6 оберъ-офицеровъ, 21 унтеръ-офицеръ, 225 рядовыхъ.

Всего 28 штабъ-офицеровъ, 396 оберъ-офицеровъ и 15,488 нижнихъ чиновъ.

Изъ этого числа, въ началѣ апрѣля, было дѣйствительно на лицо:

Въ баталіонахъ пѣхоты: 17 штабъ-офицеровъ, 173 оберъ-офицера и 7,795 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.

Въ батареяхъ артилеріи: 3 штабъ-офицера, 30 оберъ-офицеровъ, 71 фейерверкеръ и 698 рядовыхъ.

Въ сотняхъ казаковъ: 29 оберъ-офицеровъ, 121 урядникъ, 1935 казаковъ.

Въ ротахъ крѣпостной артилеріи: 8 оберъ-офицеровъ, 41 фейерверкеръ и 441 рядовой.

Въ саперной ротѣ: 3 оберъ-офицера, 10 унтеръ-офицеровъ и 172 рядовыхъ.

Всего: 20 штабъ-офицеровъ, 243 оберъ-офицера и 11,248 нижнихъ чиновъ.

Слѣдовательно, недоставало

въ баталіонахъ пѣхоты: 120 офицеровъ и 2,872 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ;

въ батареяхъ артилеріи: 1 штабъ-офицера, 24 фейервекеровъ и 88 рядовыхъ;

въ сотняхъ казаковъ: 38 офицеровъ, 73 урядниковъ и 925 казаковъ;

въ ротахъ крѣпостной артилеріи и саперной недостатокъ былъ незначителенъ.

Всего недоставало: 8 штабъ-офицеровъ, 126 оберъ-офицеровъ и 4,240 нижнихъ чиновъ, т. е. недоставало почти трехъ баталіоновъ пѣхоты, дивизіона артилеріи и семи сотенъ казаковъ. Недостатокъ весьма большой — одна треть боевыхъ средствъ области.

Причины такого недостатка заключались въ большой болѣзненности войскъ, въ значительномъ числѣ людей находившихся въ командировкахъ и въ некомплектѣ людей въ частяхъ вообще.

Надо замѣтить, что 1867-й годъ былъ весьма несчастливъ для войскъ Сыръ-Дарьинской Области. Два баталіона пѣхоты и маршевая команда, отправленныя съ Оренбургской линіи раннею весною, на усиленіе состава войскъ области и для укомплектованія ихъ, взамѣнъ уволенныхъ въ безсрочный отпускъ, не имѣя достаточно опытныхъ въ степныхъ походахъ начальниковъ, наполнили попутные лазареты массою больныхъ, преимущественно возвратною горячкою, которая распространилась во всѣхъ войскахъ области, истощенныхъ работами по постройкѣ помѣщеній и тяжелою караульною службою. Тѣснота помѣщеній, сырость ихъ, непривычка къ водѣ, а еще болѣе употребленіе сырой воды, невездѣ чистой, при общемъ физическомъ истощеніи, весьма естественно вліяли на увеличеніе больныхъ, а недостатокъ помѣщенія въ лазаретахъ, недостатокъ медикаментовъ, врачей и фельдшеровъ, частію сдѣлавшихся жертвою этой же болѣзни, увеличивали не только продолжительность болѣзни, но и самую смертность.

Къ тому же зима 1867 и 1868 годовъ была необыкновенно дождливая. Начиная съ 15-го декабря по 15-е марта едва ли изъ десяти

дней былъ одинъ сухой. Мелкій непрерывный дождь лилъ и днемъ, и ночью.

Можно вообразить, какова была сырость въ баракахъ, выстроенныхъ на скорую руку, средствами частей, при ничтожной помощи отъ казны (*). При недостаткѣ лѣса, жженаго кирпича и стеколъ, бараки не могли имѣть непромокаемыхъ крышъ, были безъ рамъ и даже безъ кирпичнаго пола, покрытаго поэтому постоянно значительнымъ слоемъ грязи. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ — съ августа 1867 года по апрѣль 1868 года — средняя ежедневная цифра больныхъ въ войскахъ Сыръ-Дарьинской Области была 1,324 человѣка. Въ теченіе восьми мѣсяцевъ поступило въ лазареты свыше 12,000 человѣкъ. Средняя мѣсячная цифра смертности, за этотъ же періодъ, не выходила изъ 136 человѣкъ. Съ августа по апрѣль умерло 820 человѣкъ, т. е. почти цѣлый баталіонъ. Наибольшая заболѣваемость и смертность были въ частяхъ пѣхоты, гдѣ преимущественно дѣйствовала тѣснота помѣщенія.

Такая болѣзненность, уменьшая съ каждымъ днемъ боевыя средства Сыръ-Дарьинской Области, и наиболѣе развитая въ передовыхъ пунктахъ области, въ Ямы-Курганѣ и въ Джизакѣ, имѣла большое вліяніе на настроеніе умовъ въ народѣ. Сарты думали, что русскіе вымираютъ, и доносили эмиру, что русскихъ осталось уже очень мало, что большая часть ихъ или лежитъ въ лазаретахъ, или совсѣмъ вымерла, оттого и генералъ-губернаторъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Понятно, что подобныя извѣстія не могли не имѣть вліянія на отношенія къ намъ эмира.

Приведенныя выше среднія цифры болѣзненности заимствованы изъ мѣсячныхъ отчетовъ медицинскаго вѣдомства. Дѣйствительная же постоянная цифра больныхъ въ войскахъ области больше вышеприведенной, по той причинѣ, что въ нее не вошли больные, находившіеся въ госпиталяхъ Оренбургскаго округа. Такъ, въ мартѣ 1868 года, войска показывали до 1,785 больныхъ.

Средняя мѣсячная цифра чиновъ, находившихся въ командировкахъ, превышала 1,000 человѣкъ, по преимуществу изъ пѣхоты и казаковъ. Огромная цифра командировочныхъ происходила отъ необходимости въ людяхъ при лечебныхъ и хозяйственныхъ учрежденіяхъ, изъ которыхъ не всѣ имѣли утвержденные штаты, да и тѣ, которые имѣли штаты, требовали людей изъ войскъ. Съ открытіемъ округа и многихъ хозяйственныхъ и административныхъ учрежденій, масса чиновниковъ, пріѣхавшихъ въ округъ, несмотря на огром-

(*) Казармы третьего баталіона стоили всего 1,800 руб. сер.

ныя, сравнительно съ офицерами, подъемныя средства, несмотря на большое жалованье, назначенное имъ по штатамъ, не привезла съ собой прислуги, безъ которой, въ нашемъ краѣ, обойтись безусловно невозможно. Это вызвало распоряженіе о командированіи къ нимъ прислуги изъ войскъ. Между тѣмъ, число чиновниковъ, имѣющихъ постоянныя мѣста въ области болѣе 400. Слѣдовательно, изъ состава войскъ пришлось выдѣлить почти двѣ роты въ деньщики чиновникамъ.

Отъ этихъ и отъ многихъ другихъ причинъ, числительность строевыхъ нижнихъ чиновъ была на 4,240 человѣкъ менѣе опредѣленной для войскъ области.

Чтобы рельефнѣе выказать недостатокъ силъ, для сообразной съ достоинствомъ Россіи обороны области, покажемъ распредѣленіе наличныхъ чиновъ разнаго рода оружія въ пунктахъ постояннаго расположенія войскъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1868 года находилось:

1) Въ *фортѣ № 1-й*: три роты пѣхоты, 468 человѣкъ; одна сотня казаковъ, 87 человѣкъ, 20 полевыхъ орудій, и при нихъ команда полевой артилеріи въ 36 человѣкъ.

2) Въ *фортѣ № 2-й*: $^1/_2$ сотни казаковъ, 54 человѣка, и шесть полевыхъ орудій, при которыхъ команда полевой крѣпостной артилеріи въ 22 человѣка.

3) Въ *фортѣ Перовскій*: двѣ роты пѣхоты, 312 человѣкъ, одна сотня казаковъ, 114 человѣкъ, и 29 полевыхъ орудій, при которыхъ команда крѣпостной артилеріи въ 111 человѣкъ.

4) Въ *фортѣ Джулекѣ*: одна рота пѣхоты, 188 человѣкъ, $^1/_2$ сотни казаковъ, 64 человѣка, шесть орудій полевой артилеріи, при 23 крѣпостныхъ артилеристахъ.

5) Въ *Туркестанѣ:* одна рота пѣхоты, 188 человѣкъ, $^1/_2$ сотни казаковъ, 63 человѣка, и 18 орудій, при 30 крѣпостныхъ артилеристахъ.

6) Въ *Чемкентѣ:* одна рота пѣхоты, 180 человѣкъ, одна сотня казаковъ, 108 человѣкъ, и восемь орудій, при 29 крѣпостныхъ артилеристахъ.

7) Въ *Ауліэатѣ*: одна рота пѣхоты, 186 человѣкъ, $^1/_2$ сотни казаковъ, 27 человѣкъ, и 24 орудія, при 24 крѣпостныхъ артилеристахъ.

8) Въ *Меркэ*: одна сотня казаковъ, 130 человѣкъ; шесть орудій, при девяти крѣпостныхъ артилеристахъ.

9) Въ *Ташкентѣ*: восемь ротъ пѣхоты, 1,224 человѣка; одна рота

саперовъ, 182 человѣка; $1^1/_2$ батареи артилеріи, 282 человѣка; 13 орудій крѣпостной артилеріи, при 90 человѣкъ, и двѣ сотни казаковъ, 234 человѣка.

10) Въ *Теляу:* одна рота пѣхоты, 156 человѣкъ; одна сотня казаковъ, 95 человѣкъ; взводъ конной артилеріи, 40 человѣкъ; четыре орудія крѣпостной артилеріи, при 22 человѣкахъ.

11) Въ *Чиназѣ:* пять ротъ пѣхоты, 679 человѣкъ; 18 полевыхъ орудій, при 32 крѣпостныхъ артилеристахъ; $^1/_2$ сотни казаковъ, 52 человѣка.

12) Въ *Ходжентѣ:* десять ротъ пѣхоты, 1,266 человѣкъ; дивизіонъ артилеристовъ, 49 человѣкъ; 10 полевыхъ орудій, при 25 крѣпостныхъ артилеристахъ, и одна сотня казаковъ, въ 73 человѣка.

13) Въ *Нау*: команда казаковъ въ 25 человѣкъ; три орудія при 13 крѣпостныхъ артилеристахъ.

14) Въ *Ура-Тюбе*: пять ротъ пѣхоты въ 725 человѣкъ; взводъ артилеристовъ, 26 человѣкъ; четыре орудія, при 18 крѣпостныхъ артилеристахъ; одна сотня казаковъ, 93 человѣка.

15) Въ *Зааминѣ*: команда казаковъ; взводъ горныхъ орудій, при 23 крѣпостныхъ артилеристахъ.

16) Въ *Джизакѣ*: пять ротъ пѣхоты въ 606 человѣкъ; взводъ артилеріи, при 30 человѣкахъ; шесть полевыхъ орудій, при 9 человѣкахъ; семь сотенъ казаковъ, 600 человѣкъ; ракетная команда, 45 человѣкъ.

17) Въ *Яны-Курганѣ*: десять ротъ пѣхоты, 1,376 человѣкъ; три дивизіона артилеристовъ, 290 человѣкъ; три сотни казаковъ въ 286 человѣкъ; ракетная команда 45 человѣкъ.

При такомъ недостаточномъ числѣ войскъ, образованіе и ихъ оружіе находились далеко не въ блестящемъ состояніи.

Судя по тому сопротивленію, какое противопоставилъ эмиръ нашимъ войскамъ въ экспедицію 1868 года, и по возбужденію, какое успѣли произвести улемы въ бухарскомъ народѣ, требовавшемъ рѣшительной борьбы съ нами, а также по безпрерывнымъ нападеніямъ на передовыя наши войска въ 1867 году и въ началѣ 1868 года, можно безошибочно сказать, что лѣтомъ 1868 года Сеидъ-Музафаръ могъ сосредоточить для дѣйствія противъ насъ: въ Яны-Курганѣ до 50,000 бухарцевъ, а противъ Ура-Тюбе до 50,000 шахрисябцевъ и китабцевъ, которые могли явиться передъ Ура-Тюбе по шагристанскому проходу, лѣтомъ почти на всемъ протяженіи доступному для прохода арбъ.

Еслибы мы рѣшились дѣйствовать оборонительно, въ глазахъ азі-

ятцевъ это было бы признакомъ слабости, и, при весьма вѣроятномъ участіи въ борьбѣ съ нами коканскаго народа, который могъ дѣйствовать вооруженною рукою даже помимо личнаго желанія коканскаго хана, передъ Ходжентомъ могла сосредоточиться такой же величины третья армія. Намъ пришлось бы оборонять линію болѣе чѣмъ въ 170 верстъ протяженія, при общемъ волненіи въ краѣ, какъ въ окрестностяхъ и въ самомъ Ташкентѣ, такъ въ особенности на протяженіи отъ Туркестана до Меркэ, гдѣ ничтожные гарнизоны были едва достаточны для отраженія непріятеля и не имѣли средствъ для его преслѣдованія и наказанія.

Войсками, расположенными въ Яны-Курганѣ, Ура-Тюбе и Ходжентѣ, можно было удержать всѣ эти пункты за собой, но ни изъ одного изъ нихъ нельзя было вывести въ поле такого отряда, съ какимъ, послѣ отраженія первыхъ нападеній, необходимо было выступить впередъ для энергическаго преслѣдованія и наказанія непріятеля, который, вслѣдствіе этого, могъ продолжать нападенія, волнуя весь край и возбуждая народъ къ поголовному возстанію. На Яны-Курганъ, Джизакъ, Ура-Тюбе и Ходжентъ непріятель дѣлалъ бы безпрестанныя нападенія. Работы по административному устройству края, труды организаціонныхъ комисій пришлось бы пріостановить, что дало бы новый поводъ къ превратнымъ толкамъ о силѣ и положеніи нашемъ въ Азіи.

Нельзя упустить изъ вида и того, что, при оборонительномъ образѣ дѣйствій, изъ войскъ передовой линіи пришлось бы отдѣлить нѣкоторую часть для усиленія задней линіи, гдѣ, на разстояніи 1,000 верстъ, отъ форта № 1-й до укрѣпленія Меркэ, было расположено всего два баталіона, силою въ 1,500 человѣкъ, а между тѣмъ за этими 1,500 человѣкъ лежитъ вся обширная киргизская степь.

Отразивъ на всѣхъ пунктахъ нападенія непріятеля, мы были бы въ худшемъ положеніи, чѣмъ до начала военныхъ дѣйствій со стороны эмира, и имѣли бы двухъ враговъ, вмѣсто одного, изъ которыхъ съ каждымъ надо было возобновить переговоры, и опять тянуть ихъ значительное время, при меньшей вѣрѣ въ наше могущество.... За такой обороной неизбѣжно было бы наступленіе, и притомъ рѣшительное, а средства къ наступленію могли быть только черезъ полтора года, по высылкѣ новыхъ подкрѣпленій.

Къ веснѣ 1868 года, боевыя средства Бухарскаго Ханства, кромѣ шахрисябцевъ, заключались въ 12 баталіонахъ пѣхоты, 150 орудіяхъ полевой артилеріи и отъ 20 до 30 сотенъ кавалеріи; всего около 12,000 пѣхоты, $1^1/_2$,000 артилеристовъ и отъ 2 до 3 тысячъ кавалеріи. Это такъ называемыя регулярныя войска, которыя эмиръ содержалъ почти постоянно съ 1865 года.

Регулярныя войска въ Бухарѣ, кажется, заведены въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, отцомъ Сеидъ-Музафара, Насыръ-Уллой, часто воевавшимъ съ сосѣдями и одерживавшимъ надъ ними почти постоянныя побѣды.

Конечно, средства Бухарскаго Ханства такъ малы, что оно не можетъ имѣть ни хорошаго вооруженія для своихъ войскъ, ни знающихъ военное дѣло начальниковъ.

Та степень военнаго искуства, какою обладаютъ бухарскія войска, заимствована частію отъ персіянъ, авганцевъ и турокъ, частію отъ нашихъ здѣшнихъ войскъ.

При отцѣ Сеидъ-Музафара, формированіемъ и обученіемъ регулярныхъ бухарскихъ войскъ занимался бѣглецъ изъ Персіи, наибъ Абдулъ-Сашедъ, который поселился въ Бухарѣ спасаясь отъ внсѣлицы, за преступленія совершенныя имъ въ Персіи и въ Индіи. Только въ одномъ Кабулѣ ему не повезло, и онъ поплатился ушами за какое-то злодѣйство.

Въ 1868 году во главѣ бухарскаго войска стояли Османъ (бѣглый сибирскій казакъ) и Ходжа (турокъ).

Баталіоны регулярной бухарской пѣхоты (пѣшіе сарбазы) имѣютъ огнестрѣльное оружіе только на первую шеренгу; его составляютъ фитильныя кремневыя, частію ударныя, семилинейныя ружья съ вилкообразнымъ штыкомъ и фитильные, кремневые, ударные пистолеты съ до крайности старыми, попорченными стволами, покрытыми толстымъ слоемъ ржавчины—живое доказательство того, что среднеазіятцы не любятъ оружія. Вторая шеренга баталіоновъ пѣхоты вооружена пистолетами, батиками, айбалтами (*) и пиками. Сверхъ того, обѣ шеренги вооружены саблями и шашками, чрезвычайно разнообразныхъ образцовъ.

Сотни регулярной кавалеріи (конные сарбазы) вооружены: первая шеренга винтовками, фитильными, кремневыми и частію ударными, пистолетами, пиками и саблями, а вторая—пистолетами, пиками, батиками, айбалтами и саблями.

(*) „Батикъ“—длинная, довольно толстая палка, величиною въ ростъ человѣка, съ насаженнымъ на верхнемъ концѣ желѣзнымъ шаромъ или элипсоидомъ, поверхность которыхъ покрыта множествомъ коническихъ или трехъ-гранныхъ, острыхъ выступовъ. Толстая палка съ большимъ толстымъ сучкомъ, поверхность котораго утыкана гвоздями, есть естественный батикъ, съ которымъ выходятъ въ дѣло бѣдные жители. „Айбалта“—небольшой топорикъ, насаженный на древко.

Вооруженіе ротъ, составляющихъ прислугу артилерійскихъ орудій, состоитъ изъ пистолетовъ и сабель или шашекъ.

Регулярныя бухарскія войска имѣютъ форменную одежду: ее составляютъ бѣлая чалма, красная, синяя или темнозеленая тонкаго сукна куртка, съ оловянными или мѣдными пуговицами; бѣлыя, широкія, полотняныя штаны и сапоги или галоши (ичиги). Большая часть куртокъ изготовляется на ватѣ, такъ какъ средне-азіятцы въ частномъ быту и лѣтомъ носятъ халаты на ватѣ, спасающей ихъ отъ жары.

Баталіоны пѣшихъ сарбазовъ дѣлятся на роты, взводы и полувзводы; въ составѣ ихъ есть даже стрѣлковая рота.

Сотни конныхъ сарбазовъ дѣлятся на взводы.

Баталіоны имѣютъ своихъ баталіонныхъ, роты ротныхъ командировъ. Кромѣ того, въ каждомъ баталіонѣ, для исполненія должностей по хозяйственной части, есть опредѣленное число мирахуровъ, а для исправленія должностей по строевой части опредѣленное число караулъ-беги, живачи, мирза-баши, чурагасы и дибаши.

Должности командировъ нѣсколькихъ баталіоновъ или сотенъ и командующихъ всею пѣхотою и кавалеріею исполняютъ беки, по назначенію эмира. На должность же ротныхъ командировъ назначаются наши бѣглые и плѣнные солдаты, а иногда и купцы, продолжительное время проживавшіе въ нашихъ городахъ, которые, по мнѣнію бековъ, должны быть знакомы съ уставомъ и дѣйствіями нашихъ войскъ.

Изъ всей бухарской пѣхоты нѣсколько баталіоновъ обучены по уставу войскъ турецкихъ и авганскихъ; большая же часть по нашему уставу, на сколько могутъ передавать его наши бѣглые и плѣнные солдаты.

Больше всего дѣломъ обученія бухарскихъ войскъ руководилъ Османъ (*). Мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности, подвинувшей далеко впередъ бухарскія войска.

Османъ—урядникъ Сибирскаго казачьяго войска, бѣжавшій семь или восемь лѣтъ тому назадъ въ Коканъ. До бѣгства, онъ пробылъ въ образцовомъ полку, сидѣлъ въ тюрьмѣ и два раза былъ прогнанъ сквозь-строй. По словамъ нашихъ плѣнныхъ солдатъ, бывшихъ въ Бухарѣ, онъ человѣкъ умный, разсудительный, бойкій.

Въ Коканѣ Османъ скоро былъ замѣченъ тогдашнимъ умнымъ правителемъ Кокана, муллою Алимъ-Куломъ, который поручилъ ему обучать пѣшихъ коканскихъ сарбазовъ по нашему уставу. Обученные

(*) Въ прошломъ 1870 году онъ казненъ.

имъ сарбазы въ первый разъ дѣйствовали въ 1864 году подъ Акъ-Булакомъ, гдѣ коканскія скопища атаковали нашъ небольшой отрядъ, высланный изъ Туркестана подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Мейера, для соединенія съ отрядомъ генерала Черняева. Подъ Акъ-Булакомъ, пѣшіе сарбазы, подъ начальствомъ Османа, въ первый разъ довольно стройно атаковали нашъ отрядъ, залегшій за брустверомъ, устроеннымъ изъ конскихъ и верблюжьихъ труповъ, выдерживали по семи картечныхъ выстрѣловъ и приближались къ брустверу на разстояніе 15 саженъ.

Османъ участвовалъ потомъ въ атакахъ коканцевъ на сотню уральскихъ казаковъ подъ Иканомъ. Командовавшій этою сотнею есаулъ Серовъ (нынѣ подполковникъ), послѣ продолжительныхъ, но тщетныхъ усилій удержать за собой позицію, рѣшился наконецъ пробиться сквозь толпы окружавшаго его непріятеля. Коканская конница, предводительствуемая Османомъ, выѣзжала нѣсколько разъ на путь отступленія казаковъ, спѣшивалась и встрѣчала казаковъ выстрѣлами.

Въ 1865 году, когда генералъ Черняевъ штурмовалъ Ташкентъ, Османъ, послѣ смерти Алимъ-Кула, командовалъ значительною частію коканскихъ войскъ, оборонявшихъ Ташкентъ.

Въ томъ же году онъ участвовалъ при оборонѣ Кокана противъ войскъ эмира, овладѣвшаго Коканомъ. Взятый въ Коканѣ послѣ упорнаго сопротивленія въ плѣнъ, онъ былъ въ числѣ тѣхъ плѣнниковъ, которые приговорены были эмиромъ за дерзкое сопротивленіе къ смертной казни, отъ которой избавился лишь предложеніемъ обучать бухарскія войска на русскій ладъ. Эмиръ сначала поручилъ ему 25 сарбазовъ; впослѣдствіи онъ сдѣлался вліятельнымъ бекомъ, пользовался большимъ довѣріемъ эмира, принадлежалъ къ горячимъ противникамъ мира съ Россіей, всегда подавалъ голосъ за войну и командовалъ 3,000 конныхъ сарбазовъ.

Обыкновенно, каждый бѣглый или плѣнный нашъ солдатъ, которыхъ въ 1868 году было до 30 человѣкъ, представляется эмиру. Сеидъ-Музафаръ тотчасъ же приказываетъ ему выдать красную куртку и поручаетъ отъ 10 и 15 человѣкъ новобранцевъ, изъ которыхъ тотъ долженъ сдѣлать въ непродолжительное время хорошихъ сарбазовъ, обучивъ ихъ ружейнымъ пріемамъ, поворотамъ, маршировкѣ. Обучающій обязывается быть непремѣнно строгимъ при обученіи и почаще бить новобранцевъ палкой; иначе беки, наблюдающіе за обученіемъ, приказываютъ наказывать ударами палокъ самого обучающаго.

Въ 1869 году, одинъ изъ нашихъ бѣглыхъ артилерійскихъ сол-

датъ очень часто подвергался палочнымъ ударамъ за кроткое обращеніе съ учениками, причемъ отговорку его, что онъ артиллеристъ и мало знакомъ съ пѣхотною службою, беки не принимали въ соображеніе, отвѣчая: «ты русскій, значитъ долженъ все знать, что касается до обученія сарбазовъ».

Въ послѣднее время всѣхъ бѣглыхъ русскихъ, не исключая и арестантовъ, бѣжавшихъ изъ Сибири и никогда не служившихъ въ войскахъ, заставляли обучать сарбазовъ.

Въ Бухарѣ есть особое военное поле (сарбазъ-хана) куда ежедневно выводятъ на ученье войска, заставляя ихъ маршировать подъ музыку и дѣлать ружейные пріемы, по пяти часовъ сряду. Эмиръ, раза по два въ недѣлю, ѣздитъ на сарбазъ-хана смотрѣть какъ маршируютъ его сарбазы (*).

150 орудій бухарской артилеріи принадлежатъ различнымъ калибрамъ полевой и крѣпостной артилеріи.

Наибольшій калибръ бухарскихъ орудій 36-фунтовой, а изъ орудій, стрѣляющихъ навѣсными выстрѣлами, 8-пудовой. Полевыя орудія имѣются 12-ти, 6-ти, 4-хъ, 3-хъ и 2-фунтовыя.

Полевыя орудія мѣдныя, хорошей мѣди, но плохой отливки, со свищами и раковинами; всѣ они или безъ мушекъ, или съ мушками отлитыми вмѣстѣ съ орудіемъ. Подъемные механизмы есть не у всѣхъ орудій, да и у тѣхъ, у которыхъ они есть, не всѣ дѣйствуютъ; правильное возвышеніе и попиженіе дула орудія невозможно. Всѣ орудія безъ дельфиновъ.

Полевыя бухарскія орудія помѣщаются на лафетахъ англійской системы, сдѣланныхъ безъ знанія дѣла; они тяжелы и неудобны для движенія; оси лафетовъ деревянныя, колеса обтянуты шинами. Нѣкоторыя орудія, за недостаткомъ лафетовъ, помѣщаются на двухколесныхъ станкахъ, на которыхъ, по бокамъ орудія, установлены зарядные ящики, сдѣланные въ видѣ шкаповъ съ выдвижными ящиками, въ которыхъ горизонтально укладываются заряды.

Обученіемъ бухарскихъ артилеристовъ занимаются также наши бѣглые артилеристы-солдаты.

Вотъ что разсказывалъ покойный Служенко (**) о смотрѣ, сдѣланномъ имъ, по приказанію эмира, всей бухарской полевой артилеріи: «Когда я подъѣхалъ къ выстроенной на сарбазъ-хана бухар-

(*) Свѣдѣнія о бухарскихъ войскахъ основаны частію на личныхъ наблюденіяхъ, частію заимствованы изъ весьма интересной записки генеральнаго штаба полковника Шауфуса, составленной имъ изъ разсказовъ поручика Служенки, бывшаго въ плѣну въ Бухарѣ, въ 1867 году.

(**) Онъ убитъ при оборонѣ цитадели г. Самарканда.

ской артилеріи, ко мнѣ приблизился начальникъ артилеріи, бѣглый артилерійскій солдатъ, и, вмѣсто опредѣленнаго привѣтствія, воскликнулъ: «ваше высокоблагородіе не погубите!» — «Что такое?», спросилъ я его, удивленный этимъ восклицаніемъ. — «Я только и училъ ихъ: *жай*, да *пли*» отвѣчалъ начальникъ артилеріи». Обрадовавъ его похвалой, я продолжалъ смотръ и доложилъ эмиру, что артилерія его въ порядкѣ».

Регулярныя бухарскія войска формируются и укомплектовываются частію по набору, частію по найму. Каждый сарбазъ получаетъ въ годъ пару платья, оружіе и 20 кокановъ (4 руб. сер.) въ мѣсяцъ жалованья, которое выплачивается невсегда акуратно, отчего побѣги бываютъ весьма часто.

Въ военное время, сказанное количество войскъ увеличивается до весьма значительной цифры вооруженными жителями ханства, конными и пѣшими, преимущественно же конными. Число послѣднихъ возрастаетъ въ зависимости отъ степени популярности войны. Вооруженные жители выходятъ въ бой въ чалмахъ, въ ваточныхъ халатахъ, подпоясанныхъ широкимъ платкомъ, поверхъ котораго надѣвается сабля или шашка; къ поясу сабли пристегивается пистолетъ. Затѣмъ, у кого есть, выходятъ съ ружьями, преимущественно фитильными; вокругъ пояса каждый обматываетъ большой запасъ фитиля, отчего раненые или совсѣмъ сгораютъ, или терпятъ жестокія мученія, когда горящій фитиль сообщитъ ватѣ халата огонь, который раненые не въ состояніи погасить. У кого нѣтъ ружей, выходятъ въ дѣло съ батиками, айбалтами и пиками, дѣйствовать которыми, масса жителей умѣетъ весьма искусно. Кромѣ регулярныхъ войскъ и вооруженной милиціи, Сеидъ-Музафаръ располагалъ еще небольшимъ отрядомъ авганцевъ, состоявшихъ на службѣ у него четыре года. Всѣ эти боевыя средства Бухарскаго Ханства могли быть усилены на время войны наймомъ нѣсколькихъ тысячъ туркменовъ, что дѣлалъ и Сеидъ-Музафаръ, по примѣру отцовъ, недалѣе какъ въ 1867 году.

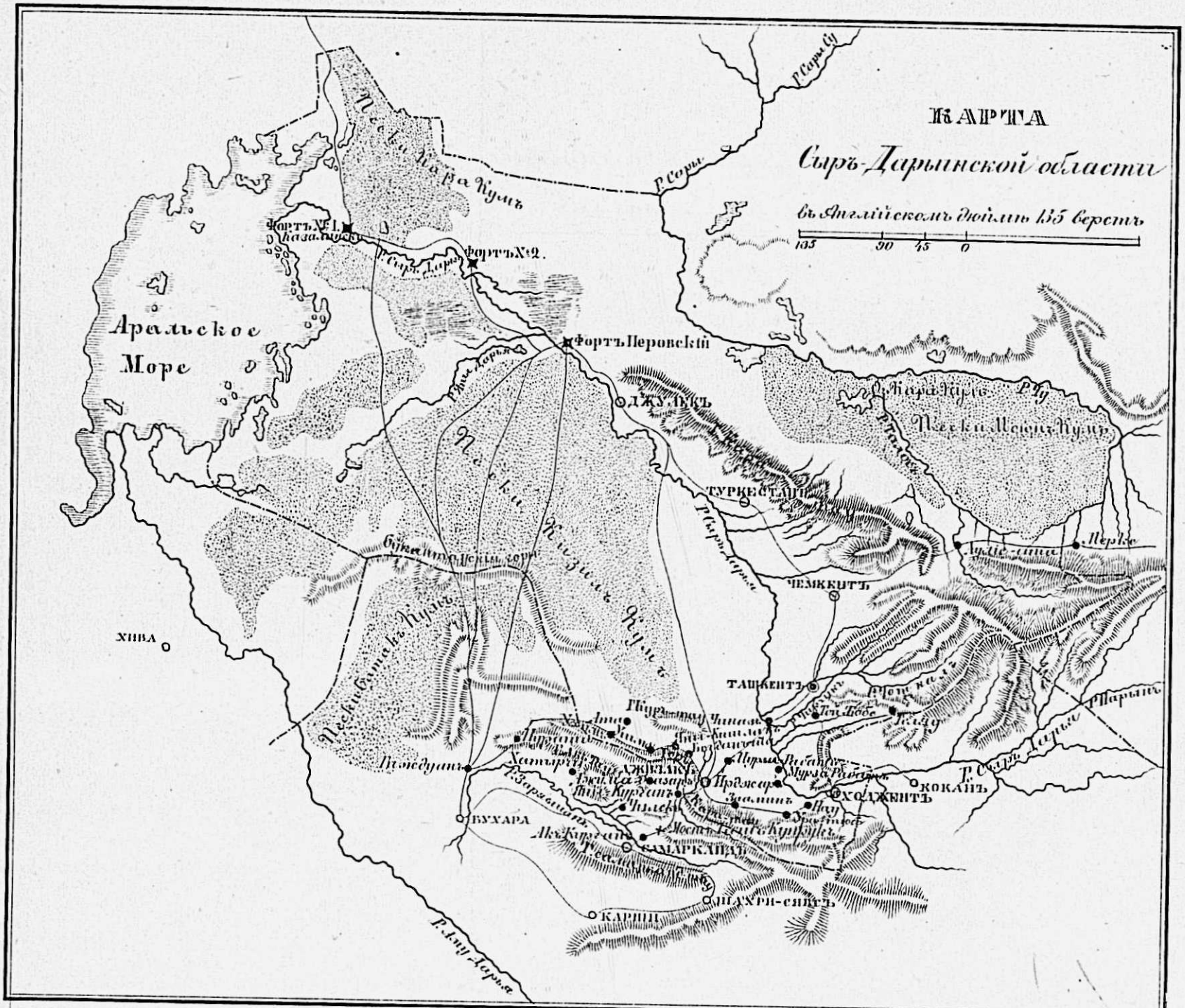
Отдѣлившійся отъ Бухары Шахрисябзъ регулярныхъ войскъ не имѣлъ; за то жители его искусные стрѣлки и, по своей энергіи и храбрости, стоятъ несравненно выше бухарцевъ и жителей Зарявшанской Долины. Артилеріи въ Шахрисябзѣ мало; орудія небольшихъ калибровъ.

Одновременно съ объявленіемъ газавата, Сеидъ-Музафаръ сдѣлалъ распоряженіе о движеніи отряда авганцевъ въ крѣпости Нурата, гдѣ они должны были составить гарнизонъ этого укрѣпленнаго пункта.

Отрядъ двинулся къ Нурата подъ начальствомъ внучатаго племянника Достъ-Магомета, Искандеръ-хана (нынѣ подполковника); но такъ какъ отрядъ не былъ удовлетворенъ за продолжительное время содержаніемъ, и всѣ чины отряда были озлоблены на Сеидъ-Мазафара за продолжительный арестъ своихъ начальниковъ, безъ всякой основательной причины, то, подойдя къ русской границѣ, отрядъ бросился на отрядъ нуратинскаго бека, разбилъ его, овладѣлъ двумя орудіями, и въ началѣ апрѣля вышелъ въ Джизакскій уѣздъ,ославъ начальнику уѣзда покорнѣйшую просьбу о принятіи его подъ покровительство русскихъ.

Генеральнаго штаба подполковникъ **М. Лыко.**

(Продолженіе будетъ.)

КАРТА
Сыръ-Дарьинской области
въ Англійскомъ дюймѣ 135 верстъ
135
90
45
0
Аральское Море
Форт№1.
Форт№2.
Форт Перовскій
ДЖУЛЬКЪ
ТУРКЕСТАНЪ
ЧЕМКЕНТЪ
ТАШКЕНТЪ
ХИВА
БУХАРА
САМАРКАНДЪ
КАРШИ
ХОДЖЕНТЪ
КОКАНЪ
Пески Кара Кумъ
Пески Кизилъ Кумъ
Пески Кара Кумъ
Пески Кара Кумъ
Пески Кара

Δ 79-81/1
175-5-1
802-18/693

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

№ 6

ІЮНЬ

1871

БИБЛ. А. С. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВОЕН.-ЮРИД.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ.

I.

Стр.

Очеркъ военныхъ дѣйствій 1868 года въ Зарявшанской Долинѣ. *(Съ картою Зарявшанской Долины и съ планомъ сраженія на самаркандскихъ высотахъ).* (Продолженіе). **М. ЛЫКО.** 187

Желѣзно-дорожная сѣть въ Австро-Венгріи и готовность ея арміи къ бою. 225

Замѣтка по поводу статьи Г. Ф.: „Нужны ли намъ стрѣлковые баталіоны?“ ИВАНЪ ЛИШИНЪ. 248

Оборона Парижа. *(Съ планомъ города Парижа и его окрестностей).* **Д. ЛЕОНТЬЕВЪ.** 255

II.

БИБЛІОГРАФІЯ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. **М. Б.** (Статья вторая) 73

— Der Krieg des grossen Kurfürstes gegen Frankreih von 1672—1675. 85

— Worin bestehet der Unterschied und die Gleichheit der Armee Friedrichs des Grossen mit der heutigen Armee unseres Vaterlandes? 92

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Рѣшенія главнаго военнаго суда (№№ 30—65) 99

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Франція. — Характеристика парижскаго возстанія. — Распоряженія комуны и военныя дѣйствія между федералистами и правительственными войсками.—Вступленіе версальскихъ войскъ въ Парижъ и паденіе комуны. — Положеніе Парижа.—Извѣстія изъ Алжира. — Заключеніе мира между Германіею и Франціею. **Швеція.**—Нѣсколько словъ о шведскомъ бюджетѣ на 1872 годъ 141

ПРИЛОЖЕНІЕ: Война 1870 года за рейнскую границу. **В. РЮСТОВА.** (Выпускъ 4 й). . . . . 1—98
(Съ планомъ Парижа).

БИБЛ. С.С.С.Р. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНАЯ

В-39-59975

I.

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ 1868 ГОДА

ВЪ ЗАРЯВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ.

Съ картою Зарявшанской Долины и съ планомъ сраженія на самаркандскихъ высотахъ.)

(Продолженіе.)

II.

Положеніе дѣлъ въ началѣ апрѣля. — Сформированіе дѣйствующаго отряда. — Выѣздъ командующаго войсками на передовую линію.— Начало похода. — Прибытіе въ Чиназъ.—Распоряженія.—Нападеніе сына чилекскаго бека на лагерь при Ключевомъ. — Приказъ по войскамъ о прибытіи авганцевъ. — Переходъ черезъ голодную степь.—Въѣздъ въ Джизакъ.—Лагерь подъ Джизакомъ. — Поѣздка въ Яны-Курганъ.—Свѣдѣнія изъ Самарканда, доставленныя лазутчиками. — Письмо отъ бековъ изъ Самарканда.—Сформированіе обоза.—Наемъ арбъ.—Невозможность сформированія подвижнаго лазарета.—Выступленіе въ Яны-Курганъ.—Лагерь въ Яны-Курганѣ.—Свѣдѣнія изъ Самарканда. — Движеніе къ Самарканду. — Мирза Шамсутдинъ.—Ташъ-Купрюкъ.— 1-е мая. — Движеніе въ садахъ. — Бѣгство 30 казаковъ.—Намсутдинъ-ходжа.—Переговоры.—Атака авангарда. — Позиція бухарцевъ: самаркандскія или чапанъ-атинскія высоты.—Штурмъ самаркандскихъ высотъ. — Видъ позиціи бухарскихъ войскъ на самаркандскихъ высотахъ послѣ боя.—Разборъ дѣла 1-го мая.—Депутація. — Просьба о принятіи города въ подданство Бѣлаго Царя.—Вступленіе въ Самаркандъ.—Тронъ Тамерлана. — Письмо къ эмиру съ новыми предложеніями о мирѣ. — Приказъ по войскамъ дѣйствующаго отряда.

Настало и 9-е апрѣля, но эмиръ еще не отвѣчалъ на послѣднее къ нему письмо командующаго войсками. Между тѣмъ, бухарскія шайки появлялись чаще и многочисленнѣе; лазутчики сообщали, что войска бухарскія сосредоточиваются у Самарканда съ неизвѣстною

быстротою; что въ Коканѣ идетъ дѣятельное приготовленіе ружей; что постоянная вражда шагрисябзцевъ съ бухарцами утихла, и что шагрисябзы соединяются съ бухарцами.

Изъ распредѣленія войскъ видно, что, въ началѣ апрѣля, мы имѣли:

Въ Яны-Курганѣ	до	2,010 челов.
— Ура-Тюбе	—	800 —
— Ходжентѣ	—	1,500 —
— Ташкентѣ	—	2,000 —
Всего		6,300 челов.

Войскъ этихъ, какъ мы уже говорили, было совершенно достаточно для того, чтобы отразить нападенія непріятеля въ каждомъ изъ названныхъ пунктовъ и удержать эти пункты за собой; но, при одновременномъ появленіи передъ ними двухъ или трехъ большихъ непріятельскихъ скопищъ, ни одинъ изъ гарнизоновъ названныхъ пунктовъ не былъ достаточно силенъ для того, чтобы могъ отдѣлить самостоятельный отрядъ для преслѣдованія и наказанія непріятеля, послѣ отбитія его нападеній. А безъ этого условія нападенія могли бы повторяться непрерывно.

Разсѣять азіятскія скопища весьма легко, но для того, чтобы туземное населеніе убѣдилось въ побѣдѣ, надо ему представить осязательные признаки побѣды: овладѣть какимъ-либо пунктомъ, впереди постояннаго расположенія войскъ, и удержать за собой этотъ пунктъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Кромѣ того, при оборонительномъ образѣ дѣйствій, надо было усилить гарнизоны въ Туркестанѣ, въ Ауліэ-ата, Чемкентѣ и въ Меркэ.

Для подобнаго усиленія можно было воспользоваться безсрочно-отпускными нижними чинами, неуволенными въ 1867 году на родину по причинѣ поздняго времени года; но ихъ было недостаточно на всѣ гарнизоны, и потому поневолѣ пришлись бы удѣлить часть войскъ передовой линіи, причемъ послѣднія были бы еще менѣе способны для нанесенія непріятелю чувствительнаго урона.

Поэтому дѣйствовать оборонительно возможно было бы только тогда, еслибы въ каждомъ изъ пунктовъ, предъ которыми могъ появиться непріятель, былъ отрядъ такого состава, который бы могъ разбить непріятеля, разсѣять его и преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока нѣсколько тысячъ труповъ не осталось бы на пути преслѣдованія. Такихъ отрядовъ у насъ не было, а между тѣмъ мы требовали отъ эмира подписанія предложенныхъ ему условій; онъ шесть мѣсяцевъ

медлилъ, а на седьмой, по требованію народа, сталъ собирать войска, послалъ по краю проповѣдниковъ газавата, къ сосѣднимъ же ханамъ просьбы о помощи и коалиціи. Въ умахъ подданнаго намъ туземнаго населенія зародились какія-то несбыточныя надежды; оно составляло оппозицію, которую уничтожить никакими административными мѣрами было нельзя, а быть хладнокровными зрителями очевидной опозиціи было невозможно.

Въ такомъ положеніи оставалось одно: собрать возможно-большій отрядъ и, двинувъ его въ бухарскіе предѣлы, дать врагу новое доказательство нашей непобѣдимости и нашей силы.

Вслѣдствіе этого, 14-го апрѣля, командующій войсками приказалъ двинуть въ Джизакъ на усиленіе войскъ передовой линіи:

1) Изъ Ташкента—двѣ роты стрѣлковаго баталіона, дивизіонъ нарѣзной артилеріи, полу-роту саперовъ; 2) изъ Чиназа—три роты 4-го баталіона; 3) изъ Ходжента — четыре роты 6-го баталіона; 4) изъ Ура-Тюбе—три роты 3-го баталіона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно были сформированы парки артилерійскій и инженерный и изготовленъ запасъ перевязочныхъ матеріяловъ.

18-го апрѣля, командующій войсками, оставивъ въ Ташкентѣ временно-командующимъ войсками округа начальника окружнаго штаба, генерала Дандевиля, сопровождаемый представителями высшей администраціи и почетнѣйшими лицами изъ туземцевъ, направился въ Джизакъ, чтобы лично руководить предстоявшими дѣйствіями нашего передоваго отряда. Ташкентскіе улемы, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ солидарности съ бухарскими улемами, при выѣздѣ командующаго войсками за городъ, прочли «бату» о дарованіи русскому оружію побѣды и новой славы.

По прибытіи, вечеромъ того числа, въ Чиназъ, командующему войсками было доложено, что туземцы разныхъ городовъ Сыръ-Дарьинской Области толпами направляются въ степь, подъ разными предлогами.

Сознавая особое военное значеніе Чиназа и находя гарнизоны укрѣпленій сыръ-дарьинской линіи недостаточными для активной обороны ихъ, въ случаѣ опасности, командующій войсками приказалъ изъ безсрочно-отпускныхъ, оставленныхъ въ 1867 году на зиму въ области, сформировать:

1) Роту въ 250 человѣкъ, для усиленія гарнизона Чиназа; 2) баталіонъ въ 1,000 человѣкъ, для усиленія гарнизона Ташкента; 3) роту въ 200 человѣкъ, для усиленія гарнизона Чемкента; 4) двѣ

роты въ 400 человѣкъ въ составъ гарнизона форта Перовскій и 5) роту въ 200 человѣкъ на усиленіе гарнизона форта № 1-го.

Изъ всѣхъ безсрочно и временно-отпускныхъ, которые весною 1868 года должны были отправиться на оренбургскую линію и оттуда въ мѣста родины, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправлены туда только женатые, а остальные, частію на пароходѣ, частію пѣшкомъ, разосланы по гарнизонамъ сыръ-дарьинской линіи.

По сформированіи въ Ташкентѣ баталіона изъ безсрочно-отпускныхъ приказано было направить въ Джизакъ еще одну роту стрѣлковаго и одну роту 1-го баталіоновъ.

Часа въ три ночи, командующій войсками получилъ отъ начальника Джизакскаго уѣзда слѣдующее донесеніе: «Въ ночь съ 14-го на 15-е апрѣля, за два часа до развѣта, большая шайка бухарцевъ, подъ начальствомъ сына чилекскаго бека Омара, сдѣлала нападеніе на лагерь нашихъ войскъ, расположенный подъ Джизакомъ, у входа въ Джаланъ-утинское ущелье. Войска, стоявшія лагеремъ, по тревогѣ, быстро поднялись и, открывъ по непріятелю ружейную и пушечную пальбу, заставили его прекратить нападеніе.

«Съ разсвѣтомъ, 15-го числа, двѣ сотни казаковъ, съ ракетнымъ дивизіономъ, преслѣдовали непріятеля на протяженіи 40 верстъ и совершенно разсѣяли его. Непріятель потерялъ болѣе двадцати человѣкъ; съ нашей стороны раненъ одинъ офицеръ и двѣ казачьи лошади. Взято въ плѣнъ четыре человѣка, изъ которыхъ двое оказались жителями Джизака». Въ концѣ донесенія, начальникъ уѣзда сообщилъ командующему войсками о томъ, что, уступая усиленной просьбѣ Искандеръ-хана, онъ дозволилъ отряду авганцевъ прибыть въ Джизакъ и направилъ ихъ къ Чиназу, куда они должны прибыть въ самомъ непродолжительномъ времени. Прочитавъ это донесеніе, командующій войсками отдалъ слѣдующій приказъ по войскамъ Туркестанскаго Округа:

«Въ послѣднее время получились достовѣрныя свѣдѣнія о сосредоточеніи бухарскихъ войскъ въ окрестностяхъ Самарканда, вызванномъ враждебнымъ положеніемъ, принятымъ, съ недавняго времени, эмиромъ относительно Россіи. Къ Самарканду стекаются фанатики, проповѣдуя противъ русскихъ войну, будто бы за вѣру, расчитывая волновать осѣдлыхъ туземцевъ Сыръ-Дарьинской Области.

«Въ теченіе полугода я истощалъ всѣ усилія для достиженія мира путемъ переговоровъ. Стараясь не замѣчать уловокъ, посредствомъ которыхъ бухарцы желали отгянуть окончательное принятіе предложенныхъ имъ условій; дѣлая все, что возможно было, для

убѣжденія эмира въ необходимости заключить договоръ между Россіею и Бухарою, я ожидалъ, что онъ, нѣсколько разъ встрѣчавшійся съ русскими войсками, пойметъ наконецъ свои выгоды. Однако можно думать, что эмиръ продолжаетъ упорствовать въ намѣреніи возвратить силою оружія свое первенствующее значеніе въ Средней Азіи. Если сосредоточеніе бухарскихъ войскъ имѣетъ значеніе открытой вражды къ Россіи, т. е. если бы нельзя было достичь упроченія на нашей границѣ спокойствія иначе какъ оружіемъ, то необходимо добиться мира съ мечемъ въ рукѣ».

На разсвѣтѣ 19-го числа, когда командующій войсками переправился на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, чтобы слѣдовать дальше, ему доложили о прибытіи авганцевъ. Вслѣдъ затѣмъ, къ командующему войсками подъѣхалъ Искандеръ-ханъ на прекрасномъ сѣромъ аргамакѣ, осѣданномъ англійскимъ сѣдломъ, покрытымъ голубымъ, шитымъ золотомъ, форменнымъ англійскимъ валтрапомъ. Безукоризненно бѣлая, изящно сложенная англійской кисеи чалма и богатый кашемировый халатъ, надѣтый поверхъ малиноваго шелковаго, обшитаго узкимъ серебрянымъ галуномъ, бешмета, составлялъ костюмъ Искандаръ-хана Бѣлое, красивое лицо и прекрасные глаза, въ которыхъ просвѣчивалъ искренній, но полный сознанія собственнаго достоинства взглядъ, все обнаруживало въ немъ не простаго азіятца.

Приложивъ руку къ чалмѣ и сдѣлавъ поклонъ, Искандеръ-ханъ, поддерживаемый подъ-руки двумя авганцами, слѣзъ съ коня и, подойдя къ командующему войсками, вторично слегка поклонился.

Командующій войсками встрѣтилъ его весьма любезно и приказалъ разостлать на берегу коверъ. Сидя на коврѣ, онъ бесѣдовалъ съ нимъ около получаса. Слѣдуя азіятскому этикету, Искандеръ сидѣлъ насупротивъ командующаго войсками, на пяткахъ въ колѣнахъ согнутыхъ ногъ, а не складывалъ ихъ кренделемъ, какъ это дѣлаютъ азіятцы разговаривая съ равными, которымъ не обязаны особымъ почтеніемъ.

Окончивъ разговоръ съ Искандеръ-ханомъ, командующій войсками направился къ отряду авганцевъ. Искандеръ, ускоривъ шаги, опередилъ командующаго войсками и, произнеся какую-то команду, встрѣтилъ его у праваго фланга, снова приложилъ руку къ чалмѣ и сдѣлалъ почтительный поклонъ. По командѣ, трубачъ заигралъ честь, а авганцы, повернувъ глаза направо и приложивъ руки къ разноцвѣтнымъ чалмамъ, къ разнокалиберным шапкамъ, къ лѣтнимъ малахаямъ и къ платкамъ, которыми были повязаны у многихъ головы

съ длинными черными растрепанными волосами, стояли не шевелясь и провожая глазами командующаго войсками, обходившаго по фронту.

Всѣ они были очень бѣдно одѣты; у многихъ не было вовсе обуви, вмѣсто которой на ногахъ были намотаны тряпки. Длинополые кафтаны, синіе сюртуки съ красными кантами и форменными пуговицами полковъ регулярной англійской пѣхоты, артилеріи и кавалеріи, красныя куртки регулярной бухарской пѣхоты, старыя шинели и казакины нашихъ войскъ съ пуговицами мѣдными, оловянными и костяными, все это дѣлало наружный видъ авганцевъ весьма оригинальнымъ.

Поблагодаривъ авганцевъ за желаніе служить Бѣлому Царю и выразивъ надежду на то, что они будутъ служить честно, командующій войсками поручилъ ихъ, въ отношеніи наблюдательномъ, войсковому старшинѣ Сѣрову, приказавъ выбрать въ походъ только тѣхъ, кто изъявитъ искреннее желаніе драться съ бухарцами. Всѣхъ остальныхъ велѣно было отправить въ Ташкентъ. Изъявившимъ желаніе участвовать въ походѣ приказано было выдавать въ день: Искандеръ-хану по 3 рубля, старшему офицеру Мирахуру по 1 рублю, остальнымъ офицерамъ и чинамъ, соотвѣтствующимъ нашимъ унтеръ-офицерамъ, по 50 копѣекъ, а всѣмъ «аляманамъ», рядовымъ, по 15 копѣекъ серебромъ.

Около 10 часовъ утра, командующій войсками, сопровождаемый штабомъ и сотнею казаковъ, направился въ Джизакъ.

По извѣстіямъ, полученнымъ наканунѣ, дорога въ Джизакъ была небезопасна: Садыкъ, съ 6,000 киргизовъ, стоялъ въ укрѣпленномъ селеніи Ата, лежащемъ близъ Каратаускихъ Горъ, и легко могъ сдѣлать нападеніе на небольшой отрядъ.

Двигаться необходимо было съ соблюденіемъ военныхъ предосторожностей, и потому отъ сотни были высланы передній и боковой разъѣзды; сверхъ того, команда конныхъ джигитовъ слѣдовала вдали, вправо отъ дороги, едва виднѣясь на горизонтѣ.

Дорога отъ Чиназа до Джизака, на протяженіи 122-хъ верстъ, идетъ по совершенно гладкой поверхности, покрытой раннею ваною, невысокою травою, надъ которой возвышаются мѣстами стебли такъ-называемой бухарской капусты (assa foetida), наполняющей воздухъ своимъ до крайности противнымъ запахомъ. Бухарская капуста, огромныя черепахи, скорпіоны и фаланги—вотъ все, что на каждомъ шагу встрѣчаетъ глазъ на этой ровной, вплоть до горизонта, поверхности степи.

Переночевавъ на урочищѣ Мурза-Рабатъ, гдѣ ночевали также

двѣ роты стрѣлковаго баталіона, и выступивъ рано утромъ далѣе, къ вечеру 20-го числа, командующій войсками, въ восьми верстахъ отъ Джизака, былъ встрѣченъ начальникомъ уѣзда, съ чинами военно-народнаго управленія, почетнѣйшими изъ туземныхъ жителей и двумя сотнями казаковъ, участвовавшими, 15-го числа, въ преслѣдованіи бухарцевъ.

Поблагодаривъ казаковъ за преслѣдованіе бухарцевъ, распросивъ начальника уѣзда о подробностяхъ дѣла 15-го апрѣля и о настроеніи умовъ жителей Джизака, командующій войсками, въ сумерки, въѣхалъ въ Джизакъ.

При въѣздѣ въ городъ, представители туземнаго населенія просили командующаго войсками на чай.

Приглашеніе было принято, и весь поѣздъ, свернувъ съ дороги влѣво, вскорѣ затѣмъ въѣхалъ въ большой садъ, илюминованный большимъ количествомъ разноцвѣтныхъ фонарей, развѣшанныхъ на вѣтвистыхъ орѣховыхъ деревьяхъ, плошками, густо уставленными вокругъ пруда, по обѣимъ сторонамъ арыковъ, и длинными факелами, которые держали сарты, поставленные по сторонамъ главной алеи.

Въ серединѣ сада была раскинута большая зеленая палатка, внутри которой, на длинномъ, покрытомъ бѣлою скатертью, столѣ, стояли большія блюда съ бараниной, чашки съ пловомъ и пильменями и тарелки съ изюмомъ, фисташками, гранатами и сахаромъ.

Соскочивъ съ сѣделъ и отдавъ казакамъ лошадей, всѣ слѣдовали за командующимъ войсками въ палатку и вскорѣ, кто успѣлъ, заняли мѣста вокругъ стола на скамейкахъ; остальные стоя начали угощаться издѣліемъ сартовской кухни и пить чай, безпрестанно подносимый сартами въ большихъ глиняныхъ чашкахъ такой же формы, но нѣсколько меньшихъ, чѣмъ наши полоскательныя.

Во время закуски, начальникъ уѣзда представлялъ командующему войсками вліятельныхъ горожанъ, избранныхъ на должности, по проекту новаго положенія объ управленіи въ областяхъ Туркестанскаго Края; тѣ низко кланялись командующему войсками и благодарили за довѣріе, которое имъ дѣлаетъ начальство, прибавляя, что они рады служить Бѣлому Царю и вполнѣ цѣнятъ благодѣянія, которыя имъ доставляетъ «Акъ-паша».

Выраженіе ихъ лицъ было отмѣчено такою неподдѣльною искренностію, что, повидимому, нельзя было имъ не вѣрить.

Тѣмъ не менѣе, совершенное отсутствіе въ саду народа свидѣтельствовало о не вполнѣ покойномъ настроеніи умовъ туземнаго населенія Джизака.

Изъ сада командующій войсками направился въ цитадель, по одной изъ широкихъ улицъ, которыя можно встрѣтить только среди садовъ, окружающихъ обыкновенно города въ Средней Азіи. Луна освѣщала путь, и еслибы не пыль и усталость, весьма понятная послѣ перехода въ 60 верстъ, сдѣланнаго верхомъ, въ жаркій день, то можно было бы совсѣмъ не мечтать о ночлегѣ.

На всемъ пути до базара, чрезъ который надо было проѣхать чтобы попасть въ цитадель, не было ни души; за то путь по базару, до воротъ цитадели, горѣлъ множествомъ огней. По обѣимъ сторонамъ крытыхъ узкихъ улицъ базара тѣснился народъ, держа въ рукахъ зажженныя сальныя свѣчи, низко кланялся и весьма привѣтливо глядѣлъ; изъ устъ стариковъ и дѣтей безпрестанно слышалось дружелюбное «аманъ».

Глядя на этотъ народъ, не вѣрилось, чтобы среди его были участники недавняго ночнаго нападенія на нашъ лагерь, а между тѣмъ это фактъ.

Въ цитадели Джизака, въ этотъ день, расположена была одна только рота 2-го баталіона, да помѣщались склады провіянта и артилерійскихъ принадлежностей.

Войска, составлявшія гарнизонъ Джизака, стояли лагеремъ на урочищѣ Ключевомъ, у входа въ Джаланъ-утинское ущелье.

На другой день, командующій войсками поѣхалъ въ лагерь, а вечеромъ тамъ же расположился и весь штабъ, или, такъ называемая, главная квартира. 21-го числа въ лагерѣ было восемь ротъ пѣхоты, шесть сотенъ казаковъ и дивизіонъ артилеріи. То былъ не лагерь, а бивуакъ, расположенный на низменной полянѣ, примыкавшей, съ одной стороны, къ подошвѣ невысокихъ отроговъ Кашгаръ-Давана, съ другой къ садамъ Джизака. На этой полянѣ, противъ самаго ущелья, среди арыковъ идущихъ отъ рѣчки Джаланъ-Уты въ сады города, стояли ружья, составленныя въ козла, между которыми лежали куски войлока, шинели и мѣшки съ необходимыми солдату вещами. Вблизи ружей виднѣлись кое-гдѣ то зеленыя, то коричневыя палатки офицеровъ, телѣги и арбы, а въ серединѣ возвышалось невысокое квадратное зданіе съ небольшими окнами — лазаретъ.

Завидѣвъ командующаго войсками, солдаты, поспѣшно разобравъ ружья, выстроились. Командующій войсками объѣхалъ по рядамъ, поздравляя солдатъ съ походомъ.

Несмотря на замѣтную болѣзненность лицъ, люди старались имѣть веселый, бодрый видъ.

Они очень были обрадованы пріятнымъ извѣстіемъ и отвѣчали громкимъ «ура» на поздравленіе.

Радость ихъ была понятна.

Нѣтъ ничего тяжелѣе стоянки лагеремъ въ Средней Азіи, и надо по-истинѣ удивляться большому терпѣнію и выносливости нашего солдата. Только тотъ, кто испыталъ разслабляющую силу жара азіятскаго солнца, можетъ понять что значитъ прожить нѣсколько знойныхъ мѣсяцевъ подъ открытымъ небомъ, вдали отъ малѣйшаго признака тѣни, и какой надо имѣть запасъ силъ, чтобы переносить ночлегъ на мокромъ войлокѣ, подъ холоднымъ проливнымъ дождемъ и ураганомъ, вырывающимся довольно часто изъ ущелій горъ.

Лагерь подъ Джизакомъ отличался именно этими особенностями, которыя тѣмъ труднѣе было переносить гарнизону Джизака, что большая часть его переболѣла, въ теченіе зимы, возвратною горячкою.

Лазаретъ, съ каждымъ днемъ, наполнялся вновь заболѣвающими. Похороны умершихъ производились почти каждый день. Ежедневно чуть не двѣ трети людей чувствовала признаки болѣзни, хотя держалась на ногахъ, кое-какъ перемогаясь. Когда командующій войсками вошелъ въ лазаретъ, онъ засталъ его биткомъ-набитымъ больными; число ихъ въ этотъ день простиралось до 300 человѣкъ, не считая околодочныхъ. Пользованіе всего этого числа больныхъ лежало на обязанности двухъ медиковъ и двухъ фельдшеровъ. Въ ряду многихъ причинъ такой усиленной болѣзненности, неудобство мѣста, выбраннаго для лагеря, при неимѣніи въ войскахъ палатокъ, было не изъ послѣднихъ.

Мы не понимаемъ необходимости ставить, въ Азіи, войска бивуакомъ или лагеремъ на совершенно открытой мѣстности, такъ какъ для этого, даже въ сферѣ опасности отъ непріятеля, всегда возможно пользоваться садами. Высокія стѣны, которыми сарты обыкновенно огораживаютъ свои сады, составляютъ готовое прикрытіе расположенія войскъ; впереди стѣнъ достаточно имѣть небольшіе пикеты для своевременнаго предупрежденія о приближеніи нападающаго непріятеля. Подобная неприкосновенность собственности туземцевъ стоила намъ потери жизни и здоровья нашихъ солдатъ, сляшкомъ цѣнныхъ при ихъ малочисленности.

Вечеромъ того же дня, командующій войсками переѣхалъ въ лагерь, а утромъ, 22-го апрѣля, вмѣстѣ съ военнымъ губернаторомъ Сыръ-Дарьинской Области, генералъ-маіоромъ Головачевымъ, поѣхалъ въ Яны-Курганъ, для осмотра передоваго яны-курганскаго отряда.

Въ Яны-Курганѣ командующій войсками встрѣтилъ тотъ же во-

сторгъ войскъ, при объявленіи имъ о походѣ, и ту же массу больныхъ въ лазаретѣ (319 человѣкъ), которыхъ пользовалъ только одинъ медикъ. Грязь въ баракѣ, гдѣ помѣщались больные, была такая глубокая, что медикъ, осматривая больныхъ, не могъ ходить между кроватями, а шагалъ съ кровати на кровать.

Извѣстія, полученныя командующимъ войсками въ Яны-Курганѣ, были до крайности разнорѣчивы. Судя по однимъ, надлежало думать, что эмиръ собралъ огромныя силы и хотѣлъ дать бой въ открытомъ полѣ, надѣясь подавить наши войска несмѣтными массами своихъ сборищъ, которыя, большею частію, были расположены въ 34-хъ верстахъ отъ Яны-Кургана, на урочищѣ Ташъ-Купрюкъ, и что Бухара, а въ особенности Самаркандъ, находится въ весьма воинственномъ настроеніи; по другимъ свѣдѣніямъ, преимущественно собраннымъ отъ купцовъ, хозяевъ каравановъ, надлежало думать, что нигдѣ нѣтъ никакихъ особыхъ сборовъ войскъ; по третьимъ оказывалось, что эмиръ, съ 5,000 сарбазовъ, находится въ Кершине, и что въ Самаркандѣ всего 16,000 войскъ, которыя не получили никакихъ распоряженій о движеніи впередъ. Наконецъ, нѣкоторые увѣряли, что народъ бухарскій ждетъ съ нетерпѣніемъ прихода русскихъ, въ надеждѣ избавиться отъ ненавистнаго ему эмира, который держится только своими 21,000 войска.

Однако большинство лазутчиковъ сообщало о сборѣ огромныхъ массъ вблизи Самарканда, объ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ въ Шагрисябзѣ.

Возвратясь, вечеромъ 22-го числа, въ лагерь подъ Джизакомъ, командующій войсками еще надѣялся, что народъ бухарскій, узнавъ о сборѣ нашихъ войскъ въ Джизакѣ, умѣритъ свой воинственный порывъ, и что если благоразумію удастся взять верхъ надъ самоувѣренностію, то, можетъ быть, обойдется и безъ войны. Но надежды эти были напрасны. 23-го числа въ Самаркандѣ узнали объ усиленіи войскъ передовой линіи и о пріѣздѣ въ Яны-Курганъ командующаго войсками. Извѣстіе это произвело переполохъ какъ въ Самаркандѣ, такъ и въ Бухарѣ. Неожиданность всегда пугаетъ азіятцевъ и во многихъ порождаетъ рѣшимость отказаться отъ задуманной вражды.

Но духовенство дѣйствовало настойчиво, преслѣдуя свои религіозныя цѣли, и къ Самарканду стекался вооруженный народъ со всѣхъ сторонъ. Однихъ улемовъ, говорятъ, собралось до 15,000.

Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ дней, постепенно прибывали въ Джизакъ части войскъ, назначенныя въ составъ дѣйствующаго

отряда. Каждая прибывавшая часть, тотчасъ по приходѣ, приступала къ изготовленію сухарей, какъ для образованія четырехдневнаго сухарнаго запаса, положеннаго имѣть каждому солдату на себѣ, такъ и для образованія общаго для цѣлаго отряда запаса сухарей, который предполагалось имѣть въ интендантскомъ обозѣ и въ складахъ Джизака и Яны-Кургана. Кузнецы и ложники всѣхъ частей ежедневно собирались къ саперной полуротѣ, для изготовленія всего необходимаго для инженернаго парка, на случай осады перваго непріятельскаго укрѣпленнаго пункта.

Такъ какъ, при открытіи военныхъ дѣйствій, Яны-Курганъ могъ подвергнуться нападенію бухарцевъ, то имѣть въ немъ лазаретъ съ большимъ числомъ больныхъ было бы неудобно; вслѣдствіе этого, приказано было перевести большую часть больныхъ, за исключеніемъ трудноболь ныхъ, изъ Яны-Кургана въ лагерь въ Ключевомъ, гдѣ для помѣщенія ихъ наскоро выстроили два большихъ углубленныхъ барака или, лучше сказать, навѣса, потому что, не обшитыя съ боковъ, стойки, поддерживавшія эти навѣсы, ежедневно только со стороны вѣтра прикрывались рядомъ камышевыхъ плетенокъ.

Въ теченіе 23-го, 24-го, 25-го и 26-го чиселъ, изъ Самаркапда пріѣзжали два посланныхъ съ письмами отъ самаркандскихъ бековъ. Беки, увѣряя командующаго войсками, что эмиръ скоро вышлетъ требуемыя условія мирнаго договора, просили не начинать войны. Первое изъ этихъ писемъ было скрѣплено пятью печатями, второе семью. Ясно, что число войскъ въ Самаркандѣ съ каждымъ днемъ возрастало.

Къ 27-му апрѣля, въ лагерѣ подъ Джизакомъ, успѣли сосредоточиться, кромѣ четырехъ ротъ 2-го линейнаго баталіона, шесть казачьихъ сотенъ, три роты 3-го, три роты 4-го, двѣ роты стрѣлковаго и четыре роты 6-го баталіоновъ, дивизіонъ нарѣзной батареи; всего 16 ротъ пѣхоты, шесть орудій, шесть сотенъ казаковъ, полурота саперовъ и взводъ облегченной батареи. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще роту авганцевъ и двѣ команды конныхъ джигитовъ. Всѣ названныя части были обезпечены достаточнымъ запасомъ патроновъ, зарядовъ и сухарей.

Оставалось обезпечить отрядъ обозомъ, котораго ни одна часть не имѣла въ достаточномъ количествѣ, несмотря на то, что ни одна часть не была въ полномъ составѣ. Недостатокъ обоза происходилъ, во-первыхъ, отъ того, что нѣкоторыя части, какъ, напримѣръ, стрѣлковый баталіонъ и нарѣзная батарея, не получали его отъ каз-

ны; во-вторыхъ, отъ того, что въ тѣхъ баталіонахъ, въ которыхъ по табелямъ числится обозъ, онъ былъ отпущенъ казною чуть-ли не въ 1812 году и съ тѣхъ поръ давно отслужилъ свое. Поэтому не оставалось ничего болѣе, какъ нанять для каждой части, взамѣнъ недостающаго количества телѣгъ, необходимое число арбъ. Для поднятія тяжестей артилерійскаго и инженернаго парковъ, интендантскаго обоза и офицерскихъ вещей также было нанято въ Джизакѣ необходимое число подводчиковъ съ арбами и лошадьми. Арбы были наняты съ платою въ мѣсяцъ отъ 15 до 25 руб. сер., считая въ томъ числѣ продовольствіе возчиковъ и упряжныхъ лошадей. Жители Ташкента предложили отнести на городскія суммы уплату арбакешамъ, нанятымъ для поднятія тяжестей артилерійскаго парка, за провозъ въ теченіе одного мѣсяца.

Вообще, наемъ арбъ, несмотря на краткость времени, оставшагося для образованія обоза, не представлялъ трудностей. Охотниковъ наняться было гораздо болѣе, чѣмъ сколько требовалось арбъ. Въ рядахъ подводчиковъ было немало даже самаркандскихъ жителей, пріѣхавшихъ въ Джизакъ съ купеческими товарами. Причина тому заключалась въ весьма щедрой платѣ, назначенной арбакешамъ за провозъ, сравнительно съ тѣмъ, что они получаютъ за перевозку купеческихъ товаровъ.

Одного только не сдѣлали до выступленія—не сформировали подвижнаго лазарета съ кадромъ лазаретной прислуги, необходимымъ запасомъ лазаретнаго бѣлья и палатокъ для больныхъ и раненыхъ. Между тѣмъ, это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать, что, при огромной цифрѣ больныхъ, которыми были переполнены всѣ существовавшіе въ Сыръ-Дарьинской Области лазареты, войска, назначенныя въ составъ дѣйствовавшаго отряда, не имѣли возможности взять въ походъ даже самой малой части лазаретнаго бѣлья и лазаретной прислуги. Такая важная статья, конечно, не могла не быть предметомъ вниманія начальства; но, съ одной стороны, извѣстная кратковременность экспедиціи въ Средней Азіи; съ другой надежда на то, что, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, первое дѣло дастъ возможность отбить у непріятеля достаточное число палатокъ, а въ первомъ занятомъ нами городѣ найти необходимыя помѣщенія для небольшаго числа раненыхъ; число же больныхъ невозможно было предполагать на столько значительнымъ, чтобы формированіе лазаретной прислуги и лазаретнаго хозяйства могло представить какія-либо серьезныя затрудненія, ибо во всѣхъ предъидущихъ экспедиціяхъ, даже такихъ, которыя совершались въ неблагопріятное время года, больныхъ было если не меньше, то и не больше, чѣмъ въ мирное время, при стоянкѣ на мѣстѣ.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, при неимѣніи въ только что открытомъ, въ 1868 году, окружномъ интендантскомъ складѣ готоваго запаса лазаретныхъ вещей и при недостаткѣ времени и матеріяловъ для приготовленія ихъ въ Джизакѣ, заставили понадѣяться на возможность удовлетворить потребностямъ больныхъ и раненыхъ, приготовивъ все, закономъ для нихъ опредѣленное, въ минуту необходимости.

Все время погода стояла отличная; дни были, правда, очень жарки, но ночи не особенно холодны. Хотя въ Джизакѣ было покойно, однако ежедневно уменьшавшееся въ городѣ число жителей заставляло думать, что значительная часть ихъ направилась къ Самарканду. То же было замѣчено и въ Яны-Курганѣ.

Послѣднее донесеніе коменданта Чиназа имѣло исключительною цѣлію извѣстить командующаго войсками о томъ, что туземцы, подъ разными предлогами, большими партіями направляются на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, и такъ такъ черезъ Джизакъ они не проѣзжали, то надо было думать, что значительная масса жителей городовъ правой стороны Сыръ-Дарьи, чрезъ окрестные кишлаки, направляются къ Самарканду.

26-го апрѣля, конфирмовавъ къ повѣшанію двухъ жителей Джизака—одного за убійство, въ концѣ марта, нашего солдата, а другаго, за вооруженное участіе въ шайкѣ сына чилекскаго бека Омара, нападавшей ночью съ 19-го на 15-е апрѣля на лагерь у Джалать-утинскаго ущелья—командующій войсками сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи главной квартиры, утромъ 27-го числа, въ Яны-Курганъ, куда въ тотъ же день приказано было выступить двумъ ротамъ стрѣлковаго баталіона, полуротѣ саперовъ, ротѣ авганцевъ, дивизіону парѣзной батареи и четыремъ сотнямъ казаковъ вмѣстѣ съ артилерійскимъ и инженернымъ парками и съ интендантскимъ обозомъ. Четыремъ ротамъ 6-го баталіона, который прибылъ въ Джизакъ только вечеромъ 26-го числа, приказано было выступить въ Яны-Курганъ 29-го числа.

Въ Джизакѣ оставалось пять ротъ 2-го баталіона, взводъ облегченной батареи и двѣ сотни казаковъ. Одна изъ ротъ 2-го баталіона оставлена была въ цитадели города для охраненія цитадели и для безопасности помѣщавшагося въ ней провіянтскаго склада.

Всю ночь, съ 26-го на 27-е августа, шелъ сильнѣйшій дождь, а къ разсвѣту поднялся такой сильный ураганъ, что многія изъ офи-

церскихъ палатокъ, въ томъ числѣ и юрта командующаго войсками, взлетѣли на воздухъ, заставивъ спавшихъ поспѣшно одѣваться подъ проливнымъ холоднымъ дождемъ и, несмотря на темноту, по лужамъ пробираться къ палаткамъ друзей, едва держась на ногахъ отъ дѣйствія горнаго вѣтра.

Часамъ къ семи дождь прошелъ, ураганъ утихъ, небо прояснилось; въ восемь часовъ главная квартира, штабъ военнаго губернатора и названныя выше части войскъ, въ походномъ порядкѣ, двинулись съ мѣста.

Проливнымъ дождемъ размыло дорогу до такой степени, что обозъ едва двигался. Вода въ рѣчкѣ Джиланъ-Уты поднялась такъ высоко, арыки разлились такъ широко, образовали такое множество глубокихъ и длинныхъ лужъ, что пѣхотѣ приходилось чуть не на каждой верстѣ дѣлать переходы по поясъ въ водѣ, да и конному надо было класть ноги на сѣдла, чтобы не налилось въ сапоги воды.

На половинѣ разстоянія, у живописныхъ Тамерлановыхъ Воротъ, сдѣланъ былъ привалъ, но обозу приказано было двигаться дальше, не останавливаясь, вслѣдствіе того, что арбы, едва взбираясь на небольшой, длиною не болѣе трехъ саженъ, подъемъ, возвышающійся между отвѣсными скалами Тамерлановыхъ Воротъ, разстраивали правильное движеніе войскъ. До трехъ часовъ пришлось простоять у Тамерлановыхъ Воротъ, пока прослѣдовала послѣдняя арба обоза.

Въ четыре часа весь отрядъ прибылъ въ Яны-Курганъ и расположился лагеремъ между берегомъ рѣки Джиланъ-Уты и большой дорогой въ Самаркандъ.

Часовъ въ пять, когда еще не всѣ части прибывшаго отряда были разставлены на мѣста, вдали, на самаркандской дорогѣ, показались небольшія толпы всадниковъ. Три сотни казаковъ, посланныя осмотрѣть впереди-лежащую мѣстность, проѣхавъ 12 верстъ, нигдѣ не встрѣтили непріятеля, быстро отступившаго при приближеніи нашего разъѣзда.

Мѣстность впереди Яны-Кургана представляетъ обширную равнину, окаймленную со всѣхъ сторонъ невысокими, но крутыми горами, за вершинами которыхъ скрывается горизонтъ. Во многихъ мѣстахъ этой равнины возвышаются отдѣльные барханы (холмы), весьма удобные для постановки на нихъ наблюдательныхъ пикетовъ, а между барханами небольшими группами разбросано значительное число глиняныхъ саколь, свидѣтельствующихъ о томъ, что равнина эта еще недавно была заселена довольно густо. Множество арыковъ,

прудовъ и небольшое количество фруктовыхъ деревьевъ служили доказательствомъ ея обработанности.

Когда, въ 1867 году, нашъ передовой отрядъ занялъ Яны-Курганъ, жители этой равнины побросали свои жилища и земли и, подобно значительной части занятыхъ нами въ Туркестанѣ городовъ, ушли частію въ Самаркандъ, частію въ долину Зарявшана и въ Бухару.

Выставивъ наблюдательные посты, отрядъ спокойно простоялъ на мѣстѣ до утра 30-го апрѣля. 28-е и 29-е прошли въ сборахъ и въ окончательныхъ приготовленіяхъ къ походу.

Въ оба эти дня была окончена перевозка больныхъ въ Джизакъ.

Лазутчики, прибывшіе 28-го числа въ Яны-Курганъ, сообщили, что населеніе Самарканда и Міанкайской Долины съ нетерпѣніемъ ожидаетъ появленія русскихъ, готовое присоединиться къ Россіи; но что духовенство, напротивъ, продолжаетъ возбуждать народъ къ войнѣ, несмотря на оппозицію всѣхъ классовъ населенія, не исключая и войска, съ ихъ начальникомъ, старшимъ сыномъ эмира. Они говорили, что разномысліе даже выразилось въ дракѣ духовенства съ сарбазами, прекратившейся только послѣ незначительныхъ съ обѣихъ сторонъ потерь убитыми и ранеными.

Числительность войскъ попрежнему опредѣляли различно: одни говорили, что въ Самаркандѣ уже сосредоточено до 8,000 конницы, расположенной частію въ городѣ, по шагрисябзской дорогѣ, по которой ожидаютъ прибытія шагрисябзцевъ; другіе общую числительность бухарскихъ силъ доводили до 50,000, при 50 орудіяхъ. Къ этому лазутчики прибавляли, что въ Самаркандѣ торговля совсѣмъ прекратилась, лавки заперты и что жителей не выпускаютъ изъ города. Какъ ни разнорѣчивы были эти свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе не приходилось увлекаться, такъ сказать, мирною стороною ихъ, въ виду общаго положенія дѣлъ.

Послѣдствія, какъ нельзя лучше, оправдали способъ дѣйствій командующаго войсками.

28-го числа, утромъ, въ Самаркандѣ сдѣлалось извѣстнымъ о приходѣ изъ Джизака нашихъ войскъ, о расположеніи ихъ лагеремъ впереди Яны-Кургана, и вотъ что написалъ эмиру самаркандскій бекъ Баба-ходжа, по полученіи этого извѣстія:

«Таксыръ! по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, русскій отрядъ расположился бивуакомъ при урочищѣ Яны-Курганъ и, вѣроятно, на дняхъ двинется къ Самарканду. Какія мѣры прикажете принять противъ этого? Войска ваши, Таксыръ, собраны и расположены, по при-

казанію Вашему, на чапанъ-атинскихъ высотахъ, подъ предводительствомъ Вашего сына; часть жителей также выведена въ отрядъ и вооружена; затѣмъ подданные Ваши ожидаютъ Вашего прибытія, какъ восхода солнца въ раннее и ясное утро. Пріѣздъ Вашъ можетъ воодушевить храбрыя войска Ваши, Таксыръ!».

Получивъ это письмо, эмиръ, очень обрадованный тѣмъ, что войска его успѣли такъ скоро собраться, послалъ въ Самаркандъ сардаря Намсутдина-ходжу, для осмотра ихъ и для окончательнаго приготовленія къ бою. Эмиръ нимало не сомнѣвался въ успѣхѣ предстоящей борьбы и увѣрялъ народъ, что самаркандскія святыни ни одного дня не могутъ быть въ рукахъ невѣрныхъ.

Кромѣ войскъ, собранныхъ въ Самаркандѣ, вблизи его находились еще: въ Чилекѣ 200 человѣкъ пѣхоты, при трехъ орудіяхъ; въ Джанъ-булакѣ и Джюма-базарѣ до 1,000, и въ Нурата до 2,000 киргизовъ, подъ предводительствомъ Садыка.

29-го числа, командующій войсками получилъ новое письмо отъ самаркандскихъ бековъ, съ тою же просьбою не выступать изъ Яны-Кургана, не нарушать мира, и съ тѣмъ же увѣреніемъ, что условія мирнаго трактата будутъ на дняхъ высланы; но къ этому третьему письму было приложено уже семнадцать печатей бековъ. Самый тонъ письма отличался большимъ высокомѣріемъ. Желаніе выиграть время становилось болѣе чѣмъ яснымъ.

Мы видѣли, что эмиръ имѣлъ достаточно времени для того, чтобы согласиться на предложенныя ему условія мирнаго трактата и выслать ихъ. Медлить долѣе значило дать время соединиться съ съ шагрисябзцами и возможность встрѣтить насъ не 50,000 вооруженныхъ скопищъ, а 100,000, при большомъ числѣ артилерійскихъ орудій. Медлить долѣе значило дать время развиться волненію среди подданныхъ намъ туземцевъ; наконецъ, значило показать нерѣшительность.

Въ четыре часа утра, 30-го апрѣля, отрядъ, въ составѣ 21-й роты пѣхоты, 16-ти орудій и 5-ти сотенъ казаковъ, числительностію около 3,500 человѣкъ, выступилъ по самаркандской дорогѣ.

Для охраненія сообщенія съ Джизакомъ, въ Яны-Курганѣ были оставлены двѣ роты пѣхоты, два горныхъ орудія и двѣ сотни казаковъ.

Дорога въ Самаркандъ, на протяженіи первыхъ 12-ти верстъ, идетъ перевалами, черезъ нѣсколько возвышенныхъ кряжей, имѣющихъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ; на всемъ же остальномъ протяженіи, вплоть до Міанкальской Долины, по совершенно ровной степи, на которой, кромѣ травы и почти голыхъ горъ, синѣющихъ по сторонамъ вправо и влѣво, не видно болѣе ничего.

Часовъ около десяти, когда авангардъ миновалъ послѣдній перевалъ, отрядъ получилъ приказаніе остановиться, чтобы стянуть войска и обозъ.

День былъ очень жаркій. Жажда томила всѣхъ, но не всѣ могли ее утолить: воды на привалѣ не было, а манерокъ въ нашихъ войскахъ не водится, хотя въ Азіи онѣ положительно необходимы.

Въ это время прискакалъ къ командующему войсками джигитъ, съ извѣстіемъ о прибытіи изъ Бухары посольства. Командующій войсками приказалъ принять его, и вскорѣ къ мѣсту, гдѣ расположился командующій войсками, въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ, но плохо одѣтыхъ бухарцевъ, лошади которыхъ были навьючены небольшими кожаными сундуками съ кусками канауса и съ халатами, подъѣхалъ мирза Шамсутдинъ, который два раза былъ въ Ташкентѣ: разъ въ качествѣ секретаря Мусса-бека, а другой разъ въ качествѣ вполнѣ повѣреннаго посланца—тотъ самый мирза Шамсутдинъ, который, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Ташкента, увѣрялъ, такъ же какъ и Мусса-бекъ, что условія мирнаго трактата будутъ непремѣнно присланы въ самомъ непродолжительномъ времени.

Надо замѣтить, что изъ лицъ, которыхъ эмиръ посылалъ къ командующему войсками, мирза Шамсутдинъ былъ искреннѣе и добропорядочнѣе всѣхъ.

Увидѣвъ его, командующій войсками обрадовался. Къ сожалѣнію, вмѣсто условій мирнаго договора, мирза, распоровъ одну сторону краснаго суконнаго мѣшка, въ которомъ обыкновенно эмиръ посылаетъ свои бумаги, вынулъ изъ него и подалъ командующему войсками новое письмо отъ эмира, объявивъ, что, не далѣе какъ черезъ день, пріѣдетъ настоящій посланникъ съ утвержденными печатью эмира условіями мирнаго договора.

Затѣмъ онъ просилъ командующаго войсками принять привезенные ему подарки и возвратиться въ Яны-Курганъ. Командующій войсками не принялъ подарковъ и объявилъ мирзѣ Шамсутдину, что войска будутъ двигаться впередъ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ утвержденныхъ Сеидъ-Музафаромъ условій мирнаго договора.

Тотчасъ ударили подъемъ, и отрядъ продолжалъ дальнѣйшее

движеніе. Жара усиливалась съ неимовѣрною быстротою; потъ градомъ катился почти со всѣхъ; жажда увеличивалась все болѣе и болѣе. Солдаты томительно поглядывали въ стороны, ища взорами признаковъ воды, и, чтобы скорѣе окончить утомительный переходъ, ускоряли шагъ. Арбы, не поспѣвая за пѣхотой, растягивались весьма значительно въ длину. Въ воздухѣ царствовала мертвая тишина, лишь по временамъ перерываемая то скрипомъ арбъ, то сапомъ и ржаніемъ лошадей. Вдали, на скатахъ горъ, видѣлись кое-гдѣ киргизскіе аулы.

Послѣ трехчасоваго движенія, отрядъ остановили снова. Боковые разъѣзды набрели на нѣсколько мелкихъ лужъ, сохранившихся отъ послѣдняго дождя на глинистыхъ жилахъ степи. Завидѣвъ воду, солдаты бросились къ лужамъ и, растянувшись во весь ростъ на землѣ, начали съ жадностію глотать теплую, грязную воду. Не было никакой возможности отогнать ихъ отъ лужъ. При такой жарѣ и усталости вездѣ вредно пить воду; въ Азіи же, гдѣ при самыхъ нормальныхъ условіяхъ можно пить только рѣчную и колодезную воду, подобная невоздержанность никогда не проходитъ даромъ.

Поднявшись съ втораго привала, отрядъ въ пять часовъ вечера прибылъ на урочище Ташъ-купрюкъ (каменный мостъ) и расположился на ночлегъ.

Это урочище получило свое названіе отъ каменнаго моста, перекинутаго черезъ края углубленнаго, довольно широкаго и почти съ отвѣсными боками оврага, по которому течетъ неглубокій извилистый ручей. Къ оврагу спускаются нѣсколько глубокихъ, также съ отвѣсными краями, балокъ, изъ которыхъ одна, огибая полукругомъ южную сторону оврага примыкающую къ мосту, образуетъ нѣсколько возвышенную съ краевъ и углубленную въ серединѣ площадь. Сторона этой площади, примыкающая къ дорогѣ, обнесена невысокою стѣною, а другія почти отвѣсно спускаются ко дну оврага.

Впереди моста, вправо и влѣво отъ дороги, видѣлись квадратные дворики, обнесенные глиняными стѣнками, между которыми тянулись полосы, засѣянныя джиндшкой (клеверомъ); а еще лѣвѣе, верстахъ въ двухъ или нѣсколько болѣе, на продолженіи оврага, среди высокихъ деревьевъ и глиняныхъ стѣнъ, скрывался довольно большой кишлакъ. Дно оврага, по обѣимъ сторонамъ ручья изрытое канавами, было во многихъ мѣстахъ тоже покрыто полосами джиндшки, ячменя и пшеницы.

Кишлакъ былъ совершенно пустъ. Ни въ одной саклѣ не оказалось ни души: жители, собравъ до послѣдней мелочи свои пожитки, бѣжали въ горы. Кругомъ, на протяженіи десяти верстъ, не появлялось ни одного вооруженнаго бухарца.

Отрядъ, охраняемый негустою цѣпью ночныхъ часовыхъ, поставленныхъ чуть не у самыхъ ногъ солдатъ, развлегшихся на травѣ, переночевалъ совершенно покойно.

Утромъ, 1-го мая, когда отрядъ уже былъ готовъ продолжать движеніе, мирза Шамсутдинъ снова сталъ просить командующаго войсками возвратиться въ Яны-Курганъ, или, по крайней мѣрѣ, дождаться на Ташъ-купрюкѣ прибытія посланца отъ эмира. Увѣряя, что условія мирнаго договора будутъ непремѣнно присланы не позже слѣдующаго дня, онъ старался убѣдить командующаго войсками, что въ Самаркандѣ нѣтъ большаго сбора войскъ, и что на пути въ Самарканду, вплоть до Зарявшана, нѣтъ ни одного вооруженнаго человѣка.

Командующій войсками не считалъ нужнымъ измѣнять распоряженій, и отрядъ, выступивъ дальше, пройдя десять верстъ совершенно ровной степью, у кишлака Акъ-Курганъ спустился въ цвѣтущую Міанкальскую Долину. Кишлакъ былъ оставленъ жителями. Широкая поляна, разстилавшаяся между кишлакомъ и садами, была также пуста, но вдоль опушки садовъ, на дорогѣ, по сторонамъ ея и на курганахъ, за деревьями, стояли сарбазы, пестрѣли массы конныхъ сартовъ, видѣлись бунчуки и значки.

— Что это? — спросилъ командующій войсками, обратясь къ мирзѣ Шамсутдину, который все время слѣдовалъ за нимъ.

— Не знаю, отвѣтилъ посланецъ: когда я вчера ѣхалъ къ вамъ, тутъ никого не было.

По мѣрѣ того, какъ авангардъ подходилъ къ садамъ, непріятель снимался съ предварительно-занятой позиціи и отступалъ.

День былъ очень жаркій; знойное солнце палило безжалостно; здоровье же людей было не въ особенно хорошемъ состояніи: вчерашняя невоздержанность солдатъ, пившихъ воду изъ лужъ, производила свои дурныя послѣдствія.... Между тѣмъ, съ минуты на минуты слѣдовало ожидать начала дѣла.

Сады оказались негусты. Группы тополей, орѣховыхъ и вишневыхъ деревъ, яблонь и джиды, обнесенныя со всѣхъ сторонъ глинобитными четырехугольными стѣнками, безпрестанно прерывались болѣе или менѣе широкими полянами травы или джиндшки, надъ которыми возвышались насыпные курганы.

Пора было сдѣлать привалъ; но едва отдали приказаніе остановиться, какъ начальникъ джигитовъ, слѣдовавшихъ въ головѣ авангарда, сообщилъ извѣстіе о переходѣ непріятеля въ наступленіе.

Командующій войсками, поспѣшивъ къ авангарду, приказалъ разсыпать вправо отъ дороги двѣ роты стрѣлковъ и развернуть по сторонамъ ея двѣ сотни казаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникъ походнаго штаба командующаго войсками, генеральнаго штаба полковникъ Петрушевскій, получилъ приказаніе выѣхать впередъ для осмотра впереди-лежащей мѣстности.

Завидѣвъ развертываніе нашего авангарда, мирза Шамсутдинъ прислъ позволенія отъѣхать.

Командующій войсками отпустилъ его, посовѣтывавъ при этомъ убрать войска, чтобы избѣжать кровопролитія и не мѣшать переговорамъ о мирѣ.

Въ непродолжительномъ времени, послѣ отъѣзда мирзы Шамсутдина, впереди послышалась ружейная пальба. Командующій войсками, думая, что пальба начата съ нашей стороны, послалъ полковнику Петрушевскому приказаніе прекратить пальбу и не завязывать дѣла. Но полковникъ Петрушевскій и не завязывалъ дѣла. Выѣхавъ съ тридцатью казаками на полторы версты впередъ, по дорогѣ, онъ остановилъ казаковъ внѣ выстрѣловъ бухарцевъ, и послалъ джигита сказать начальнику передовой непріятельской партіи, чтобы онъ отступилъ къ Зарявшану, пропустилъ нашъ отрядъ къ этой рѣкѣ, такъ какъ войны не будетъ, а между тѣмъ войска, въ ожиданіи прибытія посланца для веденія переговоровъ о мирѣ, который будетъ непремѣнно заключенъ, ближе Зарявшана остановиться не могутъ. Въ отвѣтъ на такое предложеніе, бухарцы дали залпъ изъ ружей и двинулись впередъ.

Казаки, составлявшіе конвой полковника Петрушевскаго, ошеломленные неожиданнымъ залпомъ непріятельской партіи, повернули назадъ и оставили полковника Петрушевскаго на мѣстѣ съ однимъ только казакомъ. Пока начальникъ кавалеріи, поскакавъ вслѣдъ за казаками, успѣлъ остановить ошалѣвшихъ отъ перваго выстрѣла казаковъ и возвратилъ ихъ къ оставленному ими мѣсту, бухарцы продолжали стрѣлять, но подвигались весьма медленно.

Вскорѣ къ полковнику Петрушевскому подоспѣли еще двѣ казачьи сотни, которыя тотчасъ же открыли огонь. Частая пальба казаковъ, немедленно развернувшихся по сторонамъ дороги, заставила непріятеля отступить, вслѣдствіе чего пальба съ нашей стороны была прекращена еще прежде, чѣмъ къ полковнику Петрушевскому явился ординарецъ, съ приказаніемъ командующаго войсками не завязывать дѣла.

Когда пальба утихла, отъ партіи бухарцевъ отдѣлился красивый, довольно полный мужчина, въ безукоризненно-бѣлой чалмѣ и въ богатомъ атласномъ розовомъ халатѣ—сардарь Нажмутдинъ-ходжа, новый посланецъ Сеидъ-Музафара. Подъѣхавъ къ полковнику Петрушевскому и объявивъ, что онъ привезъ условія мирнаго договора, скрѣпленныя подписью и печатью эмира, онъ просилъ представить его командующему войсками.

Прибытіе Нажмутдина-ходжи было весьма кстати: оно дало возможность сдѣлать войскамъ привалъ и стянуть отрядъ, движеніе котораго крайне замедлялось необходимостью исправлять разрушенные отступавшими бухарцами мосты, безъ которыхъ артилерія и обозъ не могли пройти чрезъ глубокіе арыки, часто пересѣкающіе дорогу.

Самый поверхностный осмотръ мѣстности, по сторонамъ дороги, обнаруживалъ намѣреніе непріятеля встрѣтить насъ предварительно въ садахъ, обороняя каждый шагъ пути къ священному городу: стѣны садовъ были весьма тщательно приведены въ оборонительное положеніе. Судя по бойницамъ, пробитымъ на небольшой высотѣ отъ подошвы стѣнъ, надо полагать, что бухарцы думали защищать ихъ двухъ-яруснымъ огнемъ: поверхъ зубцевъ и черезъ бойницы. И если бы непріятель осуществилъ это намѣреніе, то, безъ сомнѣнія, наша потеря 1-го мая была бы очень значительная.

Къ счастію, непріятель, измѣнивъ первоначальное свое намѣреніе, не успѣлъ осуществить и окончательно принятаго. Сосредоточивъ свои войска на чапанъ-атинскихъ высотахъ, онъ думалъ разстрѣлять насъ выстрѣлами своихъ орудій, при нашемъ выходѣ изъ садовъ, гдѣ, по его расчетамъ, мы должны были остановиться, такъ какъ всю мѣстность между высотами и садами бухарцы предполагали затопить устройствомъ глубокаго наводненія; но плотина, посредствомъ которой они предполагали затопить мѣстность по берегамъ Зарявшана, не могла быть готова въ этотъ день, и потому бухарцы думали задержать быстрое приближеніе нашего отряда къ Зарявшану переговорами. Вотъ причина, почему они высылали посланцевъ навстрѣчу командующему войсками.

Послѣ привала, командующій войсками принялъ отъ посланнаго привезенныя имъ условія мирнаго договора. Оказалось, что они были написаны на персидскомъ языкѣ, съ примѣсью арабскихъ словъ, которыхъ никто изъ переводчиковъ, состоявшихъ при командующемъ

войсками, не могъ перевести на русскій языкъ. Изъ того же, что съумѣли прочесть, оказалось, что эмиръ прислалъ условія мирнаго трактата, передѣланныя по своему, а вовсе не тѣ, которыхъ отъ него ожидали.

Присылка посланца, съ передѣланными условіями мирнаго договора, служила новымъ доказательствомъ, что эмиръ считалъ себя еще достаточно сильнымъ, чтобы соглашаться на какія бы то ни было уступки, но велъ переговоры съ цѣлію выиграть время, необходимое для усиленія позиціи въ самаркандскихъ высотахъ наводненіемъ и для соединенія своихъ войскъ съ шагрисябзцами, которые, благодаря быстротѣ сбора и движенія нашего отряда, не могли поспѣть 1-го мая къ Самарканду.

Оставалось, въ свою очередь, воспользоваться переговорами для того, чтобы выиграть время, необходимое для свободнаго выхода нашихъ войскъ изъ садовъ, построенія боеваго порядка и вагенбурга, и затѣмъ, пользуясь превосходствомъ вооруженія и правственнаго настроенія нашихъ войскъ, рѣшительно атаковать непріятеля.

Поэтому, не прерывая переговоровъ, командующій войсками приказалъ отряду подвигаться впередъ до Зарявшана.

Нажмутдинъ-ходжа убѣдительно просилъ не двигаться далѣе, остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ сдѣланъ войскамъ привалъ.

Командующій войсками отвѣтилъ на это, что отрядъ остановится на Зарявшанѣ, такъ какъ не приходится ночевать въ садахъ, имѣя кругомъ со всѣхъ сторонъ многочисленнаго непріятеля.

Послѣднія три или четыре версты до выхода изъ садовъ, отрядъ шелъ впередъ ускореннымъ шагомъ. Командующій войсками поспѣшилъ въ авангардъ; Нажмутдинъ-ходжа слѣдовалъ за нимъ.

— Что это? — снова спросилъ командующій войсками, указавъ Нажмутдину-ходжѣ на высоты, когда, выѣхавъ изъ садовъ, онъ увидѣлъ позицію бухарцевъ сплошь покрытою массами пѣхоты и конницы, и когда дымъ, заклубившійся послѣ перваго выстрѣла у дулъ орудій, обнаружилъ мѣста расположенія артилеріи.

— Ничего! отвѣчалъ хладнокровно Нажмутдинъ-ходжа: народъ и войска вышли встрѣтить васъ, желая привѣтствовать впереди своего лучшаго города.

Вслѣдъ за этимъ, едва голова нашего авангарда начала выходить изъ садовъ, какъ была атакована съ правой стороны густыми массами непріятельской конницы.

Командующій войсками приказалъ начальнику кавалеріи, подполковнику Штрандману, оттѣснить эти массы и отбросить ихъ за рѣку.

Подполковникъ Штрандманъ, съ четырьмя сотнями казаковъ, четырьмя орудіями облегченной конно-казачьей батареи и ракетною батареею, атаковалъ непріятеля, и, несмотря на анфиладный огонь бухарской артилеріи поставленной на высотахъ, оттѣснилъ бухарскую конницу на лѣвый берегъ рѣки.

Бухарцы открыли пальбу изъ сорока орудій, разставленныхъ по всей линіи ихъ расположенія; но вскорѣ прекратили ее. Только два орудія, обстрѣливавшія переправу чрезъ Зарявшанъ, продолжали стрѣлять, но не наносили намъ никакого вреда. Жертвами этой пальбы были остатки конныхъ массъ бухарцевъ, отброшенныхъ казаками за рѣку, которыя, направляясь съ фронта на высоты, попали подъ выстрѣлы своихъ же орудій.

Когда всѣ части авангарда вышли изъ садовъ, командующій войсками остановилъ ихъ между рукавами Зарявшана, въ разстояніи полутора версты отъ расположенія бухарцевъ.

Мѣстность, по которой предстояло намъ дѣйствовать въ этотъ день, была намъ совершенно неизвѣстна, хотя съ перваго взгляда казалось, что ее легко распознать.

Предъ нами разстилалась широкая, каменисто-песчаная площадь, покрытая множествомъ рукавовъ Зарявшана, то мелкихъ, со слабымъ теченіемъ, то глубокихъ, съ такимъ быстрымъ стремленіемъ воды, что малѣйшая невѣрность въ выборѣ мѣста для переправы могла имѣть гибельныя послѣдствія.

За этою площадью виднѣлись топкія поля джинушки и риса, прикрытыя съ лѣвой (южной) стороны густымъ рядомъ урюковыхъ (абрикосовыхъ) деревьевъ и тополей, а съ правой (сѣверной) стороны, на протяженіи почти двухъ верстъ, почти совершенно открытыя. За полями поднимались чапанъ-атинскія высоты. Правая (сѣверная) возвышенная сторона этихъ высотъ представляла пологій скатъ, упиравшійся высокимъ отвѣснымъ обрывомъ въ лѣвый берегъ Зарявшана; лѣвая же (южная) спускалась, тремя уступами, къ внѣшней окраинѣ садовъ окружающихъ Самаркандъ, и оканчивалась невысокимъ, но очень крутымъ холмомъ, стороны котораго, обращенныя къ Зарявшану, были изрыты лощинами и, почти отвѣсными обрывами, упирались въ берегъ рѣки. Глубокія лощины расходились въ разныя стороны и по остальнымъ покатостямъ высотъ. Въ серединѣ высотъ, по пологой выемкѣ, пролегала большая дорога въ Самаркандъ, ведущая къ воротамъ Шейхъ-зинде.

На вершинѣ высотъ, въ разстояніи версты съ четвертью отъ подошвы ихъ, виднѣлась «муллушка» (часовня) Чапана, покровителя пастуховъ, имя котораго носятъ высоты.

Всѣ высоты были сплошь покрыты густыми массами конныхъ бухарцевъ, съ бунчуками и значками. Вдоль подошвы и середины высотъ тянулась тонкая, длинная, но непрерывная линія регулярныхъ пѣшихъ сарбазовъ; пространство между массами конницы и линіями пѣхоты было наполнено вооруженными одиночными всадниками. Покатости крутаго холма близъ самаркандскихъ садовъ, составлявшаго южную оконечность чапанъ-атинскихъ высотъ, были покрыты непрерывной массой конницы, а вершина пестрѣла множествомъ разноцвѣтныхъ палатокъ, кругомъ обставленныхъ бунчуками и значками. За деревьями, скрывавшими поля лѣвой стороны позиціи, и еще лѣвѣе, черезъ Зарявшанъ, вплоть до садовъ правой стороны рѣки, стояли, мѣстами въ нѣсколько рядовъ, мѣстами большими плотными массами, всадники. Такіе же ряды и массы вскорѣ появились и справа, на всемъ протяженіи между высотами и садами.

Большая часть непріятельской артилеріи, до 20 орудій, была расположена въ центрѣ, для обстрѣливанія большой дороги въ Самаркандъ; по шести орудій стояли на флангахъ: на правомъ для обстрѣливанія переправы чрезъ Зарявшанъ по главной дорогѣ въ Самаркандъ, огибающей чапанъ-атинскія высоты съ сѣверной стороны, а на лѣвомъ для обстрѣливанія третьей дороги въ городъ, пролегающей южнѣе двухъ первыхъ и проходящей чрезъ южную оконечность высотъ, покрытую разноцвѣтными палатками.

Пѣхота и артилерія были размѣщены съ большимъ пониманіемъ относительнаго значенія различныхъ пунктовъ позиціи, и вполнѣ соотвѣтствовали качеству бухарскихъ ружей; за то массы конницы, наполнявшей свободныя пространства между расположеніемъ пѣхоты и артилеріи, свидѣтельствовали объ отсутствіи всякаго пониманія военнаго искуства въ главномъ начальникѣ бухарскихъ силъ, располагавшихъ свои войска на позиціи, сила и крѣпость которой стала для насъ вполнѣ понятна только тогда, когда она сдѣлалась нашею добычею.

Всѣ орудія непріятеля были пристрѣляны на дальнее разстояніе, къ мѣстамъ возлѣ опушки садовъ праваго берега Зарявшана, и только орудія малыхъ калибровъ, преимущественно расположенныхъ на флангахъ, могли поражать вблизи. Говорятъ, будто бухарцы были вполнѣ увѣрены, что мы окажемся не въ силахъ одолѣть ихъ на этой крѣпкой позиціи. Только одинъ какой-то дервишъ, которому наканунѣ приснилось, что обрушились два минарета, красующіеся на мечети Тамерлана, рѣшился предсказать старшему сыну эмира, что предстоящая битва будетъ имѣть неблагопріятный исходъ для бухарскихъ войскъ. За такое зловѣщее предсказаніе Ката-тюря приказалъ отрубить дервишу голову.

Когда нашъ авангардъ занялъ указанныя мѣста, командующій войсками объявилъ Нажмутдину-ходжѣ, что если онъ желаетъ вести дальнѣйшіе переговоры и увѣренъ въ искренности желанія эмира исполнить заявленныя ему требованія, то послалъ бы сказать бекамъ, командующимъ бухарскими войсками, чтобы они, не позже какъ черезъ два часа, отвели свои войска назадъ и очистили высоты.

Нажмутдинъ-ходжа, какъ бы согласившись съ этимъ, тотчасъ послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ сообщить бекамъ волю командующаго войсками. Однако прошло два часа, а отвѣта не было.

На высотахъ безпрерывно совершались какія-то, повидимому вполнѣ безцѣльныя, передвиженія конныхъ массъ. Бухарцы, по временамъ, открывали рѣдкую ружейную и пушечную пальбу, которую, впрочемъ, вскорѣ совсѣмъ прекращали.

Нашей пѣхоты также не терпѣлось. Люди слишкомъ достаточно устали, чтобы спокойно стоять на солнцепекѣ, и съ своей стороны, также по временамъ, отвѣчали на выстрѣлы выстрѣлами. Между тѣмъ весь отрядъ, выйдя изъ садовъ, уже успѣлъ выстроиться въ боевой порядокъ; обозъ также началъ строить вагенбургъ.

Командующій войсками далъ понять Нажмутдину-ходжѣ, что онъ прикажетъ начать атаку.

Посланецъ униженно молилъ о пощадѣ, прося подождать еще нѣсколько времени; наконецъ попросилъ позволенія поѣхать къ бекамъ, давъ слово, черезъ часъ, непремѣнно очистить высоты.

Командующій войсками отпустилъ его, сказавъ, что онъ не начнетъ атаки и черезъ часъ, если увидитъ, что бухарскія войска начнутъ сходить съ высотъ по направленію къ городу.

Когда Нажмутдинъ-ходжа переправился чрезъ Зарявшанъ, къ нему подъѣхали нѣсколько бухарцевъ, что-то сказали, и вслѣдъ затѣмъ они, и всѣ сопровождавшіе его, помчались вскачь въ разныя стороны позиціи непріятеля; на высотахъ обнаружилось большое движеніе; сарбазы, стоявшіе у подошвы высотъ, были усилены подкрѣпленіями; конныя массы спустились внизъ, стали ближе къ пѣхотнымъ сарбазамъ.

Съ южной оконечности высотъ также сошли довольно значительныя массы съ бунчуками и значками на подкрѣпленіе тѣхъ, которые

стояли за тополями лѣвой стороны непріятельской позиціи, и, въ довершеніе всего, за четверть часа до окончанія срока, даннаго Нажмутдину-ходжѣ, по всей линіи загремѣла канонада и ружейная пальба.

Конныя массы, толпившіяся за урюковыми деревьями и тополями лѣвой стороны позиціи, раздались, и по командующему войсками былъ открытъ огонь четырехъ орудій, скрытыхъ за деревьями. Направленіе выстрѣловъ было безусловно-вѣрное; пять снарядовъ перелетѣли прямо надъ головой командующаго войсками, ударившись въ землю недалеко позади и по сторонамъ чиновъ, составлявшихъ его штабъ.

Войска, горя нетерпѣливымъ желаніемъ сразиться, еще до отъѣзда Нажмутдина-ходжи на высоты порывались начать пальбу.

Начальникъ дѣйствовавшаго отряда, военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской Области, генералъ-маіоръ Головачевъ, три раза подъѣзжалъ къ командующему войсками, прося позволенія начать атаку; но только тогда, когда минута въ минуту окончился срокъ данный Нажмутдину-ходжѣ, командующій войсками сказалъ: «съ Богомъ!» и войска, открывъ непрерывную пальбу, смѣло двинулись впередъ.

Въ первой линіи шли шесть ротъ 5-го и 9-го линейныхъ баталіоновъ, прикрытыя цѣпью своихъ стрѣлковыхъ ротъ.

На правомъ флангѣ, между ротами 9-го баталіона, слѣдовали два нарѣзныхъ и два батарейныхъ орудія; на лѣвомъ, между ротами 5-го баталіона, четыре батарейныхъ орудія. Резервъ праваго фланга составляли три роты 3-го баталіона, двѣ стрѣлковаго и рота авганцевъ.

Резервъ лѣваго фланга—три роты 4-го баталіона и полурота саперовъ. Четыре сотни казаковъ съ четырьмя конными орудіями и ракетной батареей остались на мѣстѣ, составляя общій резервъ. Обозъ охраняли четыре роты 6-го баталіона, два нарѣзныхъ, два батарейныхъ орудія и полсотни казаковъ.

Генералъ Головачевъ лично повелъ войска на высоты.

Стратегическій ключъ позиціи бухарцевъ былъ на южной сторонѣ высотъ, на правомъ флангѣ непріятеля, гдѣ пролегала кратчайшая дорога въ Самаркандъ, и гдѣ находились всѣ главные беки, начальствовавшіе войсками: заставить этихъ бековъ бѣжать значило заставить бѣжать и всю бухарскую силу, отрѣзавъ ее отъ города, который возможно было занять въ тотъ же день.

Но занятіе Самарканда не могло входить въ этотъ день въ планъ командующаго войсками: отрядъ былъ на ногахъ съ четырехъ часовъ

утра, пройдя тридцать верстъ подъ палящимъ зноемъ средне-азіатскаго солнца. Предѣломъ мечты командующаго войсками, 1-го мая, было овладѣніе высотами и принужденіе непріятеля къ отступленію съ возможно-большимъ нанесеніемъ ему вреда убитыми и ранеными. Къ тому же, мѣстность впереди праваго фланга позиціи бухарцевъ была доступна лишь въ немногихъ мѣстахъ, по которымъ движеніе значительнаго числа войскъ могло встрѣтить непреодолимыя затрудненія; да если бы эта мѣстность и не представляла никакихъ затрудненій для движенія всего нашего отряда, то и тогда не было бы выгодно дѣлать всѣми войсками маневръ, ускоряющій минуту отступленія непріятеля.

Движеніемъ на стратегическій ключъ позиціи достигалось скорѣйшее отступленіе непріятеля; для того же, чтобы нанести непріятелю возможно болѣе чувствительный уронъ, необходимо было атаковать еще одинъ изъ тѣхъ пунктовъ позиціи бухарцевъ, гдѣ наиболѣе была сосредоточена пѣхота. Такимъ пунктомъ былъ центръ позиціи, гдѣ находилась и большая часть артилеріи.

По этимъ соображеніямъ, командующій войсками приказалъ генералу Головачеву атаковать два пункта непріятельской позиціи—правый флангъ и центръ.

Слѣдуя приказанію, генералъ Головачевъ направилъ войска нашего лѣваго фланга, подъ начальствомъ полковника Абрамова, на правый флангъ непріятельской позиціи, а самъ, съ ротами 9-го, 3-го и стрѣлковаго баталіоновъ, двинулся на центръ расположенія бухарцевъ.

Пройдя, по грудь въ водѣ, рукава Зарявшана и потомъ по колѣна въ грязи топкихъ рисовыхъ полей, подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ пѣшихъ и конныхъ сарбазовъ и всей непріятельской артилеріи, едва поддерживая перестрѣлку, стрѣляя, при усталости, съ плечъ впереди идущихъ товарищей, войска наши, съ крикомъ «ура», бросились на высоты, изумивъ своею отвагою многочисленнаго непріятеля, который считалъ себя недоступнымъ къ своей крѣпкой позиціи.

Подойдя къ подошвѣ высотъ, роты 9-го баталіона, подъ начальствомъ подполковника Назарова, атаковали сарбазовъ и артилерію центра, а роты 3-го и стрѣлковаго баталіоновъ, подъ начальствомъ подполковника Баранова, устремились на лѣвый флангъ позиціи бухарцевъ, поражавшихъ наши войска ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ съ фланга.

Апфиладный огонь съ лѣваго фланга позиціи бухарцевъ вызвалъ атаку третьяго пункта, которая была произведена второю линіею.

Не огонь нашей пѣхоты, усталой, едва державшей въ рукахъ ружья, не огонь восьми орудій артилеріи, только часть которой съ трудомъ переправилась чрезъ рукава Зарявшана, оставивъ въ одномъ изъ нихъ зарядный ящикъ съ лошадьми, а стройность и быстрота, съ которыми наши войска, преодолѣвъ всѣ препятствія противопоставленныя мѣстностью, несмотря на перекрестный огонь, взошли на высоты—устрашили непріятеля, поколебали въ немъ всю его рѣшимость и заставили, бросивъ 21 орудіе, искать спасенія въ бѣгствѣ, прежде чѣмъ наша пѣхота успѣла приблизиться къ нему на сотню шаговъ.

Полковникъ Абрамовъ взошелъ на высоты праваго фланга непріятельской позиціи одновременно съ генераломъ Головачевымъ и съ такою же помощію артилеріи.

Изъ четырехъ орудій нашего лѣваго фланга, только два покровительствовали наступленію; два же остальныхъ, не будучи въ состояніи пройти черезъ широкій арыкъ, остались назади, продолжая пальбу, пока ихъ не закрыли стрѣлки 5-го баталіона.

Желая овладѣть этими орудіями, непріятель бросался нѣсколько разъ въ атаку на орудія, но нарѣзной дивизіонъ своими выстрѣлами всякій разъ разгонялъ атаковавшія его толпы.

Когда наши войска двинулись на высоты, конныя массы бухарцевъ устремились на обозъ. Большія толпы ихъ, съ крикомъ «уръ! уръ!» нѣсколько разъ подскакивали къ обозу на близкое разстояніе, стрѣляли, но частые выстрѣлы пѣхоты и артилеріи, находившихся въ прикрытіи, заставляли ихъ всякій разъ удаляться, пока они окончательно не разсѣялись.

Преслѣдовать отступающаго непріятеля, при крайней усталости войскъ, было невозможно; поэтому наши войска провожали отступавшихъ одними выстрѣлами, пока бухарцы не скрылись за горами изъ вида.

Резервъ изъ трехъ казачьихъ сотенъ, съ четырьмя орудіями и ракетной батареей, стоялъ во время дѣла на мѣстѣ; двигать его впередъ, даже и замѣтивъ отступленіе непріятеля, было нельзя, вслѣдствіе непрерывныхъ атакъ бухарцевъ на обозъ, который стоялъ слишкомъ далеко отъ чапанъ-атинскихъ высотъ, почему его и нельзя было предоставить собственнымъ силамъ. Но осторожность эта, какъ и построеніе боеваго порядка въ двѣ линіи съ резервомъ, оказалась напрасною.

Въ началѣ шестаго часа, значки нашихъ войскъ развѣвались у «муллушки» св. Чапана; въ то же время прекратились и послѣдніе выстрѣлы.

Командующій войсками, сперва слѣдовавшій за лѣвымъ флангомъ, видя разсѣяніе непріятеля, направился къ войскамъ праваго фланга. Лошади наши глубоко завязали въ топяхъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ грязи. Арыки попадались чуть не на каждомъ шагу; переѣздъ чрезъ каждый арыкъ былъ мучителенъ для лошадей. Лошадь сдѣлаетъ скачекъ и завязнетъ по колѣна, или упадетъ и опрокинется.

Проѣздъ по высотамъ обнаружилъ, какъ мало вреда причинили наши выстрѣлы непріятелю. Трупы убитыхъ попадались довольно рѣдко. За то сабли, ружья, чалмы и красныя куртки встрѣчались чуть не на каждомъ шагу.

Громкое «ура» привѣтствовало командующаго войсками, когда онъ подъѣхалъ къ войскамъ праваго фланга, выстроившимся вокругъ «муллушки» св. Чапана (*).

Поздравивъ войска праваго франга съ побѣдой и приказавъ стянуть ихъ къ опушкѣ садовъ Самарканда, командующій войсками поѣхалъ на лѣвый флангъ.

На протяженіи почти $2^1/_2$ верстъ валялись ружья, сабли, чалмы и куртки; попалось, быть можетъ, съ десятокъ лошадиныхъ труповъ, да десятка съ два человѣческихъ.

На лѣвомъ флангѣ обстановка была нѣсколько разнообразнѣе: большая палатка Ширъ-Али-бека и до тридцати другихъ разноцвѣтныхъ палатокъ съ обычнымъ комфортомъ зажиточныхъ бухарцевъ: одѣялами, подушками, коврами, самоварами, чайниками, кальяномъ, лепешками, изюмомъ, урюкомъ и фисташками, свидѣтельствовали о томъ, что беки, размышляя объ оборонѣ высотъ, не забывали о покоѣ и удобствахъ военной стоянки; а множество книгъ корана слу-

(*) Въ началѣ шестаго часа, на вершинѣ высотъ палъ послѣдній изъ бухарцевъ, оборонявшихъ высоты. Фанатикъ забрался въ муллушку св. Чапана и, несмотря на отступленіе бухарцевъ, не рѣшился оставить муллушки. Когда рота девятаго и стрѣлковаго баталіоновъ и авганцы подошли къ муллушкѣ, и генералъ Головачевъ водрузилъ тамъ свой значекъ, въ муллушку вошелъ начальникъ джигитовъ, капитанъ баронъ фонъ Ренне, съ цѣлью осмотрѣть ее внутри. Увидѣвъ тамъ безоружнаго сарта, баронъ Ренне, желая поставить его въ болѣе безопасное положеніе, сказалъ ему на туземномъ нарѣчіи: „поди сюда, любезный“; но прежде чѣмъ баронъ Ренне успѣлъ выговорить эти слова, фанатикъ швырнулъ въ него камнемъ и, сдѣлавъ промахъ, бросилъ еще лампадой, которая попала въ лицо барона Ренне. Облитый масломъ лампады, баронъ Ренне выскочилъ изъ муллушки, въ которую тотчасъ бросились солдаты. Фанатикъ палъ подъ ударами штыковъ.

жили доказательствомъ ихъ усердія къ развитію въ войскахъ фанатизма.

Возлѣ палатокъ лежали кучи халатовъ, галошъ и чиговъ, джинушки и ячменя, а въ первой изъ улицъ, входившихъ въ сады, оказался цѣлый базаръ разнородныхъ предметовъ пищи, одежды и лакомства.

По всему этому надо думать, что непріятель, до послѣдней минуты, не расчитывалъ быть побѣжденнымъ.

Поздравивъ съ побѣдой войска лѣваго фланга, командующій войсками приказалъ расположить отрядъ на ночлегъ. Обозъ съ своимъ прикрытіемъ остался до утра на мѣстѣ вагенбурга, такъ какъ, при наступившихъ сумеркахъ, было бы слишкомъ рисковано начинать переправу.

Закатившееся за горами солнце не дало намъ возможности посмотрѣть въ этотъ день на Самаркандъ.

Потеря наша заключалась: въ двухъ убитыхъ, 31 раненыхъ и семи контуженныхъ.

Рота авганцевъ, дѣйствовавшая наряду съ 3-мъ баталіономъ и ротами стрѣлковаго, также имѣла потерю, но, несмотря на то, увеличилась въ своемъ составѣ: къ ней присоединились авганцы, передавшіеся съ бухарской стороны.

Едва къ девяти часамъ вечера, когда знойный день смѣнила сырая и холодная ночь, усталый отрядъ расположился на ночлегъ на указанныхъ мѣстахъ. Такъ какъ обозъ остался назади, то накормить людей было нечѣмъ.

При неимѣніи палатокъ, людямъ пришлось спать на сырой травѣ, въ мокрыхъ рубахахъ, подъ мокрыми шинелями, а тѣ, кто, во время атаки высотъ, не имѣя силъ нести на себѣ шинели, побросали ихъ, лишены были даже и этого сыраго покрывала.

Раненыхъ размѣстили кое-какъ въ сакляхъ, которыя, по счастію, оказались въ ближайшихъ садахъ; но, при неимѣніи походнаго лазарета съ необходимымъ запасомъ лазаретныхъ вещей, ихъ пришлось укрывать также мокрыми шинелями.

Припоминая обстоятельства дѣла 1-го мая, нельзя не придти къ заключенію, что командующій войсками воспользовался желаніемъ непріятеля, переговорами задержать насъ на пути къ Зарявшану, чтобы, во-первыхъ, усилить свою, безъ того крѣпкую, позицію глубокимъ наводненіемъ; во-вторыхъ, успѣть соединиться съ шагризябсами; въ третьихъ, поднять духъ своихъ войскъ указаніемъ на нашу слабость, какъ на единственную причину нерѣшительности движенія. Во-первыхъ, командующій войсками выигралъ время, необходимое для того, чтобы отрядъ нашъ успѣлъ выстроиться въ боевой порядокъ, а обозъ въ вагенбургъ; во-вторыхъ, рѣшился атаковать крѣпчайшую позицію, сплошь покрытую массами непріятеля, несмотря на усталость войскъ, едва сохранявшихъ силы для того, чтобы только двигаться, и неимѣвшихъ силъ, необходимыхъ для мѣткой пальбы (*).

Затѣмъ, при малочисленности нашего отряда, при свойствахъ мѣстности, препятствовавшей артилеріи участвовать въ атакѣ наравнѣ съ пѣхотою, по нашему крайнему разумѣнію, не слѣдовало начинать атаку съ дальняго разстоянія, не обстрѣлявъ достаточно бухарцевъ ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ.

При движеніи впередъ для атаки трехверстной непріятельской позиціи со стороны центра и праваго фланга, причемъ также былъ атакованъ и лѣвый флангъ бухарцевъ, непріятель, испуганный смѣлостію нашего движенія, отступилъ; но потеря была слишкомъ незначительна для того, чтобы онъ почувствовалъ пораженіе.

Ничтожное количество труповъ, оставшихся на высотахъ, лучшее доказательство тому, что, при слабомъ огнѣ усталой пѣхоты и быстротѣ ея движенія, небольшому числу дѣйствовавшихъ орудій некогда было хорошенько обстрѣлять непріятельскія массы, которыя возможно было бить почти безъ промаха. Малое число артилерійскихъ спарядовъ, выпущенныхъ въ этомъ дѣлѣ, служитъ также тому доказательствомъ. Первоначальное разстояніе, съ котораго пѣхота наша открыла пальбу, было лишь на лѣвомъ флангѣ не болѣе дальности выстрѣловъ нашего ружья; на правомъ же флангѣ пѣхота наша вовсе лишена была возможности наносить бухарцамъ вредъ выстрѣлами, потому что стояла далѣе досягаемости нашего ружейнаго огня.

Когда войска были поведены въ атаку, они съ мѣста бросились въ штыки, не останавливаясь для того, чтобы обстрѣлять непріятеля; одна цѣпь стрѣлковъ поддерживала непроизводительную пальбу.

(*) Выше мы упомянули, что усталость была такъ велика, что солдаты стрѣляли съ плечъ впереди идущихъ товарищей. Чтобы дать полное понятіе о степени усталости солдатъ, приведемъ разсказъ Искандеръ-хана, который съ любопытствомъ наблюдалъ за нашими солдатами во все время дѣла. Онъ говоритъ: „Слѣдуя во второй линіи, я посмотрѣлъ на одного солдата третьяго баталіона, который, не будучи въ состояніи двигаться (хотя это было подъ перекрестнымъ огнемъ), легъ на спину и поднялъ къ верху ноги. Солдатъ, замѣтивъ, что я на него пристально смотрю, думалъ, что я плохо о немъ думаю.—„Эй, тамыръ! крикнулъ солдатъ: айда впередъ! я не трусъ, я сейчасъ побѣгу“. И вслѣдъ затѣмъ солдатъ вскочилъ на ноги и побѣжалъ догонять свою роту“.

Артилерія осталась назади и перестала стрѣлять, закрытая ротами пѣхоты. Едва два орудія слѣдовали вблизи ротныхъ колонъ.

Несмотря на огромныя скопища непріятеля и большое число орудій, потеря наша была невелика. Огонь непріятельской артилеріи въ состояніи былъ вывести изъ строя только шесть человѣкъ.

Ружейный огонь съ разстоянія 300 шаговъ былъ дѣйствителенъ, и вывелъ въ нѣсколько минутъ, пока наши роты пробѣжали 200 шаговъ обстрѣливаемаго бухарцами пространства, 30 человѣкъ. Сабельныхъ удара нанесено было только два.

Вотъ данныя, для опредѣленія силы сопротивленія непріятеля въ дѣлѣ 1-го мая и степени трудности овладѣнія малодоступными высотами его позиціи.

Всѣ были убѣждены, что непріятель отступилъ въ городъ: слабое сопротивленіе, оказанное имъ въ дѣлѣ 1-го мая, давало поводъ думать, что онъ бережетъ свои силы для энергической обороны священной столицы Тамерлана.

Каково же было удивленіе, когда, на разсвѣтѣ 2-го мая, къ командующему войсками явились старшіе представители духовенства и администраціи города Самарканда съ просьбою: принять городъ подъ свое покровительство и затѣмъ въ подданство «Бѣлаго Царя». Каты-аминъ, глава аксакаловъ, объявилъ командующему войсками, что жители Самарканда, страдая отъ своеволія эмировыхъ бековъ и отъ деспотизма развратнаго эмира, съ радостію ожидаютъ прихода русскихъ, на которыхъ смотрятъ какъ на своихъ избавителей; и потому, когда разбитыя войска эмира направились въ городъ, жители заперли ворота и не пустили ихъ, расчитывая, что великодушный побѣдитель не откажется защитить ихъ и приметъ подъ свое покровительство. Глава самаркандскаго духовенства прибавилъ, что духовенство, съ своей стороны, проситъ защитить городъ, которому теперь угрожаетъ страшная месть эмира, еще такъ недавно казнившаго 300 духовныхъ лицъ, справедливо укорявшихъ его въ беззаконіи и развратѣ; что духовенство города Самарканда будетъ молить Бога какъ о дарованіи побѣды и славы русскому оружію, дѣйствующему на защиту угнетенныхъ, такъ и о дарованіи здоровья и благополучія великому Бѣлому Царю, если онъ не откажется принять ихъ въ число своихъ подданныхъ.

Эта неожиданная просьба, съ такимъ категорическимъ порицаніемъ дѣйствій главы азіятскихъ мусульманъ, казалась столь неправдоподобною, что трудно было угадать, для чего явились эти люди: съ искреннимъ ли намѣреніемъ сдать городъ, или для того, чтобы

вовлечь нашъ отрядъ въ какое-нибудь столкновеніе на выгодной для непріятеля мѣстности.

Командующій войсками, выразивъ согласіе на принятіе Самарканда подъ покровительство, послалъ часть депутаціи въ городъ съ предложеніемъ, чтобы духовенство, аксакалы и почетные люди всѣхъ племенъ, населяющихъ Самаркандъ, собрались впереди ближайшихъ городскихъ воротъ для встрѣчи войскъ по русскому обычаю. Глава духовенства, Казы-келянъ, и старшій аксакалъ, Каты-аминь, были оставлены въ лагерѣ для сопровожденія отряда.

Часовъ въ семь утра, когда командующій войсками оканчивалъ осмотръ раненыхъ и пробу только что приготовленной въ нѣкоторыхъ ротахъ пищи, изъ Самарканда прискакали два аксакала съ новою просьбою поспѣшить вступленіемъ въ Самаркандъ, такъ какъ къ полудню онъ можетъ быть занятъ 20,000 шагризябсевъ, приближавшихся къ городу съ южной стороны, гдѣ они ночевали, не вдалекѣ отъ подошвы хребта Самаркандъ-тау.

Командующій войсками приказалъ ударить тревогу, и менѣе чѣмъ черезъ полчаса авангардъ, въ составѣ девяти ротъ 3-го, 9-го и стрѣлковаго баталіоновъ, четырехъ нарѣзныхъ орудій и сотни казаковъ, вытянулся по дорогѣ къ Самарканду. 5-й и 4-й баталіоны, батарейная батарея, казаки и конный дивизіонъ, подъ начальствомъ полковника Абрамова, остались на высотахъ, въ ожиданіи прибытія обоза и соединенія съ аріергардомъ.

Пройдя версты полторы по дорогѣ, пролегающей по скатамъ чапанъ-атинскихъ высотъ, авангардъ вошелъ въ сады и слѣдовалъ на протяженіи двухъ верстъ, между высокихъ стѣнъ, по углубленной дорогѣ, извивающейся на пересѣченной мѣстности, съ такими выгодными закрытіями, что въ нихъ могли помѣститься всѣ бухарскія скопища, занимавшія наканунѣ высоты, и встрѣтить нашъ авангардъ убійственнымъ огнемъ, не подвергаясь съ нашей стороны ни малѣйшему вреду.

Оцѣнивая по достоинству силу мѣстности, какъ-то не вѣрилось, чтобы она не скрывала въ себѣ непріятеля.

Выйдя изъ садовъ, двѣ роты стрѣлковаго баталіона бѣглымъ шагомъ пробѣжали поляну, раздѣлявшую сады отъ города. Третья рота заняла ворота Шейхъ-Зинде; вторая слѣдовала дальше. Полувзводъ стрѣлковъ третьей роты быстро выстроился на вершинѣ воротъ Шейхъ-Зинде, и когда генералъ Кауфманъ приблизился къ воротамъ, то привѣтствовалъ его громкимъ и дружнымъ «ура!»

Аксакалы и старѣйшины священнаго города, стоявшіе по сторо-

намъ этихъ воротъ, давъ ницъ, поднесли побѣдителю хлѣбъ-соль и повторили просьбу Казы-келяна и Каты-амиия о принятіи города въ подданство Бѣлаго Царя.

Путь отъ воротъ Шейхъ-Зинде, черезъ базаръ, до самаркандскихъ воротъ цитадели, былъ уставленъ по сторонамъ самаркандцами, встрѣчавшими командующаго войсками съ такою непритворною радостію, что можно было думать, что мы вступаемъ въ городъ, давнымъ давно бывшій въ семьѣ городовъ нашего отечества и теперь снова въ нее вступившій. Старъ и младъ низко кланялись, привѣтливо глядѣли и дружелюбное «аманъ» слышалось безпрерывно со всѣхъ сторонъ.

Подъѣхавъ къ самаркандскимъ воротамъ цитадели, командующій войсками былъ снова встрѣченъ дружнымъ «ура» стрѣлковъ, поставленныхъ на вершинѣ воротъ.

Цитадель была пуста; на всемъ пути, до дворца эмира, не было ни души.

Третье «ура» привѣтствовало командующаго войсками у трона Тамерлана....

Такимъ образомъ, древнѣйшій и знаменитѣйшій городъ Средней Азіи, центръ мусульманства, Самаркандъ, гордый своею историческою славою, отворилъ ворота храбрымъ и честнымъ нашимъ войскамъ.

Бухарскія силы бѣжали. Тронъ Тамерлана былъ самымъ замѣчательнымъ изъ нашихъ трофеевъ. Кромѣ двадцати одного орудія, взятыхъ на высотахъ, въ цитадели найдено еще два орудія и большое количество снарядовъ, а также патроновъ и пороха (*).

Тронъ Тамерлана оказался правильно обтесаннымъ кускомъ бѣлаго мрамора съ синими прожилками. На немъ, со временъ Тамерлана, возсѣдали повелители правовѣрныхъ при восшествіи на престолъ.

Дворецъ эмира былъ обобранъ до чиста; кромѣ глиняныхъ тазовъ, да оконныхъ рамъ съ разбитыми зеркальными стеклами и нѣсколькихъ табуретовъ и скамеекъ, въ немъ не нашлось ничего.

Къ вечеру прибылъ въ городъ полковникъ Абрамовъ, съ главными силами и съ аріергардомъ, которыя, вмѣстѣ съ 9-мъ баталіономъ, были расположены на открытой площади за городомъ, по бухарской дорогѣ, впереди бухарскихъ воротъ цитадели.

(*) Число снарядовъ: ядеръ 12 ф. рускихъ 4, 12 ф., бухарскихъ 3,152, 36 ф. 21, 6 ф. 40, 4, 3-хъ и 2-хъ фунтовыхъ фальконетныхъ ядеръ 530, гранатъ 1/4 пуд. рускихъ 3, 1/2 пуд. бухарскихъ 506, бомбъ 1 пуд. 4, 8 пуд. 20, картечныхъ пуль 9,700, зарядовъ въ 5/4 ф. 162, въ 5 ф. 56, патроновъ ружейныхъ 30,768, пороху 101 пудъ.

Въ цитадели размѣщены были 3-й баталіонъ, четыре нарѣзныхъ орудія, сотня казаковъ и рота авганцевъ.

Командующій войсками, штабъ и военный губернаторъ расположились въ ханскомъ дворцѣ эмира.

Обозъ прибывалъ медленно; часть его присоединилась къ отряду едва 3-го числа, вечеромъ.

Полагая, что отступленіе бухарскихъ войскъ и занятіе Самарканда образумятъ Сеидъ-Музафара, командующій войсками, приостановивъ дальнѣйшее движеніе войскъ впередъ, послалъ эмиру письмо, въ которомъ предлагалъ Бухарѣ миръ на прежнихъ условіяхъ, но съ добавленіемъ требованія объ уступкѣ территоріи самаркандскаго бекства, уплаты издержекъ похода, признанія за Россіей всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ предѣлахъ Бухарскаго Ханства, съ 1865 года.

Въ ожиданіи же отвѣта отъ эмира, жителямъ окрестныхъ мѣстъ, входившимъ въ раіонъ самаркандскаго бекства, были разосланы прокламаціи, гарантировавшія полнѣйшую безопасность и покой всѣмъ, кто изъявитъ покорность. Жители охотно повиновались. Отъ всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ, ежедневно съ утра до вечера, стали являться къ командующему войсками депутаціи съ дарами и съ изъявленіемъ покорности. Каждая депутація, по мѣстному обычаю, предлагала въ даръ: корову, корзину яицъ, кусокъ соли и нѣсколько лепешекъ. Командующій войсками отдаривалъ представителей депутаціи халатами бархатными и шелковыми, смотря по значенію и достоинству каждаго изъ депутатовъ.

3-го числа былъ большой пріемъ представителей свѣтской и духовной администраціи города Самарканда. Духовенство и аксакалы благодарили командующаго войсками за милостивое принятіе города подъ защиту Бѣлаго Царя, за доброту войскъ, необнаруживавшихъ вражды; обѣщали внушать народу чувства благодарности и преданности Акъ-пашѣ, прося, при этомъ, объ освобожденіи жителей отъ натуральныхъ повинностей, и въ особенности отъ военной службы. Командующій войсками, одаривъ всѣхъ аксакаловъ и муллъ халатами, наиболѣе вліятельнымъ лицамъ роздалъ, отъ имени Государя, серебряныя медали. Первая медаль была предложена Казы-келяну, участвовавшему въ депутаціи, явившейся наканунѣ въ лагерь, съ просьбою о занятіи города. Казы-келянъ сконфузился, сталъ благодарить за честь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и извиняться, что не можетъ принять медали, а тѣмъ болѣе носить ее, потому что народъ будетъ на него показывать пальцами, какъ на отступника отъ предписаній корана.

— «Таксыръ», сказалъ онъ, наконецъ, командующему войсками, «прикажи мнѣ снять голову, но избавь отъ медали!

— «Хорошо», отвѣчалъ ему командующій войсками, «я разрѣшаю тебѣ не носить медали на халатѣ, снаружи; но я хочу, чтобы ты оставилъ ее у себя и носилъ на сердцѣ, сохраняя въ памяти портретъ великодушнаго добраго Бѣлаго Царя, въ державѣ котораго находятъ благоденствіе много милліоновъ мусульманъ; который никому не отказываетъ въ защитѣ, въ покровительствѣ, въ правѣ сохранять свою вѣру и исполнять свои религіозные обычаи. Не самъ ли ты еще такъ недавно просилъ меня принять и Самаркандъ подъ защиту Бѣлаго Царя?»

Послѣ этого Казы-келянъ просилъ дать ему медаль, сказавъ, что онъ всегда будетъ носить ее на сердцѣ.

Всѣ другіе приняли медали съ благодарностію и радостію, и всегда представлялись командующему войсками въ медаляхъ.

Казы-келянъ, при всякомъ представленіи, показывалъ командующему войсками свою медаль, вынимая ее изъ маленькаго кармана, пришитаго противъ сердца на бешметѣ.

Довѣріе къ нашей силѣ было полное.

Народъ ежедневно стекался въ городъ изъ садовъ, куда, при извѣстіи о нашемъ движеніи, удалились семейства самаркандцевъ со всѣмъ своимъ имуществомъ. 3-го числа, возлѣ самаго лагеря, сарты открыли уже базаръ. 4-го числа, всѣ лавки въ городѣ были открыты и жизнь приняла свой обычный ходъ.

Болѣе всѣхъ радовались нашему вступленію въ Самаркандъ евреи и иранцы. Евреи толпами приходили въ цитадель, чтобы выразить чувства радости и благодарности. Солдаты, съ своей стороны, особенно дружелюбно относились къ евреямъ. Встрѣтивъ еврея, солдатикъ останавливалъ его и, взявъ за веревку, которой они обыкновенно подпоясываются въ бухарскихъ владѣніяхъ, говорилъ: «чтожь ты не снимаешь веревки, не надѣваешь ичиговъ и новаго халата; вѣдь теперь ты это можешь». Когда кто-либо изъ русскихъ проѣзжалъ по еврейскому кварталу, евреи выходили на улицу и привѣтствіямъ не было конца. Дѣти ихъ встрѣчали проѣзжихъ русскимъ «здравствуй».

Казалось, все шло отлично. Побѣда, одержанная на самаркандскихъ высотахъ, была торжествомъ и выраженіемъ силы нашего оружія, предъ которымъ отступили многочисленныя силы бухарцевъ, прежде чѣмъ рѣшились вступить въ рукопашный бой. Сдача Самарканда была торжествомъ и выраженіемъ сознанія азіятцевъ превосходства нашей цивилизаціи, которой они выразили добровольное желаніе сдѣлаться соучастниками.

Со всѣхъ сторонъ, депутаты отъ народа спѣшили въ ханскій дворецъ съ изъявленіемъ покорности; войска имѣли время предаться отдыху, были внѣ всякой необходимости приводить населеніе только что занятаго знаменитаго бекства въ повиновеніе. Никто не сомнѣвался, что экспедиція кончена однимъ молодецкимъ ударомъ въ штыки, однимъ сильнымъ движеніемъ на неприступныя высоты Св. Чапынъ-ата.

Командующій войсками былъ весьма доволенъ поведеніемъ войскъ, и 4-го числа отдалъ по войскамъ дѣйствовавшаго отряда слѣдующій приказъ:

«Войска, собранныя для дѣйствій въ бухарскихъ предѣлахъ! Внезапно поднялись вы съ своихъ квартиръ, быстро собрались въ Ключевомъ и Яны-курганѣ. Вы были веселы; у васъ былъ порядокъ; я любовался вами.

«Отъ Яны-Кургана, въ два дня, прошли вы почти 70 верстъ.

«На самаркандскихъ высотахъ, непріятель хотѣлъ запереть вамъ дорогу. Сильна была его позиція; но васъ она не остановила. Подъ перекрестнымъ огнемъ непріятели, прошли вы болото и молодецки бросились на высоты. Непріятель бѣжалъ, оставивъ въ вашихъ рукахъ 21 орудіе.

«Окруживъ васъ со всѣхъ сторонъ, непріятель пытался нанести вамъ вредъ въ обозѣ; но и тутъ встрѣтилъ дружный отпоръ.

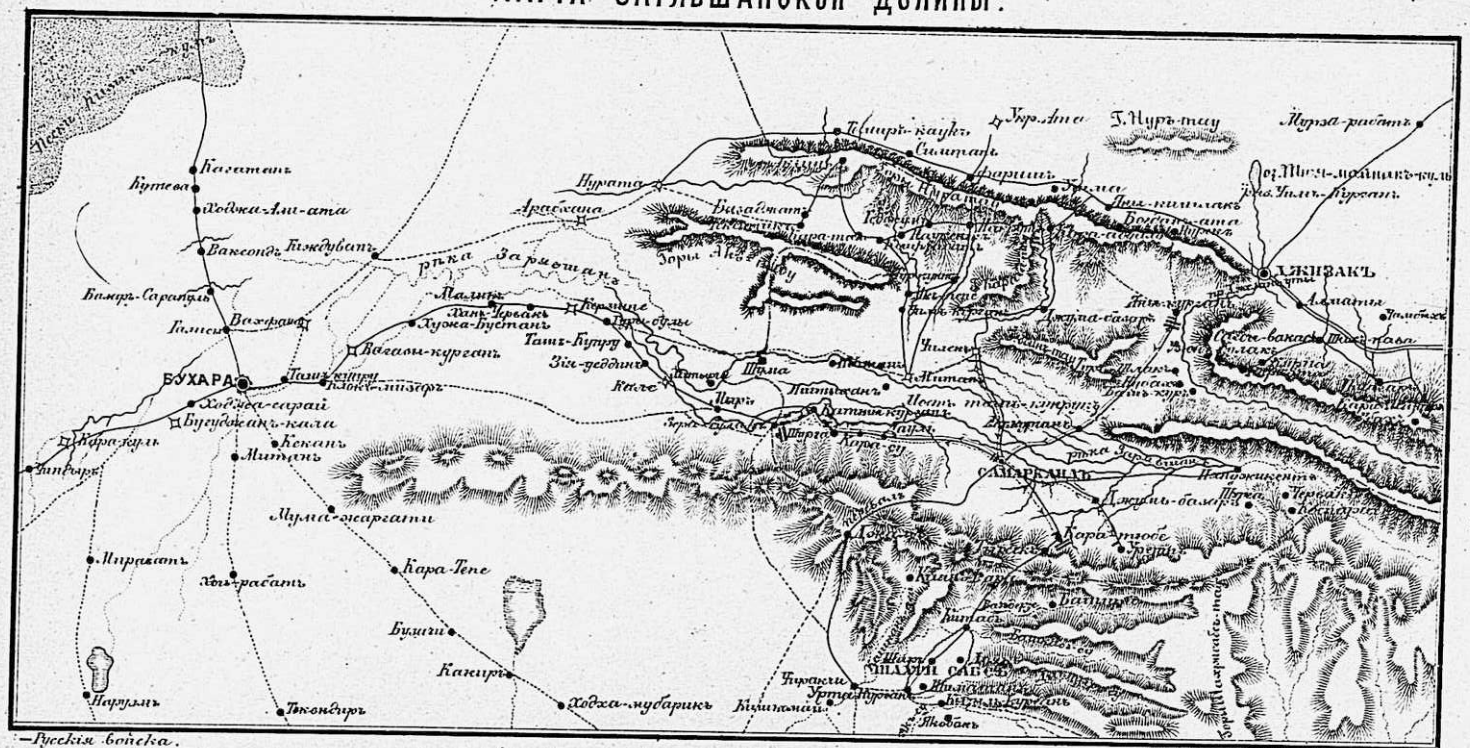
«На другой день, Самаркандъ отворилъ вамъ ворота. Вы видѣли, съ какою радостью и съ какимъ довѣріемъ встрѣчалъ васъ народъ на улицахъ. Ваша сила, ваша честь побѣдила гордыхъ мусульманъ, и они, безъ выстрѣла, отдали знаменитѣйшій свой городъ.

«Спасибо вамъ, отъ мала до велика! Вы вели себя такъ, какъ я ожидалъ; свято и честно исполнили вы долгъ и присягу Государю Императору. Съ такими войсками, какъ вы, вездѣ побѣда и торжество. Ура! вамъ, молодецкія войска!»

Генеральнаю штаба подполковникъ **М. Лыко.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

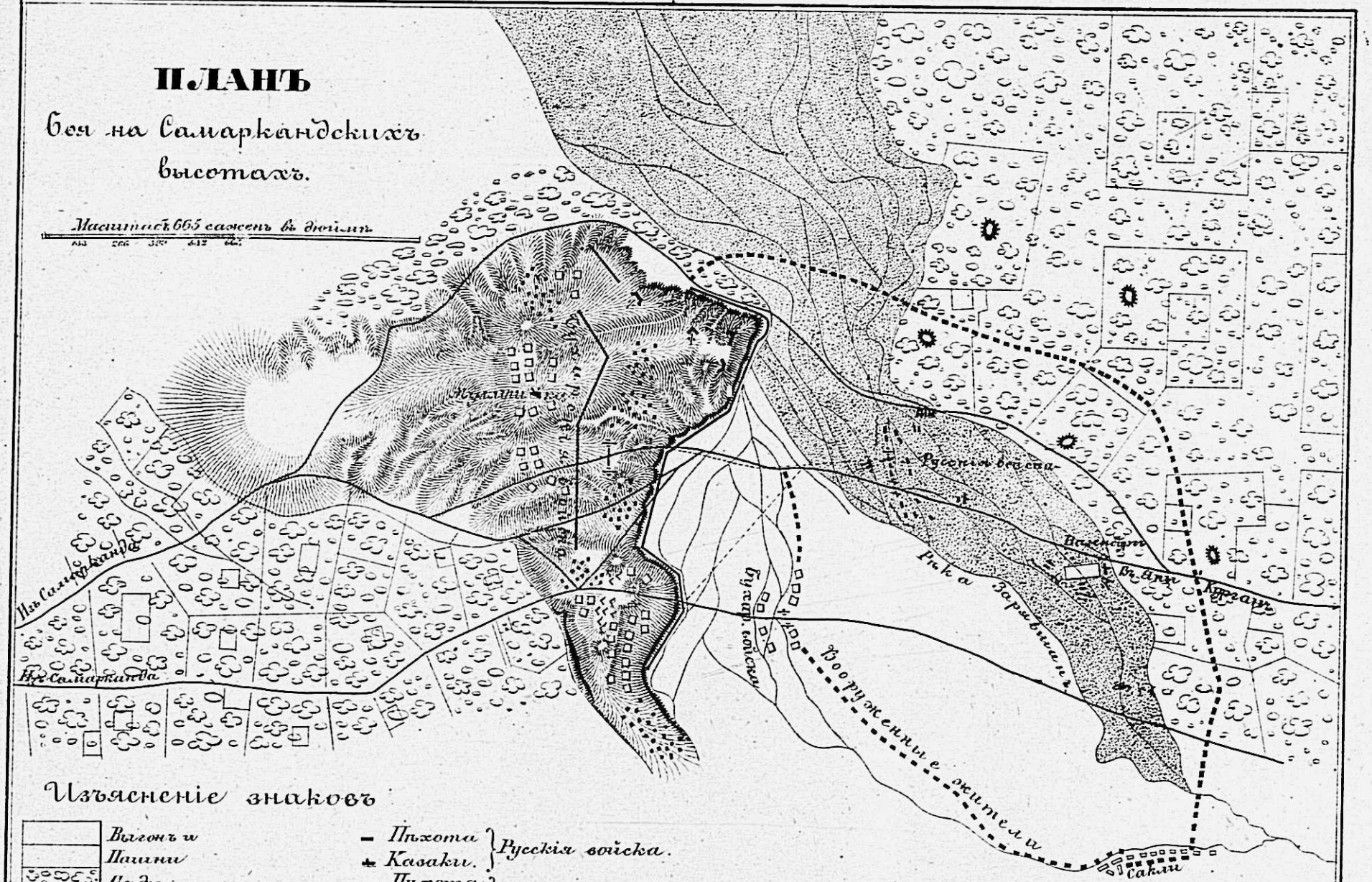
КАРТА ЗАРЯВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ.

ПЛАНЪ

боя на Самаркандскихъ высотахъ.

Масштабъ 665 саженъ въ дюймѣ

Изъясненіе знаковъ

- Выгонъ и Пашни
- Сады
- Древесно-каменистая
- Арыки канавы
- Дороги
- Пѣхота } Русскія войска.
- Казаки }
- Пѣхота } Бухарскія войска.
- Кавалерія }
- Вооруженные жители.

ЛИТ А. СТЕПАНОВА В. МЕЩ Д. № 14.

ВОЕННЫЙ

175-5-1

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

№ 7

ІЮЛЬ

1871

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8-го марта 1862 года, журналы правительственныхъ учрежденій изъяты отъ разсмотрѣнія общей цензуры, почему „Военный Сборникъ“ издается г. редакторомъ онаго подъ личною его отвѣтственностію и наблюденіемъ Военнаго Министерства.

С.-Петербургъ, 30-го іюня 1871 года.

Главный редакторъ „Военнаго Сборника“,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ **Меньковъ**.

В-39-59976.

I.

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ 1868 ГОДА

ВЪ ЗАРЯВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ

(Продолженіе.) (*)

III.

Утомленіе войскъ.—Невыгоды неимѣнія палатокъ.— Болѣзненность. — Движеніе къ Чилеку.—Дѣло 12-го мая; взятіе Ургута.—Переговоры.—Атака. — Положеніе дѣлъ въ половинѣ мая.—Осмотръ цитадели; распоряженія по приведенію ея въ оборонительное состояніе.— Движеніе къ Ката-Кургану. — Ката-Курганъ, сдача его и вступленіе туда нашихъ войскъ.—Положеніе дѣлъ послѣ занятія Ката-Кургана.— Движеніе подполковника Назарова къ Кошъ-Купрюку.—Поѣздка командующаго войсками въ Ката-Курганъ. — Посольство отъ эмира. — Переговоры. — Заключеніе мнимаго мира.—Тревога.—Нападеніе партіи Садыка. — Извѣстіе о сборѣ шагрисябсевъ у Кара-Тюбе.—Поспѣшный отъѣздъ командующаго войсками въ Самаркандъ.—Признаки плана эмира.— Распоряженія командующаго войсками. — Признаки настроенія умовъ въ Самаркандѣ. — Жалобы евреевъ. — Гвалтъ въ еврейскомъ кварталѣ.—Отправленіе полковника Абрамова въ Кара-Тюбе.—Дѣло 27-го мая. — Дѣло въ садахъ въ Самаркандѣ. — 27-го и 28-го мая въ Самаркандѣ. — Выѣздъ командующаго войсками навстрѣчу кара-тюбинскаго отряда — Взглядъ на дѣло при Кара-Тюбе.—Его результаты. — Значеніе цитадели г. Самарканда и ходъ оборонительныхъ работъ.—Извѣстіе изъ Ката-Кургана. — Дѣло 27-го мая въ Ката-Курганѣ.

Войска были сильно утомлены и нуждались въ отдыхѣ. Съ полудня 2-го мая начались дожди; температура воздуха понизилась, почва размокла, грязь сдѣлалась глубокая. Въ этой-то грязи, подъ открытымъ небомъ, стоялъ лагеремъ нашъ отрядъ.

(*) См «Военный Сборникъ» №№ 5 и 6.

9-й баталіонъ, который, во время дѣла 1-го мая, оставилъ свои шинели на берегу Зарявшана, первые два дня не имѣлъ чѣмъ укрыться отъ дождя. Больные и раненые, въ первые дни, также мокли на открытомъ воздухѣ.

Два усиленныхъ перехода въ знойные дни, въ связи съ чрезмѣрною усталостію войскъ 1-го мая, два дня и три ночи, проведенные въ лагерѣ подъ дождемъ при рѣзкомъ вѣтрѣ, все это вызвало въ отрядѣ сильную болѣзненность. У большей части людей, имѣвшихъ осенью 1867 года и весною 1868 года горячку, сдѣлался возвратъ. Начиная съ 3-го числа, среднимъ числомъ, заболѣвало по 50 человѣкъ въ день.

Къ 5-му мая, въ отрядѣ было 650 человѣкъ больныхъ, не считая слабыхъ, пожелавшихъ отправиться въ лазаретъ. Никакая предусмотрительность не въ состояніи была предвидѣть такой громадной цифры больныхъ, и потому неудивительно, что въ отрядѣ, при неустройствѣ подвижнаго лазарета, не нашлось ни достаточнаго количества медикаментовъ, ни необходимаго числа медиковъ и фельдшеровъ, ни лазаретной прислуги, ни соотвѣтствующаго количества лазаретной одежды и предметовъ лазаретнаго хозяйства.

3-го мая одну изъ казармъ сарбазовъ приказано было приспособить къ помѣщенію больныхъ и раненыхъ, а 7-го мая лазаретъ былъ уже открытъ. На устройство этого лазарета было отпущено 5,000 рублей, на которые искупили и изготовили все наиболѣе необходимое изъ матеріяловъ, которые можно было достать на базарѣ Самарканда. Отъ каждаго баталіона назначено было по одному кашевару, по одному хлѣбопеку и по четыре рядовыхъ, въ составъ лазаретной прислуги.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ предупрежденія развитія болѣзненности и сохраненія здоровья людей, рѣшено было воздержаться отъ обремененія ихъ работами по приведенію цитадели въ оборонительное положеніе. Сверхъ того, приказано было искупить необходимое количество маты для изготовленія навѣсовъ-палатокъ (tentes-abris); во все время ненастной погоды выдавать нижнимъ чинамъ, ежедневно, по чаркѣ спирту и, уменьшивъ дачу сухарей, взамѣнъ того увеличить мясную порцію.

Совокупностью этихъ мѣръ удалось нѣсколько сохранить здоровье людей. Поддержанію здоровья людей немало способствовало также открытіе сартами и евреями базара у самаго лагеря, гдѣ солдаты за дешевую цѣну могли покупать чай и пильмени.

Изъ городовъ самаркандскаго раіона, только полунезависимые

Чилекъ и *Ургутъ* не прислали депутаціи. Между тѣмъ, Чилекъ съ осени 1867 года былъ гнѣздомъ, откуда Омаръ-бекъ высылалъ безпрестанно шайки, производившія поборы съ жителей джизакскаго раіона, возстанавляя ихъ противъ нашей администраціи. Положеніе Чилека вблизи дороги изъ Самарканда въ Яны-Курганъ дѣлало этотъ укѣпленный городъ пунктомъ опаснымъ для нашего единственнаго сообщенія съ Яны-Курганомъ, если тамъ останется бухарскій гарнизонъ.

Ургутъ имѣлъ также свое особое значеніе. Этотъ укрѣпленный городъ, расположенный въ лощинѣ, чрезъ которую направляется переходъ черезъ Самаркандъ-Тау въ долину Шагрисябса, былъ опасенъ по своему фланговому положенію, при дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ въ долину Зарявшана, къ сторонѣ Бухары.

Командующій войсками, въ видахъ вящщаго упроченія нашего положенія въ долинѣ Зарявшана, счелъ необходимымъ овладѣть этими двумя непокорными городами.

6-го числа, отрядъ, подъ начальствомъ маіора фонъ-Штемпеля, (шесть ротъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ, ракетный дивизіонъ и дивизіонъ нарѣзной батареи) получилъ приказаніе двинуться къ Чилеку для овладѣнія имъ и для разрушенія его укрѣпленій, если жители его не исполнятъ предъявленныхъ имъ требованій и не изъявятъ покорности.

Но отрядъ маіора фонъ-Штемпеля, придя, вечеромъ 6-го числа, въ Чилекъ, нашелъ его оставленнымъ какъ гарнизономъ, такъ и жителями. Вслѣдствіе этого, Штемпель, разрушивъ цитадель и казармы сарбазовъ и давъ людямъ необходимый отдыхъ, 7-го числа возвратился въ Самаркандъ.

Между тѣмъ, 8-го числа, подошли въ Самаркандъ стрѣлковая рота 1-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, 2-я рота Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона и съ ними артилерійскій паркъ. Войска пополнили израсходованные патроны и заряды; въ то же время былъ пополненъ и сухарный запасъ. Возможность заготовленія провіянта на мѣстѣ уничтожила необходимость интендантскаго обоза и дала средства продовольствовать войска печенымъ хлѣбомъ, что также немало способствовало поддержанію здоровья войскъ.

9-го мая въ лагерѣ было торжество. Послѣ молебна и парада, командующій войсками, при звукахъ музыки горнистовъ, раздавалъ войскамъ георгіевскіе кресты.

11-го мая полковникъ Абрамовъ, съ отрядомъ изъ шести ротъ

пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, ракетнаго дивизіона и дивизіона конно-облегченной батареи, двинулся къ Ургуту.

Ургутъ лежитъ въ лощинѣ, у подошвы горъ Самаркандъ-Тау, въ 32 верстахъ на юго-востокъ отъ Самарканда. Крѣпкая цитадель, обнесенная тремя прочными стѣнами, возвышающимися въ видѣ ярусовъ одна надъ другою, командуетъ городомъ и его окрестностями. При помощи этой цитадели, полунезависимые беки Ургута отбивали приступы войскъ эмира всякій разъ, когда недовольный чѣмъ-либо эмиръ посылалъ свои войска для наказанія жителей Ургута.

Вечеромъ 11-го числа, остановивъ отрядъ въ четырехъ верстахъ отъ города, полковникъ Абрамовъ отправилъ къ правителю Ургута, Гусейнъ-беку, письмо командующаго войсками, въ которомъ требовалась сдача Ургута и прибытіе въ Самаркандъ Гусейнъ-бека для изъявленія покорности. Вскорѣ въ лагерь прибылъ посланный отъ аксакаловъ съ изъявленіемъ безусловной покорности жителей русскому правительству и съ просьбою остановить дальнѣйшее движеніе отряда. Полковникъ Абрамовъ объявилъ посланному, что онъ не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ жителей Ургута; но что, исполняя волю командующаго войсками, онъ желаетъ видѣть Гусейнъ-бека и хочетъ убѣдить его пріѣхать въ Самаркандъ, для личныхъ объясненій съ командующимъ войсками и для установленія будущихъ отношеній жителей Ургута къ русской власти.

Едва этотъ посланный уѣхалъ, къ полковнику Абрамову явились трое новыхъ. Поздравивъ полковника Абрамова съ приходомъ, они спросили: какія угодно ему будутъ передать приказанія жителямъ Ургута? Полковникъ Абрамовъ повторилъ сказанное первому посланному и они уѣхали, обѣщавъ тотчасъ доставить отвѣтъ. Черезъ часъ посланные, дѣйствительно, возвратились и сообщили, что Гусейнъ-бекъ дастъ окончательный отвѣтъ вечеромъ слѣдующаго дня. На это полковникъ Абрамовъ сказалъ имъ, что онъ можетъ ждать только до утра. Посланные объявили, что если такъ, то Гусейнъ-бекъ будетъ и утромъ.

Между тѣмъ, Гусейнъ-бекъ, испуганный извѣстіемъ о движеніи нашего отряда, поспѣшно удалилъ изъ Ургута семейства всѣхъ жителей съ ихъ имуществомъ въ горы, оставивъ только однихъ вооруженныхъ людей, способныхъ оборонять городъ.

Въ ночь съ 11-го на 12-е число, улицы города и сады были усилены баррикадами и завалами, а стѣны садовъ приведены въ оборонительное положеніе. Расчитывая оттянуть время переговорами, Гусейнъ-бекъ посылалъ безпрерывно къ полковнику Абрамову но-

выхъ посланныхъ, а тѣмъ временемъ разставлялъ войска и жителей за баррикадами и завалами.

Часовъ около двѣнадцати ночи явились къ полковнику Абрамову еще трое посланныхъ, изъ которыхъ одинъ назвалъ себя Гусейнъ-бекомъ. Полковникъ Абрамовъ уже началъ съ нимъ говорить, какъ съ Гусейнъ-бекомъ; но дѣло скоро объяснилось и обманщики сознались во всемъ. Тогда, задержавъ двоихъ изъ нихъ въ лагерѣ, полковникъ Абрамовъ послалъ третьяго въ Ургутъ, приказавъ сказать Гусейнъ-беку, что если онъ не явится къ нему въ семь часовъ утра, то отрядъ двинется къ городу. Посланный возвратился въ пять часовъ утра и сообщилъ, что Гусейнъ-бекъ проситъ три дня срока. При этомъ посланный далъ замѣтить, что до сихъ поръ никто еще не бралъ Ургута, и что если русскіе захотятъ взять городъ силою, то еще неизвѣстно, чѣмъ дѣло окончится. Полковникъ Абрамовъ отпустилъ посланныхъ, сказавъ имъ, что онъ будетъ ждать Гусейнъ-бека до девяти часовъ утра, и что если къ тому времени Гусейнъ-бекъ не пріѣдетъ, то онъ овладѣетъ городомъ.

Когда разсвѣло, вокругъ лагеря нашего отряда виднѣлись непріятельскіе пикеты; въ тылу стояла большая партія конныхъ всадниковъ, а впереди, въ садахъ, большой лагерь пѣхоты и кавалеріи, въ которомъ, по временамъ, раздавались фальконетные выстрѣлы.

Въ девять часовъ отрядъ двинулся къ городу, но едва успѣлъ отойти съ версту, какъ долженъ былъ пріостановиться. Гусейнъ бекъ прислалъ письмо на имя командующаго войсками и просилъ не начинать дѣла до полученія отвѣта. Полковникъ Абрамовъ не принялъ письма и доставившимъ его посланнымъ приказалъ сказать Гусейнъ-беку, что если онъ черезъ полчаса не явится, то будетъ продолжать движеніе. Черезъ полчаса посланные возвратились, но на этотъ разъ объявили уже прямо, что Гусейнъ-бекъ не явится ни къ нему, ни къ командующему войсками, что теперь войска уже собраны и городъ готовъ къ оборонѣ. Отвѣтомъ было приказаніе строить боевой порядокъ.

Выстроивъ боевой порядокъ, отрядъ продолжалъ движеніе и вскорѣ вступилъ въ лощину. Версты за полторы отъ города, какъ только отрядъ втянулся въ лощину, противъ праваго фланга отряда стали заѣзжать толпы коннаго непріятеля. Одиночные всадники, выѣзжая впередъ, дѣлали выстрѣлы и снова удалялись въ толпы. Толпы конницы, маскировавшія расположеніе пѣхоты, разставленной за баррикадами и стѣнками садовъ, также начали безпокоить отрядъ выстрѣлами и подъѣздами съ фронта. Полковникъ Абрамовъ, остановивъ

войска, приказалъ дивизіону конно-облегченной батареи открыть пальбу.

Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ конно-облегченнаго дивизіона разогнали конныя толпы, и отрядъ, двинувшись впередъ, скоро подошелъ къ опушкѣ садовъ. Стѣны опушки были густо уставлены пѣхотою, вооруженною небольшимъ числомъ ружей, а на дорогѣ къ городу возвышался большой завалъ, занятый густыми массами пѣшаго непріятеля, вооруженнаго частію ружьями, частію батиками. Полковникъ Абрамовъ поручилъ маіору Гринпенбергу выбить непріятеля изъ опушки и атаковать завалъ, а есаулу Хорошхину, съ сотней уральскихъ казаковъ, приказалъ броситься на завалъ съ фланга. Конному дивизіону велѣно было открыть пальбу гранатами.

Давъ конному дивизіону время обстрѣлять непріятеля гранатами, маіоръ Гринпенбергъ двинулъ роты своего баталіона на завалъ.

Покровительствуемыя огнемъ артилеріи, роты баталіона Гринпенберга, несмотря на многочисленность непріятеля занимавшаго завалъ, молодецки бросились на завалъ, и послѣ непродолжительнаго, но упорнаго рукопашнаго боя батиками и айбалтами, заставили непріятеля отступить за слѣдующій завалъ. Маіоръ Гринпенбергъ и есаулъ Хорошхинъ, слѣдуя впереди своихъ частей, въ числѣ первыхъ получили раны, но не оставили своихъ мѣстъ и повели свои части дальше.

Завалы были устроены черезъ каждые 180 и 200 шаговъ. Непріятель оборонялся упорно; каждый завалъ удавалось брать не иначе, какъ послѣ рукопашнаго боя. Непріятель то отступалъ шагъ за шагомъ, то порывался переходить въ наступленіе, бросаясь въ батики и штыки на ротныя колоны съ фронта, въ то время какъ другая часть его, обѣжавъ садами, нападала съ тылу.

Аріергарду нерѣдко приходилось выбивать непріятеля изъ-за тѣхъ заваловъ, которые были имъ оставлены послѣ боя съ головными частями нашего отряда. Выбитый изъ садовъ, непріятель слабо защищался въ городѣ, несмотря на то, что улицы были загражденны сильными барикадами.

Въ три часа пополудни, городъ и цитадель были заняты; непріятель бѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ до 300 труповъ. Наша потеря въ этотъ день заключалась въ слѣдующемъ: убитыхъ нижнихъ чиновъ 1; раненыхъ: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 14; сверхъ того ушиблено 6 нижнихъ чиновъ. Изъ общаго числа раненыхъ и ушибленыхъ 16 ранъ нанесено саблями и батиками.

Разрушивъ цитадель и казармы сарбазовъ, полковникъ Абрамовъ, вечеромъ 13-го числа, возвратился въ Самаркандъ.

Командующій войсками, выѣхавъ навстрѣчу отряда Абрамова, привѣтствовалъ его словомъ благодарности. Ургутъ смирился; Гусейнъ-бекъ бѣжалъ въ Шагрисябсъ, а раисъ и каты-аминь, съ старѣйшими изъ аксакаловъ, утромъ 14-го числа, поднесли командующему войсками хлѣбъ-соль и изъявили безусловную покорность.

Однако положеніе наше было далеко не такое блестящее, какъ казалось сначала. Первоначальная увѣренность, что кампанія кончилась однимъ ударомъ, оказалась предположеніемъ. Миролюбіе командующаго войсками и его искреннее желаніе не увеличивать территорія Туркестанскаго Края, вызвавшее предложеніе противнику покончить войну принятіемъ снисходительныхъ условій мира, не было понято эмиромъ и не оцѣнено имъ по достоинству.

Получивъ извѣстіе о безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ азіятскихъ народовъ поступкѣ жителей Самарканда, отказавшихся защищать городъ и затворившихъ ворота передъ своими разбитыми, искавшими убѣжища, войсками, эмиръ въ пылу гнѣва приказалъ Ширъ-Алибію отрубить голову мирзѣ Галій-беку, пріѣхавшему изъ Самарканда съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, и избить всѣхъ жителей Самарканда, разрушивъ до основанія древнюю столицу Тамерлана. Онъ расчитывалъ, что шагрисябсы успѣютъ занять его прежде русскихъ.

Извѣстіе о добровольной сдачѣ Самарканда и о быстромъ вступленіи въ него нашихъ войскъ испугало эмира и произвело сильное впечатлѣніе на всю Среднюю Азію. Правовѣрные оплакивали потерю священнаго города. Эмиръ не могъ безъ слезъ вспомнить объ этой ужасной для него потерѣ. «Лучше бы Богъ лишилъ меня жизни, чѣмъ этого города», говорилъ онъ неразъ своимъ приближеннымъ.

Въ городахъ далекихъ отъ Самарканда, при извѣстіи о вступленіи въ него нашихъ войскъ, жители бросали дневныя работы и стремились въ мечети и на базары молиться и толковать о томъ, что будетъ послѣ.

Жители азіятскихъ городовъ привыкли видѣть у себя завоевателей; каждому городу часто случалось переходить отъ одного владыки къ другому, но, въ силу дѣйствовавшихъ до сихъ поръ обстоятельствъ, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, каждый городъ возвращался къ своему прежнему повелителю. Оттого въ жителяхъ занятыхъ нами городовъ, принадлежавшихъ Бухарѣ и Кокану, оставалось убѣжденіе, что они въ скоромъ времени снова сдѣлаются подвластными эмиру и хану. Всѣмъ было извѣстно, что

на недоступныхъ высотахъ Чапанъ-ата были сосредоточены огромныя силы; тамъ же было средоточіе и надеждъ всѣхъ правовѣрныхъ. Извѣстіе, что силы эти разбиты и священный городъ отворилъ ворота побѣдителю, разрушило всѣ надежды.

Успѣхъ казался блестящимъ, цѣль похода достигнутою, походъ оконченнымъ. Дѣйствительно, путь къ Бухару былъ открытъ; сопротивленіе можно было встрѣтить самое ничтожное; разбить отступившія съ самаркандскихъ высотъ войска эмира, если бы они попытались гдѣ-либо встрѣтить насъ на дорогѣ, было легко. Для этого было слишкомъ достаточно войскъ. Но трудность заключалась не въ томъ: надо было занять пройденное пространство, утвердиться въ немъ, обезпечить тылъ и фланги, а для этого средствъ не было.

Театръ военныхъ дѣйствій въ 1868 году непохожъ на тѣ мѣста Средней Азіи, по которымъ малочисленные отряды наши совершали свое побѣдное шествіе до сихъ поръ.

Долина Зарявшана — плодородная полоса земли, шириною отъ 40 до 50 верстъ и длиною около 250. Съ юга она ограничена отрогомъ Кашгаръ-Давана, Самаркандъ-Тау, высотою около 5,000 ф. надъ уровнемъ Зарявшана, а съ сѣвера прикрыта горами Акъ-Тау. Середина долины, верстъ на 15 по обѣ стороны Зарявшана, представляетъ непрерывную полосу садовъ и полей, щедро вознаграждающихъ трудъ земледѣльца. Вся долина по берегамъ Зарявшана и по скатамъ ограничивающихъ ея горъ густо заселена осѣдлымъ фанатическимъ населеніемъ, напуганнымъ разсказами объ ужаснѣйшемъ варварствѣ невѣрныхъ.

Для военныхъ дѣйствій въ этой долинѣ, необходимъ былъ отрядъ такого состава, который бы давалъ возможность выдѣлять достаточные гарнизоны для занятія главнѣйшихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, лежащихъ на главномъ пути отъ Яны-Кургана къ Самарканду, и далѣе расположенныхъ у главнѣйшихъ проходовъ черезъ Самаркандъ-Тау и Акъ-Тау. Отрядъ, сосредоточенный въ Самаркандѣ, былъ слишкомъ слабъ для того. Боевая сила его позволяла выдѣлять лишь небольшіе отряды для наказанія непокорныхъ, при условіи немедленнаго возвращенія въ Самаркандъ, и была достаточна для движенія лишь на два, много на три перехода впередъ. Затѣмъ не оставалось ничего, даже для поддержанія непрерывныхъ сообщеній съ Яны-Курганомъ и Ташкентомъ. Между тѣмъ, съ занятіемъ Самарканда мы имѣли не одного, а двухъ враговъ: одного въ лицѣ эмира, а другаго въ лицѣ самовластно управлявшаго Шагрисябсемъ бека Джура-бія, способнаго вывести въ поле до 30,000 энергическихъ,

мѣтко-стрѣляющихъ горныхъ жителей, способныхъ пользоваться мѣстностью и вступать въ рукопашный бой съ тѣмъ неудовлетворительнымъ оружіемъ, какое у кого есть.

Пораженіе бухарскихъ войскъ на самаркандскихъ высотахъ, добровольная сдача Самарканда, просившаго защиты отъ деспотизма эмира, примѣръ великодушія, явленнаго жителямъ Самарканда, въ два дня спокойно занявшихъ оставленныя жилища и предавшихся своимъ обычнымъ занятіямъ съ полною вѣрою въ безопасность, все это имѣло видъ такого убѣдительнаго доказательства силы нашего оружія и нравственнаго значенія, что командующій войсками полагалъ, что эмиръ, лишенный средствъ заградить путь къ послѣднему своему убѣжищу—Бухарѣ, приметъ предложенныя ему условія мира съ чувствомъ живѣйшей признательности. Въ такомъ предположеніи убѣждали командующаго войсками всѣ первоначальныя свѣдѣнія, полученныя въ первые дни занятія Самарканда изъ Бухары. Носились слухи, что эмиръ, послѣ пораженія его войскъ на самаркандскихъ высотахъ, не былъ принятъ въ Бухарѣ; что, взволнованный непріятнымъ извѣстіемъ, народъ убилъ эмира, и что эмиромъ избранъ его старшій сынъ или племянникъ и прочее. Вышло иначе. Оправившись отъ паники, эмиръ считалъ себя еще въ силахъ продолжать борьбу, и въ короткое время успѣлъ противопоставить командующему войсками такія средства обороны, что хотя они и были уничтожены искуснымъ образомъ дѣйствій командующаго войсками, неутомимостью и геройскимъ самоотверженіемъ войскъ, но не безъ нѣкоторой доли счастія.

На письмо съ предложеніемъ мирныхъ условій эмиръ не отвѣчалъ; одному изъ двухъ парламентеровъ, посланныхъ съ письмомъ, онъ приказалъ отрубить голову, другаго бросить въ яму. Мирное предложеніе командующаго войсками, остановка войскъ въ Самаркандѣ, немедленное возвращеніе отрядовъ изъ Чилека и Ургута въ Самаркандъ—были объяснены народу, какъ доказательство нашей слабости. Болѣзненность войскъ давала тоже поводъ для убѣжденія въ томъ народа.

Сеидъ-Музафаръ воспользовался даннымъ ему, для отвѣта на мирное предложеніе, временемъ, и для большаго выгранія его, какъ увидимъ впослѣдствіи, началъ даже переговоры. Расчитывая на помощь жителей Самарканда, онъ послалъ прощеніе имъ и всѣмъ жителямъ окрестныхъ кишлаковъ, изъявившихъ уже покорность, если они поймутъ свой грѣхъ и вооружатся противъ невѣрныхъ. Зарявшанская долина стала мало по малу наводняться фанатическими про-

повѣдниками войны за вѣру. Настоящая борьба только что начиналась.

12-го числа, командующій войсками, осмотрѣвъ весь городъ и ближайшія окрестности, объѣхавъ кругомъ вдоль наружной стѣны цитадели, сдѣлалъ подробное указаніе работъ для приведенія ея въ состояніе удобное для обороны. Съ 13-го мая, ежедневно наряжали утромъ и вечеромъ по 500 человѣкъ на инженерныя работы въ цитадели. Въ видахъ усиленія средствъ артилерійской работы, начальникъ артилеріи приказалъ къ двумъ $^1/_2$-пудовымъ мортирамъ, бывшимъ при отрядѣ, приготовить заряды и принадлежность, назначилъ къ нимъ прислугу изъ парковыхъ артилеристовъ, далъ таблицу угловъ возвышенія. Лучшія изъ бухарскихъ орудій приказано было положить на болѣе подвижные и легкіе лафеты, подобрать къ нимъ болѣе подходящія ядра и картечь, приготовить заряды; кромѣ того, назначенъ изъ парковыхъ артилеристовъ кадръ прислуги. Такъ какъ и для этихъ орудій не было ни подъемныхъ винтовъ, ни подушекъ, то приказано было приготовить подушки.

13-го мая, для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій, командующій войсками созвалъ на совѣщаніе всѣхъ наличныхъ генераловъ и наиболѣе опытныхъ, бывалыхъ въ прежнихъ походахъ, штабъ-офицеровъ. Боевая сила отряда къ этому дню состояла изъ 25-ти ротъ пѣхоты и саперовъ, пяти сотенъ казаковъ, шестнадцати орудій и шести ракетныхъ станковъ. Но роты и сотни имѣли немногимъ болѣе половины своего штатнаго состава. На лицо, въ этотъ день, было, вмѣсто 5,000, 2,650 штыковъ и, вмѣсто, 650, 450 шашекъ, т. е., несмотря на усиленіе отряда двумя ротами, прибывшими 8-го числа, количество штыковъ было такое же, какъ и 1-го мая.

Прежде открытія совѣщанія, были прочитаны двѣ записки, изъ которыхъ въ одной, съ надлежащей полнотой и откровенностію, былъ высказанъ ходъ переговоровъ съ эмиромъ и мѣры, принятыя командующимъ войсками по пріѣздѣ въ Ташкентъ, для устраненія необходимости вооруженнаго столкновенія съ Бухарой; обстоятельства, вызвавшія походъ и необходимость заставить эмира во что бы то ни стало просить мира и принять предложенныя ему условія; въ другой, служившей дополненіемъ къ первой, былъ изложенъ ходъ военныхъ дѣйствій и подробно разобраны выгоды и недостатки каждой изъ политическихъ и военныхъ комбинацій, могущихъ представиться въ близкомъ будущемъ. Затѣмъ, на обсужденіе чиновъ, собранныхъ на совѣщаніе, былъ предложенъ вопросъ: что дѣлать? оставаться ли въ Самаркандѣ, занявъ предварительно Ката-Курганъ, или, по занятіи

Ката-Кургана, двигаться впередъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ уничтожены всѣ средства, какими обладалъ еще эмиръ, продолжавшій сопротивленіе? Выдвинуться на два перехода впередъ по дорогѣ къ Бухарѣ и занять Ката-Курганъ было необходимо для прикрытія изъявившихъ покорность жителей Міанкальской Долины отъ произвола бухарскихъ властей и удержанія ихъ въ повиновеніи. Этого никто не могъ отрицать; но относительно дальнѣйшаго движенія отъ Ката-Кургана мнѣнія раздѣлились. Многіе, изъ привыкшихъ къ легкости побѣдъ въ Средней Азіи, считали лучшимъ средствомъ для достиженія прочнаго мира возможно-дальнѣйшее движеніе въ глубь Міанкальской Долины, предполагая даже возможность занять Бухару съ отрядомъ того состава, какой былъ въ Самаркандѣ; другіе считали рискованнымъ даже движеніе къ Ката-Кургану, указывая на затруднительное положеніе, въ которое можетъ быть поставленъ отрядъ, раздѣленный на двѣ части, отстоящія на 65 верстъ одна отъ другой.

Вполнѣ соглашаясь съ послѣдними, командующій войсками все-таки находилъ необходимымъ занять немедленно Ката-Курганъ. Въ день окончанія срока, даннаго эмиру для принятія выраженныхъ въ письмѣ изъ Самарканда условій мира, отрядъ, въ составѣ $13^1/_2$ ротъ пѣхоты, трехъ сотенъ казаковъ и двѣнадцати орудій (три роты стрѣлковаго баталіона, стрѣлковая рота 1-го баталіона, полурота саперовъ), снабженный десятидневнымъ запасомъ сухарей, патронами по 100 на ружье и полнымъ комплектомъ зарядовъ на орудіе, подъ личнымъ начальствомъ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской Области, генералъ-маіора Головачева, получилъ приказаніе выступить къ Ката-Кургану. Въ отрядѣ было 1,500 штыковъ и 270 шашекъ. Для поднятія тяжестей отряда назначено было по три, а для больныхъ по одной арбѣ на роту.

Въ Самаркандѣ остались одиннадцать ротъ 5-го, 6-го и 9-го баталіоновъ, батарейная батарея, ракетная батарея и двѣ сотни казаковъ, что составляло всего около 1,200 штыковъ, 220 шашекъ и 8 орудій.

Ката-Курганъ незначительный городъ, весь утопающій въ садахъ, съ небольшою цитаделью, обнесенною высокою стѣною. Цитадель командуетъ какъ городомъ, такъ и ближайшими его окрестностями.

Генералъ Головачевъ, выступивъ изъ Самарканда на разсвѣтѣ 16-го мая, на пути къ Ката-Кургану не встрѣтилъ нигдѣ сопротивленія. Аксакалы всѣхъ попутныхъ кишлаковъ привѣтствовали его хлѣбомъ-солью. 17-го числа, когда отрядъ, не доходя 11-ти верстъ

до Ката-Кургана, приближался къ мѣсту, избранному для ночлега, къ генералу Головачеву явились аксакалы Ката-Кургана съ выраженіемъ покорности и готовности сдать городъ. Они объявили, что гарнизонъ Ката-Кургана еще утромъ отступилъ къ Кермине, куда выѣхалъ также и главный начальникъ войскъ и всего окрестнаго населенія, Омаръ-бекъ. Такимъ образомъ, вмѣсто дѣла съ войсками эмира, утромъ 18-го числа генералъ Головачевъ вступилъ въ Ката-Курганъ. Аксакалы встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью, жители толпами стекались на улицы, по которымъ онъ ѣхалъ во главѣ отряда, привѣтствуя его и войска, повидимому, съ полною искренностію и чувствомъ безусловной признательности.

19-го мая къ генералу Головачеву явились съ изъявленіемъ покорности аксакалы небольшаго города Пендъ-Шамбе, стоящаго въ 18-ти верстахъ впереди Ката-Кургана, а также аксакалы большей части кишлаковъ ката-курганскаго раіона. Въ городѣ было такъ тихо, такъ покойно, жители съ такимъ довѣріемъ относились къ намъ, что генералъ Головачевъ, первоначально помѣстившійся въ цитадели (занятой тремя ротами стрѣлковаго баталіона; остальная часть отряда была поставлена лагеремъ за городомъ на бухарской дорогѣ), вскорѣ расположился въ прекрасномъ саду эмира и занялся пріемомъ депутаціи окрестныхъ кишлаковъ и раздачею почетныхъ халатовъ. Жители разсказывали, что эмиръ бѣжалъ изъ Кермине и что многочисленныя его войска также выступили оттуда.

Казалось, все было хорошо. Тѣмъ не менѣе, довѣряться жителямъ было нельзя. Съ занятіемъ Ката-Кургана, положеніе наше не улучшилось. Добровольная сдача этого города и выступленіе изъ него эмировыхъ войскъ было дѣломъ расчета; симпатія же и покорность жителей — обманъ.

По уходѣ нашихъ отрядовъ изъ Чилека и Ургута, беки, составившіе ихъ, возвратились туда, тайно управляли населеніемъ и составляли шайки для дѣйствія на нашихъ сообщеніяхъ. 15-го мая, новый чилекскій бекъ, Абдулъ-Гафаръ, съ многочисленною шайкою направился къ Кошъ-Купрюку, для дѣйствія на путь нашего сообщенія съ Яны-Курганомъ.

Вслѣдствіе этого, 16-го мая, для поддержки прикрытія ожидаемаго изъ Яны-Кургана транспорта и для разсѣянія шайки Абдулъ-Гафара былъ посланъ къ Кошъ-Купрюку подполковникъ Назаровъ, съ двумя ротами пѣхоты, сотней казаковъ и двумя ракетными станками. Абдулъ-Гафаръ, узнавъ о высылкѣ противъ него отряда, тотчасъ скрылся, распустивъ слухъ, что уѣхалъ черезъ Ургутъ въ Шаг-

рисябсъ, а подполковникъ Назаровъ, 18-го числа, возвратился въ Самаркандъ.

По полученіи донесенія о сдачѣ Ката-Кургана, командующій войсками отправилъ туда транспортъ съ провіянтомъ, уксусомъ и патронами. 20-го числа, утромъ, онъ, съ частію штаба и съ конвоемъ, поѣхалъ туда самъ. Аксакалы попутныхъ кишлаковъ, а мѣстами и небольшое число жителей возвратившихся въ дома, встрѣчали командующаго войсками хлѣбомъ-солью; но кишлаки были довольно пусты.

21-го мая, командующій войсками въѣхалъ въ Ката-Курганъ, встрѣченный генераломъ Головачевымъ, нѣсколькими сотнями казаковъ, жителями и аксакалами Ката-Кургана, поднесшими хлѣбъ-соль, и послами, поднесшими письмо отъ эмира съ условіями мирнаго договора.

— «Давно бы пора», сказалъ командующій войсками, когда увидѣлъ пословъ.

— «Молимъ Бога за ваше здоровье», отвѣтили послы низко кланяясь и поднося зашитые въ канаусовомъ мѣшкѣ документы.

Командующій войсками направился прямо въ лагерь. Лагерь нашего отряда стоялъ за-городомъ, вправо отъ бухарской дороги, на совершенно ровной песчаной площади крутаго и высокаго лѣваго берега рѣки Нурпая, опоясывающей западную сторону садовъ Ката-Кургана. Жаркій, удушливый воздухъ, знойное солнце царили тамъ постоянно, разслабляя организмъ людей, доводя ихъ до безсилія физическаго и моральнаго. Когда командующій войсками объѣзжалъ ряды выстроившихся у палатокъ солдатъ, невозможно было не замѣтить болѣзненнаго ихъ вида. Число больныхъ и ежедневно заболѣвавшихъ было немалое. Чтобъ утѣшить солдатъ, командующій войсками, указывая на сопровождавшихъ его пословъ, объявлялъ, что непріятель проситъ мира.

Командующій войсками помѣстился въ эмировомъ саду, который на это время сдѣлался лагеремъ офицеровъ, составлявшихъ штабъ командующаго войсками и военнаго губернатора.

Переговоры начались съ послами въ тотъ же день. Эмиръ соглашался на заключеніе мирнаго договора, но прислалъ лишь тотъ подписанный имъ трактатъ, котораго командующій войсками тщетно ожидалъ въ теченіе шести мѣсяцевъ въ Ташкентѣ. Условія, предложенныя ему по вступленіи въ Самаркандъ, онъ считалъ для себя тяжелыми. Но командующій войсками усилилъ требованія. Посламъ предложено было согласиться на одно изъ двухъ: или взять

обратно Самаркандъ съ Ката-Курганомъ и всѣмъ занятымъ, по выходѣ войскъ изъ Яны-Кургана, пространствомъ, за уплату, въ восьмилѣтній срокъ, контрибуціи въ 1,150,000 тилли; или уплатить издержки похода и признать за Россіей всѣ завоеванныя съ 1865 года части Бухарскаго Ханства, по хребетъ Самаркандъ-тау, Ката-Курганъ, до западной оконечности хребта Нуратанынъ-тау и далѣе до Букантаускихъ горъ и низовій Яны-Дарьи. 23-го мая переговоры окончились. Послы согласились на послѣднее, но просили десять дней срока, необходимаго для предъявленія эмиру принятыхъ условій и для сбора части контрибуціи. Командующій войсками далъ имъ этотъ срокъ, съ обязательствомъ не возобновлять военныхъ дѣйствій до 2-го іюня. Одинъ изъ пословъ просилъ позволенія поѣхать въ Кермине, для утвержденія заключеннаго договора печатью эмира, для полученія и привоза части контрибуціи; другой, чтобы вполнѣ увѣрить командующаго войсками въ искренности намѣреній эмира, просилъ позволенія остаться въ Ката-Курганѣ; но не прошло и часа времени послѣ отъѣзда перваго посла, какъ обманъ сталъ обнаруживаться: въ лагерѣ ударили тревогу. Шайка киргизовъ, подъ предводительствомъ Садыка, бросилась на верблюдовъ, принадлежавшихъ маркитантамъ нашего отряда, и успѣла захватить наиболѣе удалившихся отъ лагеря. Казаки 10-й оренбургской сотни, стоявшіе въ этотъ день на пикетѣ, впереди лагеря, поддержанные 6-ю оренбургской сотней, бросились за барантачами, нагнали ихъ и отбили захваченныхъ верблюдовъ. Вслѣдъ за казаками двинулся и генералъ Головачевъ; но, пройдя восемь верстъ и убѣдясь въ поспѣшномъ отступленіи непріятеля, числительностью около 6,000, генералъ Головачевъ возвратился въ лагерь.

Посолъ, оставшійся въ Ката-Курганѣ, увѣрялъ, что Садыкъ сдѣлалъ нападеніе, вѣроятно, по незнанію о результатѣ переговоровъ, тогда какъ посолъ, поѣхавшій въ Кермине во время нападенія, былъ въ шайкѣ Садыка.

Въ этотъ же день, вечеромъ, было получено извѣстіе, что въ двадцати семи верстахъ отъ Самарканда, у кишлака Кара-тюбе, лежащаго на сѣверномъ скатѣ Самаркандъ-тау, у входа въ ущелье, ведущее къ Шагрисябсу, собираются многочисленныя скопища шагрисябсевъ. Планъ эмира обнаружился; очевидно было, что, понимая важность значенія занятой нами части долины Зарявшана, эмиръ напрягалъ всевозможныя усилія удержать ее въ своемъ владѣніи, заставивъ наши войска отступить; очевидно стало, что онъ или готовитъ одновременное нападеніе на Ката-Курганъ и Самаркандъ всѣми вооруженными средствами Бухары, Китаба, Шагрисябса и жителей Міанкальской Долины, или задумалъ что-нибудь иное, что могли обнаружить лишь обстоятельства. Необходимо было дѣйствовать рѣшительно, успѣть разбить непріятеля на всѣхъ пунктахъ его атакъ; стало очевидно, что предупредительная покорность жителей Ката-Кургана, Пендшамбе, очищеніе Ката-Кургана войсками эмира—все это было исполнено по заранѣе обдуманному плану, съ цѣлію выиграть необходимое время.

Болѣе всего безпокоило командующаго войсками сильное развитіе болѣзненности въ войскахъ. Эпидемія возвратной горячки не прекращалась въ Самаркандѣ и развивалась въ Ката-Курганѣ. Къ 23-му числу, въ Ката-Курганѣ былъ уже лазаретъ съ 100 человѣкъ больныхъ, не считая околодочныхъ, не оставлявшихъ ружья. Между тѣмъ, предстояли усиленные переходы въ невыносимо-знойные дни.

Сдѣлавъ распоряженіе объ отправленіи двухъ ротъ пѣхоты, саперовъ, роты пѣшихъ авганцевъ и арбъ, прибывшихъ съ провіантомъ въ Самаркандъ, и приказавъ генералу Головачеву, въ случаѣ нападенія непріятеля на Ката-Курганъ, дѣйствовать оборонительно, отбивая лишь его нападенія и не преслѣдуя далѣе одного перехода, командующій войсками, подъ прикрытіемъ двухъ казачьихъ сотенъ, на разсвѣтѣ 24-го числа, выступилъ изъ Ката-Кургана и вечеромъ того же дня прибылъ въ Самаркандъ.

Въ Самаркандѣ, повидимому, все было покойно; но офицерамъ, часто посѣщавшимъ большой базаръ въ городѣ, нельзя было не замѣтить, что привѣтливости въ жителяхъ стало далеко менѣе, чѣмъ въ первые дни послѣ занятія Самарканда; за то внимательность и привѣтливость іудеевъ и евреевъ удвоились. Депутацій также никакихъ ни откуда не являлось. Тишина въ городѣ была поразительная; движенія замѣтно было меньше.

25-го мая, всѣ офицеры, бывшіе въ Самаркандѣ, праздновали день имянинъ командующаго войсками. День этотъ прошелъ весьма оживленно. Тронный дворъ во дворцѣ эмира былъ убранъ зеленью; колоны возвышенной галереи, идущей вокругъ двора, обвиты гирляндами зелени; каменныя ворота и ниша надъ тономъ Тамерлана украшены разноцвѣтными флагами. На этомъ дворѣ, въ полдень, былъ данъ обѣдъ нижнимъ чинамъ, кавалерамъ знака отличія военнаго ордена. Хоръ пѣсенниковъ и горнистовъ гремѣли во все время обѣда кавалеровъ. Нижніе чины пили за здоровье командующаго войсками; командующій войсками и офицеры—за здоровье всѣхъ нижнихъ чиновъ отряда и кавалеровъ.

Послѣ обѣда нижнихъ чиновъ, на крышѣ дворца обѣдали командующій войсками и офицеры. Обѣдъ окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ. Жители Самарканда, съ крышъ своихъ сакель, въ первый разъ могли любоваться зрѣлищемъ фейерверка и удивляться искуству сѣверныхъ людей.

Съ вечера 26-го числа, происки эмира въ Самаркандѣ и дѣйствія фанатическихъ ходжей стали сказываться замѣтнѣе, несмотря на тишину, царствовавшую въ городѣ, несмотря на предупредительную покорность аксакаловъ, съ удивительною точностію и скоростію исполнявшихъ всякое предъявленное имъ требованіе, какъ бы оно мало ни было. Кажется, никто лучше сартовъ не въ состояніи дѣйствовать такъ единодушно, когда надо усыпить бдительность и вниманіе противника; кажется, никто не въ состояніи такъ искусно скрывать приготовленія къ возстанію.

Еще съ утра, въ этотъ день, являлись во дворецъ эмира евреи, донося, что сарты собираются ихъ перерѣзать; между тѣмъ, солдаты и офицеры, ходившіе и ѣздившіе по городу, не замѣчали въ немъ ни малѣйшихъ признаковъ какого-либо движенія. Въ сумерки евреи стали прибѣгать въ цитадель уже партіями, по нѣскольку человѣкъ, все съ тѣмъ же показаніемъ. Не было никакихъ основаній вѣрить имъ, несмотря на испуганный видъ и особую таинственность, съ которою они проникали послѣ зари въ цитадель. Взошла луна, вечеръ былъ великолѣпный. Командующій войсками и многіе изъ офицеровъ пили чай на крышѣ дворца, любуясь прекраснымъ видомъ, который представляетъ Самаркандъ, если смотрѣть на его сады и мечети съ высоты ханскаго дворца. Вдругъ, въ сторонѣ еврейскаго квартала, послышался шумъ, гвалтъ. Что-то необыкновенное происходило въ этомъ мѣстѣ. Для разузнанія въ чемъ дѣло, послали въ еврейскій кварталъ преданнаго намъ волонтера изъ мусульманъ и двухъ джигитовъ. Они проѣхали по всему городу до еврейскаго квартала и обратно совершенно свободно. Въ еврейскомъ кварталѣ все было тихо, и только за угломъ одного дома имъ удалось примѣтить притаившагося вооруженнаго сарта, котораго схватить имъ было тѣмъ легче, что онъ оказался раненый. Они провезли его по улицамъ города и никто не поспѣшилъ на его выручку. Когда его представили командующему войсками и явился аксакалъ той части города, къ которой принадлежалъ раненый сартъ, аксакалъ объявилъ, что это воръ, котораго неразъ уже ловили жители и жестоко наказывали. Командующій войсками приказалъ аксакалу допросить вора, но запретилъ употреблять тѣ истязанія, безъ которыхъ туземныя власти не привыкли дѣлать допросовъ. Конечно, у пойманнаго ничего не выпытали. Командующій войсками дѣйствовалъ осторожно, какъ бы не замѣчая того, что дѣлалось вокругъ. Аксакаламъ, конечно, онъ не вѣрилъ, но обнаруживать недовѣрія было не время. Извѣстія о сборѣ шагрисябсевъ у Кара-тюбе подтвердились; необходимо было разсѣять ихъ какъ можно скорѣе. Каждая побѣда облегчала успѣхъ выхода изъ труднаго положенія.

Въ ночь съ 26-го на 27-е число, полковникъ Абрамовъ получилъ приказаніе немедленно выступить противъ шагрисябсевъ, разбить ихъ и возвратиться въ Самаркандъ.

Полковникъ Абрамовъ, съ отрядомъ изъ восьми ротъ 5-го и 9-го баталіоновъ, трехъ сотенъ казаковъ сборной, 1-й уральской и 11-й оренбургской, всего въ составѣ 850 штыковъ, 240 шашекъ и шести батарейныхъ орудій, выступилъ въ Кара-тюбе въ три часа утра. Не сдѣлавъ ни одного привала, отрядъ быстро подвигался впередъ, и въ одиннадцать часовъ утра былъ уже въ шести верстахъ отъ кишлака Кара-тюбе, гдѣ на большомъ разстояніи, по покатостямъ пологихъ спусковъ горъ, бродили шайки коннаго непріятеля.

Усталый отрядъ растянулся на довольно большое разстояніе; казаки, слѣдовавшіе, подъ начальствомъ полковника Пистолькорса, въ головѣ колоны, значительно были впереди пѣхоты и артилеріи, которая во многихъ мѣстахъ съ трудомъ поднималась въ горы.

По всему замѣтно было, что шайки непріятеля, бродившія впереди Кара-тюбе, не занимали этой позиціи съ цѣлію вступить на ней въ дѣло. Полковникъ Абрамовъ поручилъ полковнику Пистолькорсу атаковать казаками ближайшую къ отряду шайку конныхъ шагрисябсевъ; самъ же съ ротами 5-го баталіона подвигался впередъ вдоль по дорогѣ, а роты 9-го баталіона, имѣя застрѣльщиковъ впереди, слѣдовали вправо отъ дороги по скатамъ горъ.

Полковникъ Пистолькорсъ, съ 240 казаками, атаковалъ непріятеля и заставилъ его отступить, съ потерею многихъ убитыми и ранеными. Шайки, бродившія по сторонамъ, отходили назадъ. Но когда полковникъ Пистолькорсъ прошелъ версты полторы за кишлакъ Кара-тюбе и удалился отъ пѣхоты, изъ ущелья и для ближайшихъ лощинъ стали выѣзжать огромныя массы конныхъ шагрисябсевъ, и атаковали казаковъ со всѣхъ сторонъ. Полковникъ Пистолькорсъ, въ ожиданіи поддержки, спѣшилъ казаковъ и ружейнымъ огнемъ отбивалъ рядъ многочисленныхъ атакъ шагрисябсевъ, соединившихся въ одну сплошную массу и насѣдавшихъ на казаковъ съ фронта, въ то

время какъ пѣхота, засѣвъ за большими камнями покатостей горъ, поражала ихъ выстрѣлами съ фланговъ.

Къ счастію, огонь непріятельской пѣхоты былъ недѣйствителенъ. Изъ казаковъ три человѣка получили тяжелыя раны, два легкія, да убитъ волонтеръ изъ мусульманъ, состоявшій ординарцемъ при полковникѣ Пистолькорсѣ.

Полковникъ Абрамовъ, прибывъ въ Кара-тюбе, расположилъ 5-й и вскорѣ подошедшій къ Кара-тюбе и 9-й баталіонъ на небольшомъ курганѣ, которымъ командовали окрестныя высоты. Замѣтивъ отсюда затруднительное положеніе полковника Пистолькорса, полковникъ Абрамовъ послалъ для поддержки казаковъ роту 9-го баталіона и, вслѣдъ за тѣмъ, свелъ и остальныя роты обоихъ баталіоновъ къ берегу рѣчки, гдѣ роты менѣе терпѣли отъ выстрѣловъ непріятеля съ высотъ и могли съ большимъ удобствомъ расположиться бивуакомъ. Когда стемнѣло и пальба прекратилась, отрядъ спокойно переночевалъ; непріятель его не тревожилъ. Серьезнаго дѣла не было, но убитыхъ и раненыхъ у насъ было до 25-ти человѣкъ отъ перестрѣлки съ засѣвшими въ камняхъ шагрисябсами. Вечеромъ Пистолькорсъ присоединился къ отряду.

Баба-бій-бекъ, начальствовавшій въ этотъ день конными и пѣшими шагрисябсами, принявъ присоединеніе казаковъ къ пѣхотѣ, расположившейся бивуакомъ на берегу Кара-тюбе, за отступленіе, вообразилъ себя побѣдителемъ, и послалъ сказать самаркандцамъ что Абрамовъ разбитъ, отступаетъ и что имъ остается, выйдя навстрѣчу нашему отряду, не впустить его въ городъ, довершивъ окончательное его пораженіе.

Утромъ 28-го числа, непріятель не показывался. Полковникъ Абрамовъ, послав командующему войсками донесеніе объ отступленіи шагрисябсевъ и просьбу о высылкѣ навстрѣчу отряда необходимаго числа арбъ для подпятія раненыхъ, счелъ за лучшее возвратиться въ Самаркандъ, имѣя въ виду, что, въ случаѣ, если непріятель не отступилъ, а только скрылся въ ущелье и выйдетъ изъ него въ густыхъ массахъ пѣхоты и конницы, остановиться на удобной позиціи, разбить его на голову и преслѣдовать до ущелья.

Въ шесть часовъ утра, отрядъ вытянулся и началъ отходить по направленію къ Самарканду.

Баба-бекъ, узнавъ о движеніи нашего отряда къ Самарканду, дебушировалъ изъ ущелья и, несоединяя шагрисябсевъ въ массы, провожалъ отрядъ выстрѣлами разсыпанной по мѣстности пѣхоты и небольшими шайками конницы, которыя, однако, держались такъ далеко отъ нашего аріергарда, что выстрѣлы ихъ не наносили отряду никакого вреда. При этомъ условіи останавливать отрядъ для дѣйствія по разсыпанному непріятелю не было никакой существенной выгоды, почему полковникъ Абрамовъ продолжалъ движеніе безостановочно.

Въ одиннадцать часовъ утра, не доходя до самаркандскихъ садовъ, когда авангардъ отряда подошелъ къ глубокой балкѣ, шагахъ въ 200 окружающей опушку садовъ Самарканда, онъ былъ встрѣченъ огнемъ вооруженныхъ жителей Самарканда и соединившихся съ ними, для загражденія нашему отряду входа въ Самаркандъ, шаекъ наймоновъ, кипчаковъ и кара-калпаковъ, участвовавшихъ наканунѣ вмѣстѣ съ шагрисябсами при атакѣ нашихъ казаковъ, впереди Кара-тюбе. Мостъ черезъ балку былъ сломанъ; у самаго входа въ сады на дорогѣ устроена барикада; дорога и опушка садовъ были заняты густыми массами неожиданнаго непріятеля. Немедленно подъ прикрытіемъ огня стрѣлковъ, разсыпанныхъ по краю оврага, мостъ былъ исправленъ и роты 5-го баталіона, поддержанныя казаками, атаковали толпы мятежныхъ самаркандцевъ, наймановъ, кипчаковъ и каракалпаковъ. Послѣ упорнаго, хотя непродолжительнаго дѣла, входъ въ городъ бытъ открытъ, а непріятель разсѣялся. Наша потеря въ этотъ день заключалась въ восьми раненыхъ; мятежники потеряли до 200 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ.

27-го числа, когда полковникъ Абрамовъ выступилъ въ Кара-тюбе, въ Самаркандѣ остались 4 роты 6-го баталіона, въ составѣ около 450 человѣкъ, 90 человѣкъ саперовъ и 15 казаковъ. Въ городѣ было тихо и покойно; торговля и движеніе по улицамъ приводили къ самому успокоительному заключенію о настроеніи умовъ жителей. Вечеромъ было также тихо; всѣ смѣялись надъ вчерашнимъ безпокойствомъ евреевъ. Часовъ въ восемь вечера разнесся слухъ, что Абрамовъ разбитъ. Извѣстіе это приписывали какому-то джигиту, будто бы пріѣхавшему изъ Кара-тюбе. Стали разыскивать джигита, но его не нашли. Надо полагать, что слухъ ходилъ между самаркандцами, послѣ того какъ имъ сообщили о присоединеніи казаковъ къ пѣхотѣ, расположившейся бивуакомъ.

Ночью было также тихо и спокойно. Между тѣмъ, самаркандцы, повѣривъ, что нашъ отрядъ дѣйствительно разбитъ Баба-бій-бекомъ, рѣшились заградить ему путь въ городъ, всю ночь усиленно работали и сдѣлали всѣ приготовленія къ тому, чтобы устроить побольше барикадъ въ садахъ по шагрисябской дорогѣ. Утромъ 28-го числа, евреи снова стали бѣгать въ цитатель. съ жалобой на

злобныя намѣренія сартовъ; но полковникъ Петрушевскій, объѣхавъ городъ и базаръ съ пятью казаками, не замѣтилъ ничего. Сарты, зная близость его къ командующему войсками, встрѣчали его особенно почтительно: кланяясь, брали себя за бороду и прикладывали обѣ руки къ животу.

Часу въ десятомъ утра, 28-го числа, командующій войсками получилъ краткое донесеніе полковника Абрамова объ отступленіи непріятеля и просьбу о присылкѣ арбъ для поднятія части убитыхъ и раненыхъ, которыхъ, за недостаткомъ арбъ, солдаты несли на рукахъ. Покуда собрали арбачей и обозъ успѣлъ вытянуться подъ прикрытіемъ одной роты 6-го баталіона, прошло около двухъ часовъ; командующій войсками, желая встрѣтить и поблагодарить кара-тюбинскій отрядъ за движеніе и дѣло съ непріятелемъ, около одиннадцати часовъ поѣхалъ со штабомъ и съ конвоемъ изъ 15 казаковъ по шагрисябской дорогѣ, вслѣдъ за арбами. Въ это время, какъ разъ началось дѣло въ садахъ, но выстрѣловъ не было слышно и командующій войсками только потому и не очутился среди вооруженныхъ шаекъ самаркандцевъ, наймановъ и кара-калпаковъ, что арбы двигались слишкомъ медленно. Надо было остановиться, почему командующій войсками прождалъ около получаса у послѣдней мечети, стоящей въ цитадели недалеко отъ шагрисябскихъ воротъ, за которыми начинается широкій поясъ садовъ, окружающихъ Самаркандъ. Затѣмъ, проѣзжая по улицамъ цитадели, города и, наконецъ, по самой шагрисябской дорогѣ, командующій войсками останавливался возлѣ каждой изъ лавокъ и мастерскихъ, гдѣ только видѣлъ значительную толпу сартовъ, спокойно занимавшихся своимъ дѣломъ, и, отвѣчая на ихъ поклоны, объявлялъ, что онъ ѣдетъ встрѣчать отрядъ побѣдоносныхъ своихъ войскъ, которыхъ послалъ разбить и разсѣять шайки шагрисябсевъ, намѣревавшихся нарушить ихъ мирный трудъ и прервать ихъ мирныя занятія. Сарты почтительно кланялись, брали себя за бороды, прикладывали руки къ животамъ, отвѣчая, что весьма благодарны за такую милость; очень рады, что Богъ послалъ имъ такого добраго генерала; молятъ и будутъ молить Бога за здоровье Бѣлаго Царя и его самого, и желаютъ ему и войскамъ его счастія и благополучія.

Около двѣнадцати часовъ, не доѣзжая на полторы версты до выхода изъ садовъ, на одномъ изъ перекрестковъ шагрисябской дороги и поперечнаго переулка, мимо командующаго войсками вдругъ проскакали два вооруженныхъ съ ногъ до головы сарта; они стояли въ переулкѣ и бросились, испуганные неожиданнымъ появленіемъ на

дорогѣ русскихъ. Ихъ приказано было поймать. Нѣсколько джигитовъ и казаковъ бросились за ними въ погоню, а командующій войсками продолжалъ ѣхать дальше. Послышались выстрѣлы; еще черезъ полверсты далѣе, къ командующему войсками явились полковникъ Пистолькорсъ и маіоръ Грипенбергъ, которые, къ крайнему удивленію его доложили, что въ садахъ только что окончилось дѣло съ жителями Самарканда, и что арбы такъ загородили дорогу, что проѣхать впередъ нѣтъ никакой возможности.

— «Нѣкоторое недоразумѣніе», сказалъ командующій войсками, обращаясь къ коканскому посланнику, и повернулъ коня назадъ.

Только на обратномъ пути, присматриваясь къ стѣнамъ, замѣтили, что черезъ каждые 150—200 шаговъ, въ стѣнахъ были выдолблены пазы для барикадъ.

Когда командующій войсками возвратился въ цитадель, тамъ уже было извѣстно, что въ городѣ всѣ лавки заперты, что въ еврейскомъ кварталѣ и въ кварталахъ ближайшихъ къ базару каракалпаки, возвращавшіеся изъ садовъ по домамъ, открыли баранту. Немедленно были приняты мѣры къ успокоенію города. Для охраненія имущества жителей и товаровъ на базарѣ была поставлена рота пѣхоты. Въ городѣ замѣтно опустѣло. Жители разбѣжались и скрылись въ садахъ. Командующій войсками приказалъ собрать аксакаловъ и муллъ. Всѣ, конечно, явились, какъ ни въ чемъ неповинные. Когда командующій войсками окончилъ гнѣвную рѣчь и угрозы, съ которыми онъ обратился къ нимъ, упрекая ихъ въ неискренности и въ неблагодарности за то великодушіе, которое имъ оказано принятіемъ города подъ высокое покровительство Бѣлаго Царя, они имѣли видъ ничего незнавшихъ, ничего не подозрѣвавшихъ и, по истинѣ, крайне удивленныхъ всѣмъ, что слышатъ о дѣйствіяхъ самаркандцевъ. Они увѣряли командующаго войсками, что наши войска были встрѣчены въ садахъ не самаркандцами, а каракалпаками, найманами и другими ворами; что самаркандцы, напротивъ, весьма понимаютъ и высоко цѣнятъ оказанную имъ милость, за которую будутъ всегда молить Бога о дарованіи командующему войсками и Бѣлому Царю счастья и благополучія. Остальное время дня и вечеромъ въ городѣ царствовала мертвая тишина.

Дѣло при Кара-тюбе, утомительное для отряда, не имѣло тѣхъ послѣдствій, какихъ отъ него ожидалъ командующій войсками. Непріятель первый прекратилъ пальбу, скрылся, что и дало считать дѣло побѣдой. Но у Кара-тюбе шагрисябсевъ осталось столько же, сколько тамъ было и до посылки туда отряда. Между тѣмъ, возвра-

щеніе отряда въ Самаркандъ дало непріятелю новый поводъ думать, что мы небезусловно сильны, и облегчало успѣхъ поднятія противъ насъ населенія Міанкальской Долины. Это же дѣло обнаружило, что симпатіи къ намъ жителей Самарканда и благодарность за охраненіе города отъ гнѣва эмира далеко не такъ велики, какъ мы предполагали послѣ дѣла на самаркандскихъ высотахъ и вступленія въ Самаркандъ.

Характеристическій признакъ хорошей побѣды, одержанной въ Средней Азіи, тотъ, что послѣ побѣды на весьма значительное число верстъ кругомъ не сыщешь ни одного вооруженнаго.

Со второй половины мая, мы были въ положеніи обороняющагося, а не наступающаго. Задача наша заключалась уже въ томъ, чтобы только удержать за собой добровольно сдавшіеся, но враждебные намъ города Самаркандъ и Ката-Курганъ. Непріятель на насъ наступалъ; мы оборонялись, хотя оборонялись активно.

При такомъ положеніи дѣлъ, цитадель города Самарканда пріобрѣтала для насъ весьма важное значеніе; ей предстояло быть главнѣйшимъ нашимъ опорнымъ пунктомъ въ долинѣ Зарявшана. Укрѣпить ее и приспособить къ упорной оборонѣ, къ возможно-выгоднѣйшему употребленію при оборонѣ войскъ, было дѣломъ насущной необходимости. Мы уже говорили, что, еще съ 13-го числа, въ цитадели Самарканда начались инженерныя работы, на которыя сперва, ежедневно, высылали по 500 человѣкъ. Но съ выступленіемъ, 16-го числа, половины всего дѣйствовавшаго отряда къ Ката-Кургану, необходимость высылать роты для конвоированія транспортовъ въ Ката-Курганъ и Яны-Курганъ, необходимость назначить саперныхъ и инженернаго офицера въ составъ ката-курганскаго отряда, который, по первоначальнымъ предположеніямъ, долженъ былъ штурмовать Ката-Курганъ, если бы онъ не сдался добровольно; наконецъ необходимость послать отрядъ въ Кара-тюбе, все это вмѣстѣ, весьма естественно, лишило всякой возможности выдѣлять изъ наличнаго числа войскъ, оставшихся въ Самаркандѣ, для исполненія работъ предположенныхъ въ такой обширной цитадели, какова цитадель города Самарканда, имѣющая $2^1/_2$ версты въ окружности, потребнаго числа рабочихъ и руководителей ими. Вслѣдствіе того, ежедневный нарядъ на работы не превышалъ 100 человѣкъ, а иногда былъ и несравненно менѣе; многія инженерныя работы, предположенныя командующимъ войсками, къ 28-му числу, были не только не окончены, но даже и не начаты. Къ тому же опасеніе преждевременно вызвать волненіе въ жителяхъ Самарканда воздержало командующаго войсками отъ такихъ распоряженій, по приведенію цитадели въ состояніе удобное для обороны, которыя сопряжены были съ ущербомъ для жителей, какъ, напримѣръ: очистка эспланады вокругъ всей цитадели, западной стѣны примыкающей къ садамъ, а восточной и южной кругомъ обстроенной саклями.

Между тѣмъ, обстоятельства усложнялись съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Утромъ, 29-го мая, командующій войсками получилъ донесеніе генерала Головачева, изъ котораго сдѣлалось извѣстно, что съ 23-го числа, въ 10 верстахъ отъ Ката-Кургана, на зерабулакскихъ высотахъ, стали группироваться громадныя скопища бухарцевъ. Эмиръ сосредоточивалъ на зерабулакскихъ высотахъ, для дѣйствія противъ ката-курганскаго отряда, всѣ свои войска и собиралъ всѣхъ вооруженныхъ жителей западной части Зарявшанской Долины. Бухарцы, усиливаясь ежедневно прибытіемъ новыхъ массъ съ 24-го числа стали дѣлать въ день по два раза нападенія на лагерь нашего отряда при Ката-Курганѣ, сперва небольшими шайками, въ видахъ утомленія нашего отряда, а потомъ и большими вооруженными скопищами, съ цѣлію овладѣнія Ката-Курганомъ и уничтоженія нашихъ войскъ.

27-го мая, одновременно съ дѣйствіемъ отряда полковника Абрамова съ шагрисябсами при Кара-тюбе, 20,000 конно-вооруженныхъ жителей изъ окрестностей Кермине стали подходить къ нашему лагерю, съ цѣлію атаковать его и овладѣть городскими садами, лежавшими влѣво отъ большой бухарской дороги.

Генералъ Головачевъ, оставивъ въ лагерѣ пять ротъ пѣхоты и четыре нарѣзныхъ орудія (четыре роты 3-го баталіона, рота стрѣлковъ и нарѣзной дивизіонъ), поручилъ подполковнику Баранову отбить нападенія на лагерь, а самъ, съ четырьмя ротами пѣхоты, съ дивизіономъ конно-облегченной казачьей батареи, съ тремя сотнями казаковъ и съ дивизіономъ ракетной батареи, атаковалъ бухарцевъ, бросившихся къ садамъ города. Фланговой огонь стрѣлковъ и дивизіона конной батареи остановилъ движеніе непріятеля на сады. Бухарцы густыми толпами пытались нѣсколько разъ атаковать роты нашей пѣхоты, но всякій разъ ружейный огонь пѣхоты, поддержанный пальбою изъ орудій, дѣйствовавшихъ ядрами и гранатами, разгонялъ и разсѣявалъ ихъ, прежде чѣмъ они успѣвали приблизиться на 50 саженъ къ нашимъ войскамъ.

Массы непріятеля, направившагося на лагерь, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, пробовали атаковать съ фронта и въ то же время начали заѣзжать съ тыла.

Подполковникъ Барановъ, направивъ огонь двухъ нарѣзныхъ орудій и двухъ ротъ своего баталіона на массы дѣйствовавшія съ фронта, огнемъ остальныхъ двухъ орудій и стремительною атакою въ штыки двумя другими ротами своего же баталіона перекололъ и опрокинулъ въ Нурпай бухарцевъ, заѣхавшихъ съ тыла и начавшихъ слѣзать уже съ коней для грабежа палатокъ, часть которыхъ не была прикрыта, по несоразмѣрности окружности лагеря съ величиною оборонявшаго его отряда. Непріятель отступилъ, не дождавшись 6,000 регулярной пѣхоты, которая также должна была участвовать въ нападеніи на нашъ лагерь, но не поспѣла въ дѣло, вслѣдствіе необыкновенно жаркаго дня. У насъ потери не было. Бухарцы оставили на мѣстѣ пять человѣкъ убитыхъ и много раненыхъ, опрокинутыхъ удачною атакою подполковника Баранова въ рѣку съ крутаго обрывистаго берега. Въ дѣлѣ выпущено каждымъ изъ конныхъ орудій по десяти зарядовъ и каждымъ изъ нарѣзныхъ орудій по пяти, всего 61 снарядъ. Донесеніе свое объ этомъ дѣлѣ генералъ Головачевъ заключилъ сообщеніемъ, что, чрезъ три часа послѣ отступленія, бухарцы снова подошли къ лагерю, съ просьбою о немедленной высылкѣ артилерійскихъ снарядовъ, такъ какъ въ двухъ зарядныхъ ящикахъ на орудіе, находившихся въ артилеріи ката-курганскаго отряда, далеко не было уже полнаго комплекта зарядовъ.

Генеральнаго штаба подполковникъ **М. Лыко.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАМѢТКИ

О ПОРЯДКѢ ВЫСТАВЛЕНІЯ НА ПОЛЕВУЮ СЛУЖБУ

И ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ КАЗАЧЬИХЪ КОННЫХЪ ЧАСТЕЙ.

Казаки составляютъ немаловажную часть нашихъ вооруженныхъ силъ. Такъ, по штатамъ, всѣ казачьи войска имперіи, въ настоящее время, по требованію правительства обязаны выставить строевыя части, заключающія въ себѣ: 784 эскадроновъ и сотенъ, 107 ротъ и 26 батарей (*).

Изъ этого числа на дѣйствительной службѣ, въ началѣ нынѣшняго года, находилось: 323 сотенъ и эскадроновъ, 35 ротъ, $12^1/_4$ батарей, въ которыхъ состояло 1,737 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, 64,433 нижнихъ чиновъ, всего 66,170 человѣкъ. Это составляетъ около 13% всѣхъ полевыхъ войскъ и почти 10% полевыхъ и мѣстныхъ войскъ, находящихся на службѣ (**).

Изъ приведенныхъ цифръ видно также, что казачьи войска выставляютъ преимущественно конныя части. Дѣйствительно, благодаря казакамъ, мы можемъ не содержать, и дѣйствительно не содержимъ, того числа регулярной кавалеріи, которое должны были бы имѣть соотвѣтственно числительности другихъ родовъ оружія.

Въ виду этого небезполезно остановиться на организаціи, способѣ и порядкѣ выставленія на службу казачьихъ конныхъ частей.

Я вообще ограничусь войсками Донскимъ, Оренбургскимъ, Уральскимъ, Кубанскимъ и Терскимъ, полки которыхъ могутъ быть высланы въ составъ нашихъ войскъ, дѣйствующихъ на западной границѣ и въ Закавказьѣ.

Разсмотрю сначала существующій порядокъ отбыванія службы,

(*) Въ Кубанскомъ и въ Терскомъ войскахъ показано только то число частей, какое они выставляютъ въ мирное время. Кромѣ того, вся вообще милиція на Кавказѣ не принята въ расчетъ.

(**) Исчисленіе сдѣлано по штатному и списочному состоянію войскъ по 1-е марта сего года.

Δ 79-8
1
175-5=1
802-18
695

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

№ 8

АВГУСТЪ

1871

С.С.С.Р.
БИБЛИОТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

БИБЛ. С.С.С.Р. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВОЕН. СЕКТ.
В-39-50010.

I.

ОЧЕРКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ 1868 ГОДА

ВЪ ЗАРЯВШАНСКОЙ ДОЛИНѢ

(Съ планомъ боя на Зера-булакскихъ высотахъ).

IV.

Положеніе дѣлъ 29-го мая.—Планъ командующаго войсками.—Планъ его же. — Планъ бухарскихъ и шагрисябскихъ бековъ. — Быстрое движеніе на соединеніе съ ката-курганскимъ отрядомъ.—Дубликатъ донесенія генерала Головачева о ежедневныхъ нападеніяхъ бухарцевъ.—Составъ соединеннаго отряда 11-го іюня. — Выступленіе изъ Ката-Кургана.—Бой на Зерабулакскихъ высотахъ.—Планъ атаки высотъ. — Атака. — Отличное дѣйствіе авангарда. — Атака центра и праваго фланга.—Лагерь у Казы-кишлака.—Первыя баранты. — Разборъ дѣла 2-го іюня и его значеніе.—Рекогносцировка къ сторонѣ Бухары и Карши.—Извѣстіе изъ Самарканда.—Обратное движеніе въ Самаркандъ.— Цитадель Самарканда. — Попытка обмануть коменданта.—Размѣщеніе гарнизона.—Первый день штурма. — Второй день штурма. —Послѣдніе дни обороны.—Взглядъ на оборону цитадели.— Движеніе къ Самарканду командующаго войсками.—Дѣло 8-го іюня.—Прибытіе Мусса-бека и окончательные переговоры о мирѣ.—Новое возмущеніе въ Бухарѣ.— Образованіе временнаго Зарявшанскаго Округа.

Въ послѣднихъ числахъ мая, 30,000 китабцевъ и шагрисябсевъ, сосредоточенныхъ въ Кара-Тюбе и усилившихся массами найманов, карапалпаковъ, жителями Ургута, Пянджакента и другихъ окрестныхъ кишлаковъ, угрожали Самарканду, жители котораго обнаружили уже готовность къ нимъ присоединиться. 30,000 регулярной пѣхоты съ артилеріею и конницею, вмѣстѣ съ вооруженными жителями западной части Зарявшанской Долины, сосредоточенные въ 10-ти верстахъ отъ Ката-Кургана, дѣлали непрерывныя нападенія на отрядъ генерала Головачева, въ которомъ ощущался недостатокъ артилерійскихъ снарядовъ. Въ Чилекѣ Абдулъ-Гафаръ собралъ массу вооруженной конницы, около 15,000, для нападенія на Яны-Курганъ, гдѣ было всего двѣ роты пѣхоты, два горныхъ ору-

дія и двѣ сотни казаковъ, часть которыхъ, около 25 человѣкъ, находилась въ Самаркандѣ. Цитатель Самарканда не была приведена въ состояніе удобное для обороны. Самыя существенныя работы, предположенныя въ ней, не были исполнены и рабочихъ рукъ для исполненія необходимыхъ работъ не было. Сообщеніе съ Ташкентомъ прекратилось. Послать туда достаточно сильную оказію, съ увѣдомленіемъ о положеніи дѣлъ, было невозможно; между тѣмъ долгое неполученіе извѣстія о нашемъ положеніи въ Зарявшанской Долинѣ вредно отражалось на настроеніи умовъ жителей всѣхъ нашихъ городовъ вообще, въ Коканѣ и Алтышарѣ въ особенности.

Разсѣять шагрисябсевъ и предупредить нападеніе на Самаркандъ, несмотря на 27-верстное разстояніе непріятеля, было нельзя, во первыхъ потому, что способъ дѣйствій шагрисябскихъ бековъ, ясно обнаружившійся въ дѣлѣ при Кара-Тюбе, могъ повториться и движеніе туда могло снова не оправдать ожиданій и сдѣлаться безцѣльнымъ; во вторыхъ потому, что необходимо же было послать артилерійскій транспортъ въ Ката-Курганъ, гдѣ, при ежедневномъ нападеніи бухарцевъ, могли израсходоваться всѣ заряды и обнаружиться недостатокъ въ патронахъ, хотя патроны были посланы туда лишь нѣсколько дней назадъ.

Съ другой стороны, нападенія бухарцевъ, сосредоточенныхъ на зера-булакскихъ высотахъ, на ката-курганскій отрядъ, давали поводъ думать, что они примутъ бой на зера-булакскихъ высотахъ, какъ приняли его на самаркандскихъ. Въ такомъ критическомъ положеніи, командующій войсками составилъ слѣдующій планъ. Имѣя въ виду невозможность эскаладировать большую часть стѣнъ цитадели Самарканда, оставить въ ней такъ мало войскъ, какъ только возможно; съ остальными войсками и съ частію артилерійскаго парка двинуться, форсированнымъ маршемъ, на соединеніе съ отрядомъ генерала Головачева, разбить и разсѣять бухарскія войска, сосредоточенныя на зера-булакскихъ высотахъ, и затѣмъ поспѣшить на выручку гарнизона Самарканда, если онъ будетъ осажденъ и находиться въ затруднительномъ положеніи. Планъ этотъ, основанный на предположеніи, что бухарцы примутъ бой на зера-булакскихъ высотахъ, по счастію, оказался вполнѣ удачнымъ. Планъ бухарскихъ и шагрисябскихъ бековъ заключался въ слѣдующемъ: въ случаѣ движенія командующаго войсками въ Ката-Курганъ и соединенія съ генераломъ Головачевымъ, бухарскіе беки должны были отступать во внутрь Бухары, съ цѣлію вовлечь наши войска во внутрь страны и такимъ образомъ облегчить шагрисябскимъ бекамъ

овладѣніе Самаркандомъ; въ случаѣ же движенія командующаго войсками противъ шагрисябсевъ къ Кара-Тюбе, бухарскіе беки должны были, во что бы то ни стало, овладѣть Ката-Курганомъ, не вовлекаясь въ рѣшительной бой съ генераломъ Головачевымъ, если-бы изъ чисто-оборонительныхъ дѣйствій онъ и самъ перешелъ къ наступательнымъ.

Слѣдуя своему плану, командующій войсками, сдѣлавъ распоряженіе объ отправленіи въ Ташкентъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ, о побѣдѣ, одержанной полковникомъ Абрамовымъ при Кара-Тюбе, а генераломъ Головачевымъ подъ Ката-Курганомъ, оставивъ въ Самаркандѣ 95 человѣкъ саперовъ, четыре роты 6-го баталіона, въ которомъ, вмѣстѣ съ музыкантами и нестроевыми—которыхъ можно было при необходимости вооружить ружьями—набралось до 520 человѣкъ, двѣ пудовыя мортиры, два батарейныхъ орудія и четыре бухарскихъ орудія, съ двойнымъ комплектомъ зарядовъ, и 25 казаковъ что все вмѣстѣ составляло почти по одному здоровому на каждаго больнаго и слабаго, находившихся въ лазаретѣ, самъ, на разсвѣтѣ 30-го числа, съ 10 ротами пѣхоты, 6 орудіями и 3 сотнями казаковъ, въ составѣ 792 штыковъ, 6 орудій и 170 шашекъ, форсированнымъ маршемъ двинулся къ Ката-Кургану.

На первомъ привалѣ, въ 20 верстахъ отъ Самарканда, командующій войсками получилъ копію съ дубликата донесенія генерала Головачева, изъ которой узналъ, что 28-го числа утромъ непріятель окружилъ нашъ лагерь въ разстояніи отъ него пяти верстъ, и, простоявъ въ такомъ положеніи три часа, скрылся. На разсвѣтѣ же 29-го числа, 30,000 бухарцевъ, съ тремя горными орудіями, снова атаковали нашъ отрядъ, направляясь преимущественно въ сады лѣвѣе бухарской дороги. Генералъ Головачевъ, оставивъ двѣ роты пѣхоты съ двумя конными орудіями для прикрытія лагеря и расположивъ два парѣзныхъ орудія и ракетную батарею подъ прикрытіемъ 240 стрѣлковъ и 140 казаковъ на бухарской дорогѣ, для дѣйствія противъ праваго фланга направлявшагося въ сады непріятеля, съ 500 человѣкъ пѣхоты, двумя парѣзными, съ двумя конно-облегченными орудіями, атаковалъ лѣвый флангъ бухарцевъ. Благодаря удачнымъ выстрѣламъ пѣхоты и артилеріи, толпы непріятельской конницы разсѣялись и отступили. Въ это время правый флангъ непріятеля, разстроенный огнемъ ракетной батареи и парѣзныхъ орудій, поставленныхъ на бухарской дорогѣ, также сталъ отступать

Въ шесть часовъ утра, на бухарской дорогѣ показались толпы пѣшаго непріятеля, вооруженныя преимущественно батиками. Гене-

ралъ Головачевъ приказалъ генеральнаго штаба подполковнику Дмитровскому, съ двумя ротами стрѣлковъ, поддержанныхъ двумя нарѣзными орудіями, 230 казаками и шестью ракетными станками, атаковать эти толпы. Подполковникъ Дмитровскій двинулся впередъ и, обстрѣлявъ непріятеля огнемъ стрѣлковъ, нарѣзныхъ орудій и ракетной батареи, ударилъ въ штыки. Непріятель бѣжалъ, преслѣдуемый казаками, которые при этомъ изрубили до 70 человѣкъ бѣжавшихъ. Жара не позволяла преслѣдовать дальше, и отрядъ возвратился въ лагерь, потерявъ девять человѣкъ: двухъ убитыми, трехъ тяжело и четырехъ легко ранеными (Изъ девяти человѣкъ трое ранены пулями, шесть саблями и батиками). Потерю непріятеля опредѣлить трудно; но, судя по удачнымъ выстрѣламъ артилеріи и удовлетворительной атакѣ казаковъ, надо полагать, что она была не менѣе 200 человѣкъ. Въ дѣлѣ выпущено 80 артилерійскихъ снарядовъ и 13,155 патроновъ.

Сообщая объ этомъ, генералъ Головачевъ убѣдительно просилъ поспѣшить высылкою зарядовъ и патроновъ, въ которыхъ чувствовался недостатокъ, заставлявшій уже дѣйствовать весьма осторожно.

Командующій войсками рѣшился ускорить движеніе, и, сдѣлавъ въ 25 часовъ (со времени выхода изъ Самарканда) переходъ въ 65 верстъ, утромъ 31-го числа явился въ Ката-Курганъ.

На всемъ пути отъ Самарканда къ Ката-Кургану, на этотъ разъ не явился къ командующему войсками ни одинъ аксакалъ и вся дорога, всѣ кишлаки были совершенно пусты. Ката-Курганъ также замѣтно опустѣлъ: жители разбѣжались. Значительная часть такъ недавно добровольно сдавшагося города была на зерабулакскихъ высотахъ. Продажа жителями провіянта и фуража прекратилась. И то, и другое добывалось фуражировкою.

31-е число войска отдыхали. Нападеній не было. Въ отрядѣ пекли сухари, пополняли разстрѣлянные патроны. Въ десять часовъ утра, перваго іюня, бухарцы подошли къ лагерю, но, послѣ часовой перестрѣлки, удалились.

Перваго іюня численный составъ соединеннаго дѣйствовавшаго отряда былъ слѣдующій: 20 ротъ пѣхоты, шесть сотенъ казаковъ, что составляло всего 1,700 штыковъ, 320 шашекъ, 14 орудій и шесть ракетныхъ станковъ. Изъ этого числа двѣ роты, въ составѣ 260 человѣкъ, составляли гарнизонъ цитадели Ката-Кургана. Что бы предупредить возможность отступленія непріятеля, рѣшено было атаковать бухарскія силы на разсвѣтѣ втораго іюня. Однакожь опасенія были напрасны: бухарцы, измѣнивъ первоначально со

ставленному плану, ждали насъ на Зера-Булакѣ и готовились къ бою. Перваго іюня эмиръ прислалъ своимъ войскамъ слѣдующій приказъ:

«Благодарю васъ, вѣрноподданные мусульмане, за труды, увѣряю васъ, что побѣда еще за нами!

«Потеря Самарканда и Ката-Кургана для насъ еще небольшая потеря. Мы потомки Тамерлана: мы покажемъ какъ забирать наши земли! Мусульмане, я надѣюсь, что вы постараетесь показать кафирамъ, какъ мусульмане бьются за вѣру и отечество. Народъ ожидаетъ побѣды, что бы, по окончаніи битвы, встрѣчая васъ, онъ могъ говорить, что вы сражались за вѣру и уничтожили на своей землѣ кяфировъ. На полѣ битвы будетъ воздвигнутъ памятникъ въ честь убитыхъ героевъ, павшихъ на зера-булакской землѣ, мусульмане! 125,000 тилей, которыхъ требуетъ въ контрибуцію туркестанскій генералъ-губернаторъ, будутъ выданы отъ меня въ награду вамъ. Я надѣюсь, что вы, мои войска, оправдаете мое ожиданіе, и сотрете грязное пятно, которое носятъ на своихъ халатахъ самаркандцы. Прощайте, мусульмане, желаю вамъ успѣха».

Приказъ этотъ былъ прочитанъ при пушечныхъ выстрѣлахъ.

Нашимъ войскамъ приказано было приготовиться заблаговременно къ выступленію, и въ часъ пополуночи начать вытягиваться по бухарской дорогѣ. Въ два часа войска были совершенно готовы къ движенію: командующій войсками, объѣхавъ ряды войскъ, поздравляя ихъ «съ счастливымъ днемъ новой и славной побѣды, которую вы непремѣнно одержите», говорилъ онъ, «если будете драться такъ хорошо, какъ дрались до сихъ поръ». Движеніе началось. Въ авангардѣ шелъ полковникъ Пистолькорсъ съ четырьмя сотнями казаковъ, четырьмя ротами 3-го и 2-мъ стрѣлковаго баталіоновъ, дивизіономъ конно-облегченной казачьей батареи и шестью ракетными станками, всего 280 шашекъ, 790 человѣкъ штыковъ, четыре орудія и шесть станковъ. Главныя силы, подъ начальствомъ полковника Абрамова, составляли четыре роты 4-го баталіона, три роты 5-го баталіона, рота авганцевъ, дивизіонъ батарейной и дивизіонъ нарѣзной батареи, всего съ авганцами 750 штыковъ и восемь орудій.

Затѣмъ въ арьергардѣ, составлявшемъ прикрытіе довольно длиннаго обоза, заключавшаго въ себѣ на десять дней провіянта, спиртъ и запасъ артилерійскихъ принадлежностей, слѣдовалъ маіоръ Тихменевъ, съ четырьмя ротами 9-го баталіона, взводомъ батарейной батареи и сотней казаковъ, всего съ 420 штыковъ и 60 шашекъ.

Съ самаго начала движенія, влѣво отъ дороги, видѣлись то оди-

ночные непріятельскіе всадники, то небольшія конныя партіи, которыя, не отваживаясь подъѣзжать на близкое разстояніе къ нашимъ войскамъ, оглашали степь своими возбуждающими криками. По мѣрѣ того, какъ войска подвигались впередъ и начинало свѣтать, стали обнаруживаться все большія и большія партіи: вся степь была покрыта ими. Воздухъ дрожалъ отъ ихъ оглушительныхъ криковъ, надоѣвшихъ до-нельзя. Въ $3^1/_2$ часа утра, большая толпа бухарцевъ пробовала атаковать обозъ. Бухарскіе джигиты бросились со всѣхъ сторонъ въ атаку, съ отчаяніемъ крича: «олынгъ, олынгъ, охыръ!» (берите, берите же наконецъ). Маіоръ Тихменевъ, замѣтивъ приближеніе толпы, выслалъ одну роту пѣхоты на курганъ, влѣво отъ дороги; рота, разсыпавъ по гребню и по сторонамъ кургана застрѣльщиковъ и открывъ по бухарцамъ частую ружейную пальбу, надолго удерживала сгущавшіяся ихъ конныя массы, въ разстояніи дальняго ружейнаго выстрѣла. Только одиночные всадники рѣшались подъѣзжать довольно близко къ застрѣльщикамъ и успѣли одного изъ нихъ ранить.

На 12-й верстѣ, еще до восхода солнца, открылась наконецъ вся непріятельская позиція.

Въ этомъ мѣстѣ отъ большой бухарской дороги отдѣляется влѣво дорога въ Карши. Пространство, въ разстояніи двухъ верстъ отъ соединенія дорогъ, представляетъ то пологія, то крутыя покатости горъ, перерѣзанныхъ большимъ числомъ лощинъ. Отъ горъ, паралельно дорогѣ въ Карши, отдѣляются нѣсколько узкихъ, съ крутыми боками, отроговъ, разъединенныхъ сухими балками: это зера-булакскія высоты. Вправо отъ дороги, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, пролегаетъ крутой берегъ Нурпая, который, противъ горъ, развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, образующихъ острова съ весьма живописною зеленью. Главная дорога въ Бухару проходитъ черезъ Нурпай, въ трехъ верстахъ отъ высотъ, въ Казы-Кишлакѣ, гдѣ устроенъ довольно широкій и прочный мостъ. Кромѣ того, на пространствѣ между главной бухарской дорогой и хребтомъ Зера-Тау, который тянется паралельно главной дорогѣ, пролегаютъ еще нѣсколько паралельныхъ дорогъ, ведущихъ къ другимъ переправамъ чрезъ Нурпай, по мостамъ устроеннымъ въ кишлакахъ, лежащихъ позади нами названнаго.

Бухарцевъ было до 15,000, отъ 6—8,000 регулярной пѣхоты—сарбазовъ—и 14 орудій: сверхъ того было множество вооруженныхъ жителей западной части Зарявшанской Долины. Говорятъ, что при войскахъ находился и самъ эмиръ, но неизвѣстно, на сколько это достовѣрно. Всѣми бухарскими силами командовали Ходжи (турокъ) и Османъ (бѣглый сибирскій казакъ). Позиція непріятеля простиралась на пять верстъ, вдоль по высотамъ и по сторонамъ дорогъ въ Карши и въ Кермине. Гребень высотъ, почти перпендикулярныхъ къ дорогѣ въ Кермине и частію загнутыхъ къ сторонѣ дороги въ Карши, занимала артилерія, прикрытая небольшими земляными брустверами. На дорогѣ въ Карши стояли массы регулярной конницы съ бунчугами и значками, а на дорогѣ въ Кермине массы вооруженныхъ жителей, конныхъ и пѣшихъ. Вдоль середины покатостей высотъ, почти непрерывною линіей, была разставлена регулярная пѣхота, построенная въ двѣ шеренги, изъ которыхъ первая была вооружена ружьями и саблями, а вторая пиками и батиками. Пѣхота, вмѣстѣ съ артилеріей, доставляла высотамъ двухъ-ярусную оборону.

Командующій войсками не зналъ о существованіи въ этомъ мѣстѣ дороги въ Карши. На маршрутной картѣ пути въ Бухару эта дорога не обозначена. Рекогносцировки же мѣстности, тотчасъ послѣ занятія Ката-Кургана, еще не успѣли сдѣлать. Всѣ были убѣждены, что хребетъ Зера-Тау, который тянется за зера-булакскими высотами паралельно главной бухарской дорогѣ (на разстояніи 60 верстъ между Ката-Курганомъ и Кермине), не заключаетъ въ себѣ проходовъ вблизи зера-булакскихъ высотъ, и что чрезъ Нурпай, на главной бухарской дорогѣ, существуетъ только одна переправа—черезъ мостъ въ Казы-Кишлакѣ.

Атаковать непріятеля можно было двоякимъ образомъ: или со стороны его праваго фланга, съ цѣлію частію опрокинуть въ Нурпай, частію же, занявъ переправу у Казы-Кишлака и отрѣзавъ такимъ образомъ путь въ Бухару, уничтожить при переправѣ; или же со стороны лѣваго фланга, съ цѣлію отбросить къ горамъ Зера-Тау и уничтожить въ широкой лощинѣ (мѣшкѣ), которая углубляется въ отрогахъ Зера-Тау, лежащихъ прямо противъ зера-булакскихъ высотъ, и по которой, какъ оказалось впослѣдствіи, проходитъ широкая дорога въ Карши. Послѣдній планъ представлялъ то преимущество, что непріятель могъ быть всецѣло уничтоженъ, тогда какъ первый, при неупорномъ сопротивленіи, не исключалъ возможности отступленія по главной бухарской дорогѣ, въ особенности, если бы не удалось предупредить бухарцевъ на мосту у Казы-Кишлака. Атака праваго фланга бухарцевъ, гдѣ стояла по преимуществу кавалерія, представляла то неудобство, что, при невозможности завязать кавалерійское дѣло казаками, артилерія наша, разсѣявъ нѣсколькими выстрѣлами бухарскую конницу, набросила бы ее, такъ сказать, на пѣ-

хоту и положила бы начало отступленію бухарской пѣхоты, прежде чѣмъ совокупныя дѣйствія нашей пѣхоты и артилеріи могли нанести ей существенный вредъ. Вотъ почему командующій войсками предпочелъ атаку съ лѣваго фланга.

Незадолго до восхода солнца, онъ поручилъ генералу Головачеву атаковать непріятеля.

Бой на зера-булакскихъ высотахъ, 2-го іюня.

Генералъ Головачевъ, поручивъ полковнику Пистолькорсу атаковать авангардомъ лѣвый флангъ и тылъ расположенія бухарцевъ, свелъ съ дороги колону полковника Абрамова и приказалъ ей выстроиться противъ центра и праваго фланга непріятельской пѣхоты, съ тѣмъ, чтобы, по первому пушечному выстрѣлу, раздавшемуся въ авангардѣ Пистолькорса, двинуться одновременно съ нимъ на высоты и отбросить бухарцевъ въ лощину Зера-Тау.

Полковникъ Абрамовъ, развернувъ 4-й и 5-й баталіоны вправо отъ дороги въ Карши, противъ центра и праваго фланга расположенія сарбазовъ, и поставивъ между ротами этихъ баталіоновъ дивизіоны батарейной и нарѣзной батареи, приказалъ пѣхотѣ и артилеріи открыть пальбу, направляя ружейный огонь по непріятельскимъ сарбазамъ, а артилерійскій на гребень высотъ для сбитія съ нихъ непріятельскихъ орудій.

Колона Абрамова развернулась слишкомъ близко отъ главной бухарской дороги; вслѣдствіе этого ружейный огонь 4-го и 5-го баталіоновъ былъ почти напрасенъ, а артилерійскій не могъ имѣть той степени дѣйствительности, какая была необходима для достиженія цѣли.

Въ четыре часа утра по всей линіи загремѣла канонада.

Бухарцы имѣютъ обыкновеніе пристрѣливать орудія на весьма большія разстоянія, но и при этомъ условіи ихъ выстрѣлы едва-едва долетали до нашихъ орудій, не причиняя имъ вовсе вреда. Изъ всѣхъ нашихъ раненыхъ въ дѣлѣ 2-го іюня, только одинъ былъ раненъ фальконетною пулею, и тотъ изъ казаковъ колоны Пистолькорса.

Пистолькорсъ, сойдя съ дороги и развернувъ 3-й баталіонъ паралельно фронта лѣваго фланга сарбазовъ, дивизіонъ конно-казачьей батареи и двѣ роты стрѣлковаго баталіона противъ фланга, и поставивъ казаковъ въ сотенной колонѣ въ тылу, на пути отступленія бухарцевъ, безъ выстрѣла атаковалъ сарбазовъ и, подойдя на 450 шаговъ къ непріятелю, выдвинулъ конно-казачій дивизіонъ еще болѣе впередъ, приказавъ всему авангарду открыть пальбу.

Сарбазы лѣваго фланга перемѣнили свой фронтъ паралельно фронту нашего авангарда и, желая, въ свою очередь, атаковать нашъ авангардъ, при звукахъ трубъ бросились впередъ.

Конно-казачій дивизіонъ, осыпая сарбазовъ картечью, а 3-й баталіонъ и двѣ роты стрѣлковаго баталіона градомъ ружейныхъ пуль, производили въ рядахъ непріятеля ужасное опустошеніе.

Какъ только раздались выстрѣлы конно-казачьяго дивизіона, генералъ Головачевъ, во главѣ пѣхоты колоны Абрамова, двинулся въ атаку, и притомъ съ такою поспѣшностію, что оба дивизіона, батарейный и нарѣзной, должны были прекратить на время пальбу.

Вскорѣ нарѣзной дивизіонъ возобновилъ пальбу гранатами по лѣвому флангу сарбазовъ, а батарейный направилъ огонь батарейныхъ орудій противъ массъ непріятельской конницы, стоявшей на дорогѣ въ Карши.

Лучи восходящаго солнца освѣтили картину боя.

Сарбазы лѣваго фланга бухарцевъ, осыпаемые съ фронта картечью и градомъ ружейныхъ пуль, съ фланговъ ружейнымъ огнемъ стрѣлковъ и казаковъ, поражаемые сверху осколками разрывавшихся надъ головами ихъ гранатъ, въ припадкѣ полнѣйшей паники остановились и стояли съ поднятыми ружьями, пока звуки трубъ и удары сабель начальниковъ не вывели ихъ изъ этого состоянія, за которымъ слѣдовало безусловное бѣгство.

Роты 4-го и 5-го баталіоновъ бѣлѣли въ облакахъ ружейнаго дыма вдали, подходя къ краснымъ линіямъ непріятельской пѣхоты.

Завидя бѣгство сарбазовъ, Пистолькорсъ приказалъ казакамъ атаковать ихъ. Первая атака казаковъ на бѣжавшихъ сарбазовъ была рѣшительная: казаки изрубили немало бухарцевъ; но когда крутизна подъема не позволила конному дивизіону артилерійскимъ огнемъ поддерживать кавалерійскую атаку и картечь перестала дѣйствовать, сарбазы построились, начали правильное отступленіе, отстрѣливаясь и отражая удары казацкихъ шашекъ, саблями, пиками и батиками. Изъ 18 раненыхъ казаковъ и авганцевъ только четверо были ранены пулями, остальные 14 холоднымъ оружіемъ.

Послѣдующія атаки казаковъ были весьма нерѣшительны. Тѣмъ не менѣе, лощина, гдѣ прошелъ Пистолькорсъ, была могилой для расположенныхъ въ ней сарбазовъ: 1,500 тѣлъ осталось на мѣстѣ, покрывъ лощину смерти такими густыми групами труповъ, что, считая впослѣдствіи убитыхъ, мы не могли по ней проѣхать.

Скоро отступленіе сдѣлалось всеобщимъ, такъ что 4-й баталіонъ, который генералъ Головачевъ и полковникъ Абрамовъ повели

на центръ расположенія пѣхоты, не засталъ на высотахъ непріятеля. Османъ и Ходжа, видя бѣгство лѣваго фланга сарбазовъ, поспѣшно снявъ артилерію съ позиціи, начали отступать частію по дорогѣ, паралельной главной бухарской дорогѣ. Но 5-й баталіонъ, съ которымъ, несмотря на сильный ружейный огонь непріятеля, маіоръ Гриппенбергъ стремительно бросился въ штыки на правый флангъ сарбазовъ, былъ окруженъ бухарцами: сарбазы праваго фланга атаковали сами роты баталіона Гриппенберга съ фронта и фланговъ, въ то время какъ конница бухарская бросилась на нихъ съ тылу.

Горсть храбрыхъ солдатъ 5-го баталіона (всего 280 человѣкъ) была до того закрыта бухарской конницей, что оставшійся на позиціи дивизіонъ батарейной батареи не открылъ по этой конницѣ пальбы только потому, что роты 5-го баталіона, сдѣлавъ молодецкій ударъ въ штыки, успѣли опрокинуть сарбазовъ и, разсѣявъ ихъ конныя массы, во-время обнаружили свое расположеніе. Въ эти нѣсколько минутъ, 5-й баталіонъ потерялъ 17 человѣкъ ранеными; изъ нихъ пятеро ранены пулями и 12 саблями, пиками и батиками.

Привычка туркестанскихъ баталіоновъ бросаться въ штыки прямо съ позиціи, пренебрегая содѣйствіемъ артилеріи, обошлась дорого 5-му баталіону; но, тѣмъ не менѣе, правый флангъ бухарцевъ былъ опрокинутъ, и 5-й баталіонъ, поддержанный ротою авганцевъ, преслѣдовалъ отступавшихъ сарбазовъ съ такимъ увлеченіемъ, что командующій войсками послалъ наконецъ командиру 5-го баталіона приказаніе остановиться, и направилъ къ нему нарѣзной баталіонъ, который, тотчасъ по прибытіи, открылъ по отступающимъ сарбазамъ артилерійскую пальбу.

Критическое положеніе 5-го баталіона было во-время обнаружено генераломъ Головачевымъ, который послалъ начальника своего штаба взять двѣ роты изъ колоны полковника Пистолькорса и поддержать ими 5-й баталіонъ; но 5-й баталіонъ успѣлъ уже принудить непріятеля къ отступленію прежде, чѣмъ подкрѣпленіе могло къ нему подоспѣть.

«Мѣшокъ» оказался дырявый: сарбазы стали скрываться въ горы.

Массы конницы, стоявшія на дорогѣ въ Карши, разсѣянныя огнемъ батарейныхъ орудій, также скрылись съ поля сраженія, отступивъ небольшими партіями, по разнымъ дорогамъ; часовъ около девяти, лишь изрѣдка можно было увидѣть гдѣ-либо въ сторонѣ на быстрыхъ рысяхъ поспѣшно отступавшія въ горы конныя толпы, съ множествомъ значковъ.

Какъ только центръ пѣхоты сарбазовъ сталъ сниматься съ позиціи, генералъ Головачевъ направился къ лѣвому флангу расположенія бухарцевъ, съ котораго непріятель, преслѣдуемый Пистолькорсомъ, старался выйти на дорогу, паралельную главной бухарской дорогѣ. Только одна толпа сарбазовъ отступала, никѣмъ не преслѣдуемая, по направленію къ переправѣ черезъ Нурпай. Генералъ Головачевъ послалъ противъ нея сотню казаковъ и конныхъ авганцевъ, которыя уничтожили ее почти совершенно.

Затѣмъ генералъ Головачевъ, узнавъ, что командующій войсками находится при 5-мъ баталіонѣ, къ которому успѣли уже присоединиться 4-й баталіонъ и дивизіонъ конно-казачьей батареи, и что войска эти преслѣдуютъ непріятеля, отступавшаго на Карши, послалъ полковника Пистолькорса, съ оставшимися при немъ тремя сотнями казаковъ, къ командующему войсками, а самъ съ пѣхотой авангарда направился къ Казы-Кишлаку и овладѣлъ переправой черезъ Нурпай.

Къ десяти часамъ непріятеля не было нигдѣ. Бухарцы скрылись за высоты Зера-Тау, откуда частію разбѣжались по домамъ, частію направились къ Кермине.

Аріергардъ простоялъ все время на мѣстѣ, въ вагенбургѣ; въ 11 часу онъ началъ вытягиваться и направился также къ Казы-Кишлаку, гдѣ предположено было остановить войска на ночлегъ. Когда непріятель скрылся, туда же были посланы 4-й и 5-й баталіоны, съ дивизіонами конной и нарѣзной батареи.

Около 12 часовъ, весь дѣйствовавшій отрядъ стоялъ лагеремъ у переправы на берегу Нурпая, противъ Казы-Кишлака. Къ сожалѣнію, казаки и авганцы, прежде всѣхъ достигшіе Казы-Кишлака, открыли въ немъ баранту; пѣхота послѣдовала ихъ примѣру, съ тѣмъ большею легкостію, что жители Казы-Кишлака сначала защищались.

По прибытіи командующаго войсками въ лагерь, немедленно было приказано прекратить баранту, но запрещеніе не подѣйствовало: пришлось поставить наблюдательный отрядъ, собрать всѣхъ женщинъ на особый дворъ и приставить къ нимъ особый караулъ. Тѣмъ не менѣе, авганцы, солдаты и казаки успѣли набрать въ Казы-Кишлакѣ старыхъ халатовъ, ковровъ, уздечекъ, сѣделъ,ословъ и барановъ. Одиночные выстрѣлы раздавались вплоть до вечера.

Дѣло 2-го іюня было настоящей побѣдой: мы его ставимъ несравненно выше дѣла на самаркандскихъ высотахъ.

Разбитый непріятель отступилъ, бѣжалъ, разсѣялся. Если не на сто верстъ, то на семьдесятъ, къ вечеру навѣрно не было ни одной

вооруженной толпы, считавшей возможнымъ сопротивляться. Дѣйствовавшій отрядъ могъ отдыхать совершенно спокойно.

Разбирая дѣло 2-го іюня съ тактической точки зрѣнія, мы должны отдать полное предпочтеніе дѣйствію авангарда. Дѣйствія главныхъ силъ были далеко менѣе искусны. Въ самомъ дѣлѣ, 4-й баталіонъ, атаковавшій центръ позиціи бухарцевъ, только прогулялся по высотамъ, не страдая отъ выстрѣловъ непріятеля, но и не нанося ему вреда. 5-й баталіонъ, отдѣлившійся отъ 4-го для прикрытія фуры съ ранеными, едва не погибъ подъ ударами окружавшаго его непріятеля и подъ выстрѣлами едва не открытой пальбы своей артилеріи. Восемь орудій дивизіона батарейной батареи и дивизіона нарѣзной батареи остались позади, лишенныя возможности нанести пораженіе бухарцамъ съ близкой дистанціи. Повторилось то же, что и на самаркандскихъ высотахъ. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, болотистый грунтъ земли—въ которой по-колѣни увязла даже пѣхота—могъ служить оправданіемъ оставленія артилеріи назади; на позиціи же зера-булакскихъ высотъ болотъ не было. Вспаханное мѣсто, на которомъ стояли эти восемь орудій, могло служить препятствіемъ только для движенія батарейныхъ орудій; нарѣзной же дивизіонъ могъ слѣдовать съ войсками, громить непріятеля и уничтожать его выстрѣлами.

Пѣхота и артилерія колоны Абрамова были развернуты слишкомъ далеко отъ непріятеля; сверхъ того, пѣхота поставлена была не въ томъ строю, какой необходимо употреблять при дѣйствіи противъ пѣхоты непріятеля. Самый удобный строй, по нашему убѣжденію, при дѣйствіи противъ бухарцевъ—это развернутый фронтъ безъ цѣпи стрѣлковъ, такъ какъ развернутый фронтъ даетъ больше огня и, при малой стойкости непріятельской пѣхоты, совершенно достаточенъ для хорошаго, надежнаго штыковаго удара.

Старые туркестанскіе офицеры совершенно не пользуются преимуществомъ оружія нашей пѣхоты, которая можетъ совершенно безнаказанно разстрѣливать сарбазовъ безъ всякаго съ ихъ стороны вреда. Зачѣмъ же становиться отъ непріятеля такъ далеко, что наши стрѣлки поражать непріятеля выстрѣлами не могутъ, и зачѣмъ, преждевременнымъ ударомъ въ штыки, отрѣшаться отъ огнестрѣльнаго дѣйствія пѣхоты, рискуя одержать нерѣшительную побѣду?

За то дѣйствія авангарда являютъ прекрасный образецъ употребленія войскъ въ бою противъ средне-азіятцевъ. Полковникъ Пистолькорсъ ничего не упустилъ изъ виду: ни образа дѣйствій бухарцевъ, ни дальности выстрѣловъ изъ ружей, ни степени дѣйствительности выстрѣловъ нашей пѣхоты, и на соображеніи всѣхъ этихъ условій основалъ планъ своей атаки.

Поставивъ пѣхоту на разстояніи 450 шаговъ, т. е. на разстояніи дѣйствительнаго огня нашей пѣхоты, онъ далъ ей возможность поражать непріятеля своимъ мѣткимъ огнемъ; будучи внѣ его выстрѣловъ, онъ, уложивъ лощину трупами непріятеля, потерялъ всего только трехъ солдатъ, раненыхъ 3-го баталіона; въ двухъ ротахъ стрѣлковаго баталіона не было ни одного раненаго. У Пистолькорса четыре орудія были впереди, а не назади, и потому, находясь тоже внѣ выстрѣловъ непріятеля, конный дивизіонъ, выпустивъ 34 картечныхъ заряда, производя опустошеніе въ рядахъ сарбазовъ, не позволилъ непріятелю подойти близко къ нашей пѣхотѣ и нанести ей вредъ. Изъ авангарда Пистолькорса пострадали только казаки, да авганцы конной сотни—и тѣ, и другіе по своей винѣ: первые потому, что дѣлали нерѣшительныя атаки, вторые потому, что начали торговаться съ сарбазами, обѣщая за вещи и за деньги не стрѣлять въ нихъ. Говорятъ, что Искандеръ-ханъ, замѣтивъ этотъ постыдный торгъ, поѣхалъ по рядамъ и, лично изрубивъ нѣсколькихъ авганцевъ, заставилъ ихъ драться честно, какъ слѣдуетъ всякимъ честнымъ войскамъ. Оттого и результатъ дѣла, и успѣхъ боя самый лучшій былъ на нашемъ правомъ флангѣ. Между тѣмъ какъ лощина, гдѣ прошелъ Пистолькорсъ, была сплошь устлана трупами сарбазовъ, впереди позиціи, занимаемой главными силами, было не болѣе 150 убитыхъ, преимущественно тамъ, гдѣ ложились первые удачные выстрѣлы батарейныхъ и нарѣзныхъ орудій, да гдѣ попадали выстрѣлы 5-го баталіона, провожавшіе опрокинутыхъ и отступавшихъ въ порядкѣ сарбазовъ.

Дѣло 2-го іюня обнаружило, между прочимъ, что бухарцы пріобрѣтаютъ уже нѣкоторый навыкъ въ бою. Встрѣча атаки атакою, вступленіе въ рукопашный бой и затѣмъ правильное отступленіе, съ цѣпью стрѣлковъ, отстрѣливаясь, все это должно быть принято во вниманіе при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, если они случатся въ будущемъ.

Дѣйствія полковника Пистолькорса на лѣвомъ флангѣ непріятеля, имѣвшія рѣшительное вліяніе на успѣхъ боя, въ тактическомъ отношеніи составляютъ безукоризненно-прекрасный образчикъ употребленія войскъ сообразно свойствамъ противника и его вооруженію.

Главная цѣль, указанная командующимъ войсками генералу Головачеву, хотя и не была достигнута вполнѣ, но, при существованіи дороги въ Карши, выполненіе ея теряло значеніе необходимости.

Какъ бы то ни было—непріятель былъ разбитъ на-голову. Потеря, понесенная имъ на высотахъ, оказалась совершенно достаточною для достиженія главной цѣли атаки силъ бухарцевъ. Оставалось убѣдиться въ правильности взгляда на значеніе побѣды. Съ этою цѣлію, 3-го іюня, командующій войсками лично сдѣлалъ рекогносцировку мѣстности вплоть до высотъ Зера-Тау. Ни казаки, ни джигиты, взлетѣвшіе на гребень высотъ Зера-Тау, не обнаружили непріятеля. Жители южнаго склона Зера-Тау объявили, что войска эмира разсѣялись, и что во всей долинѣ Карши нѣтъ нисколько вооруженныхъ. Джигиты команды штабсъ-капитана Ренне не упустили при этомъ случая воспользоваться рекогносцировкой и пригнали стадо барановъ, что было очень кстати, такъ какъ въ опустѣлыхъ кишлакахъ нельзя было достать мяса.

Рекогносцировка къ сторонѣ Кермине, по главной бухарской дорогѣ, привела къ тому же убѣжденію.

Путь въ Бухару былъ снова открытъ, и притомъ открытъ вполнѣ. Лазутчики доставили свѣдѣніе, что у эмира всего осталось до 200 человѣкъ конвоя, съ которымъ онъ трепещетъ въ Кермине.

Въ полдень 3-го числа, сартъ, прискакавшій изъ-подъ Самарканда, объявилъ, что въ Самаркандъ ворвались шагрисябсы съ намѣреніемъ осадить гарнизонъ; но жители, своевременно сообщивъ объ этомъ коменданту, соединились съ гарнизономъ и уничтожили шагрисябсевъ, заперевъ предварительно всѣ выходы изъ города. Между тѣмъ, съ самаго выхода изъ Самарканда, командующій войсками не получалъ отъ маіора фонъ-Штемпеля, оставленнаго тамъ комендантомъ, ни одного донесенія. Довѣряться подобному извѣстію было бы болѣе чѣмъ ошибочно, и потому командующій войсками счелъ за лучшее, слѣдуя первоначально составленному плану, поспѣшить въ Самаркандъ.

4-го іюня дѣйствующій отрядъ отдыхалъ. Командующій войсками благодарилъ войска за бой на зера-булакскихъ высотахъ слѣдующимъ приказомъ: «Благодарю, храбрыя войска, за славное дѣло, 2-го іюня, на зера-булакскихъ высотахъ. Непріятель будетъ помнить этотъ день и свою громадную потерю. Спасибо вамъ, молодецкія войска!»

5-го іюня отрядъ возвратился въ Ката-Курганъ.

Мы уже говорили, что, уходя 30-го числа въ Ката-Курганъ, командующій войсками, для обороны цитадели города Самарканда, оставилъ въ немъ 558 штыковъ, считая въ томъ числѣ музыкантовъ и нестроевыхъ; сверхъ того 95 человѣкъ саперовъ и 94 парковыхъ артилеристовъ. Казаковъ предположено было оставить сотню, но, по ошибкѣ, въ цитадели осталось только 25 казаковъ, недавно пришедшихъ изъ Яны-Кургана, которыхъ велѣно было отправить обратно для доставленія въ Ташкентъ кореспонденціи. Такимъ образомъ, свѣдѣнія о положеніи дѣлъ остались въ Самаркандѣ, а Ташкентъ, попрежнему, остался въ безусловномъ невѣдѣніи о томъ, что дѣлается въ долинѣ Зарявшана.

Мы говорили также, что цитадель Самарканда оставлена была въ положеніи неудобномъ для обороны.

Цитадель города Самарканда (*) — это неправильный многоугольникъ съ двумя входящими и четырьмя исходящими углами, соединенными мѣстами прямыми, мѣстами вогнутыми и выпуклыми линіями. Стороны этого многоугольника обнесены глинобитною стѣною, вышиною отъ трехъ до шести саженъ, и рвомъ глубиною отъ двухъ и шириною до десяти-двадцати пяти саженъ. Только сѣверо-восточная часть стѣны не имѣла рва и была не выше трехъ до пяти аршинъ, но за то она стояла на берегу глубокаго оврага, съ довольно крутыми берегами. Въ стѣнахъ во многихъ мѣстахъ были проломы, а эскарпъ и контръ-эскарпъ противъ проломовъ были удобовосходимы.

Западная сторона цитадели прилегаетъ къ садамъ, къ открытой мѣстности, а восточная и южная къ саклямъ и улицамъ города. Въ цитадели два выхода, закрытые большими воротами: съ южной стороны — Бухарскими, съ восточной — Самаркандскими. Ни стѣны, ни ворота не были приспособлены ни къ пушечной, ни къ ружейной оборонѣ. Длина линіи огня цитадели около $2^1/_2$ верстъ, длина внутренней площади 450 саженъ, ширина 300 — 350 саженъ. Вся площадь внутренняго пространства, перерѣзанная рядомъ продольныхъ и поперечныхъ, то узкихъ, то широкихъ, улицъ, была сплошь застроена казармами и саклями, составлявшими жилище бековъ, сарбазовъ и прислуги—бековъ, принадлежавшихъ къ военной и гражданской администраціи самаркандскаго бекства—и вмѣщала въ себѣ еще нѣсколько мечетей, кладбище и дворецъ главнаго самаркандскаго бека, съ дворцомъ эмира, въ которомъ, на тронномъ дворѣ, помѣщался знаменитый кокъ-ташъ, т. е. тронъ Тамерлана.

Мы имѣли случай упомянуть уже о томъ, что работы по приве-

(*) При чтеніи описанія самаркандской цитадели и ея обороны можетъ служить *планъ*, приложенный къ статьѣ И. К. Чернова „Защита Самарканда въ 1868 году“, которая помѣщена въ «Военномъ Сборникѣ» за 1870 г. № 9.
Ред.

денію этой цитадели въ оборонительное состояніе начались съ 14-го числа и были указаны самимъ командующимъ войсками; что ежедневно на работы сперва наряжали по 500 человѣкъ, изъ которыхъ 250 работали утромъ и 250 вечеромъ; наконецъ, что вскорѣ обстоятельства кампаніи уничтожили всякую возможность вести непрерывно эти работы достаточнымъ числомъ рабочихъ и заставили ограничить ея дѣятельностью лишь $^1/_5$ людей, первоначально предназначенныхъ для исполненія всѣхъ необходимыхъ работъ. Вслѣдствіе этого, къ 30-му мая, успѣли только разрушить сакли во всю ширину, по срединѣ цитадели, для образованія эспланады, въ 25 саженъ ширины, да исправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эскарпъ и обрыть часть круто-берега (оврага) съ сѣверо-восточной стороны цитадели. Такимъ образомъ, хотя высота стѣнъ, исключавшая во многихъ мѣстахъ всякую возможность эскалады, и уменьшала почти на половину длину линіи огня, но все же, и при этомъ условіи, гарнизонъ, оставленный въ Самаркандѣ, былъ слишкомъ малъ для обороны такой обширной цитадели и для тѣхъ работъ, которыя необходимо было выполнить, чтобы гарантировать гарнизонъ отъ значительныхъ потерь и критическаго положенія.

Къ этому необходимо еще прибавить, что хотя цитадель города Самарканда и стоитъ на возвышенномъ мѣстѣ, командуя городомъ, но вся внутренняя ея площадь совершенно открыта для выстрѣловъ съ высокихъ предметовъ, каковы, напримѣръ, большія мечети города, стоящія отъ цитадели въ весьма близкомъ разстояніи.

Гарнизонъ цитадели былъ надолго обезпеченъ водой и продовольственными припасами, а артилерійскій складъ вмѣщалъ въ себѣ богатый запасъ патроновъ—до 220,000—и достаточный запасъ артилерійскихъ снарядовъ и зарядовъ.

Въ лазаретѣ было 450 больныхъ и раненыхъ, т. е. немногимъ менѣе чѣмъ здоровыхъ.

Въ теченіе двухъ дней, 30-го и 31-го мая, гарнизонъ, продолжая оборонительныя работы, успѣлъ заложить нѣсколько малыхъ проломовъ, да окончить крутое обрытіе берега и сѣверо-восточной части стѣны; приспособилъ къ оборонѣ немного сакль противъ большихъ проломовъ, устроилъ три барбета: два на кладбищѣ и одинъ у сарбазскаго двора, да началъ приспособленіе башни у Бухарскихъ Воротъ къ постановкѣ орудія.

Въ это же время, для усиленія артилерійской обороны, успѣли снарядить 150 бухарскихъ гранатъ; для употребленія, вмѣсто ручныхъ, сдѣлали двѣ деревянныхъ переносныхъ трубы, для спуска ракетъ, и вооружили два барбета на кладбищѣ бухарскими орудіями, а барбетъ у сарбазскаго двора, противъ калитки, новою мортирою. Два батарейныхъ, два бухарскихъ орудія и мортира остались въ резервѣ.

30-го и 31-го мая въ городѣ было тихо и покойно, но окрестности наводнялись населеніемъ Міанкальской Долины, массами шагрисябсевъ, китабцевъ, ургутцевъ, наймановъ и китай-кипчаковъ, стекавшимися со всѣхъ сторонъ на освобожденіе священнаго города. Самаркандцы, искусно скрывая измѣну, готовились тоже къ нападенію. Комендантъ, по недостатку лазутчиковъ, лишенъ былъ всякой возможности услѣдить за тѣмъ, что дѣлается вокругъ, а аксакалы, безпрерывно являясь къ коменданту по разнымъ дѣламъ, съ цѣлію усыпить его бдительность, зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается въ цитадели.

Вечеромъ 1-го іюня, аксакалы отъ Хаджи-арарскихъ Воротъ явились къ коменданту съ просьбою послать войска, чтобы прогнать шагрисябсевъ, которые будто бы желаютъ ворваться въ городъ; маіоръ фонъ-Штемпель послалъ туда маіора Альбедиля съ ротой 6-го баталіона; но маіоръ Альбедиль не засталъ никого у названныхъ воротъ: жители, имѣющіе сакли у самыхъ воротъ, объявили, что они вовсе не видали шагрисябсевъ, и потому маіоръ Альбедиль возвратился въ цитадель.

Нѣсколько позже, наблюденія съ крыши дворца эмира обнаружили на чапанъ-атинскихъ высотахъ большія массы вооруженныхъ жителей, а аксакалы явились съ донесеніемъ, что это китай-кипчаки, собравшіеся съ намѣреніемъ ворваться въ городъ для грабежа, и просили коменданта защитить ихъ отъ предстоящей опасности.

Все было готово къ нападенію на цитадель; коварные аксакалы желали только обмануть коменданта, расчитывая занять цитадель безъ труда, какъ только онъ выйдетъ съ гарнизономъ за городъ, для разсѣянія шаекъ.

Въ три часа утра 2-го іюня, аксакалы отъ Хаджи-арарскихъ Воротъ сдѣлали новую попытку обмануть коменданта: они объявили, что шагрисябсы снова подошли къ воротамъ съ намѣреніемъ ворваться въ городъ. Маіоръ Штемпель немедленно направился туда съ ротой 6-го баталіона, полуротой саперовъ и двумя орудіями и, найдя небольшую шайку вооруженныхъ, открылъ по нимъ пальбу изъ орудій и ружейную. Вправо отъ дороги, въ садахъ, тѣснились густыя массы вооруженныхъ. Маіоръ Штемпель направилъ и туда огонь; шайки побѣжали, не отвѣчая на выстрѣлы, по направленію къ Бухарскимъ Воротамъ. Аксакалы стали просить не стрѣлять въ нихъ,

потому что это самаркандцы, якобы вооружившіеся для защиты отъ шаекъ шагрисябсевъ и китай-кипчаковъ. Не довѣряя аксакаламъ, маіоръ Штемпель, воспользовавшись отступленіемъ шаекъ отъ Хаджи-арарскихъ Воротъ, заперъ ихъ и поспѣшно направился къ Бухарскимъ Воротамъ цитадели, гдѣ засталъ подходившими къ этимъ воротамъ массы вооруженныхъ самаркандцевъ.

Отбросивъ ихъ къ сторонѣ дороги въ Бухару, маіоръ фонъ-Штемпель, убѣжденный окончательно въ измѣнѣ самаркандцевъ, вошелъ въ цитадель, заперъ ворота и началъ готовиться къ оборонѣ питадели. Изъ всѣхъ аксакаловъ, только одинъ старшій, Каты-Аминъ, явился къ коменданту, прося убѣжища въ цитадели. Онъ объявилъ, что семейство его увезли въ Ургутъ, имущество разграблено за преданность къ русскимъ. Но и онъ обманулъ: семейство его было перевезено съ почетомъ въ Ургутъ, а имущество сохранено до послѣдней мелочи.

Изъ сказаннаго видно, что довѣрію къ самаркандцамъ не было конца; говорятъ, что только убѣжденія опытнаго въ пониманіи азіятцевъ войсковаго старшины Сѣрова подѣйствовали на коменданта на столько, что онъ убѣдился, наконецъ, въ обманѣ и заперъ ворота. Такимъ образомъ, къ минутѣ нападенія, ни стѣны цитадели Самарканда не были приспособлены къ ружейной оборонѣ, ни ворота не были приведены въ оборонительное состояніе и предохранены отъ зажженія, ни пространство впереди воротъ не было очищено хотя сколько-нибудь, для того чтобы возможно было поражать непріятеля выстрѣлами изъ-за закрытій. Какъ бы ни было мало рукъ для инженерныхъ работъ, но эти работы возможно было исполнить, такъ какъ онѣ были существеннѣе тѣхъ, которыми занимались люди 30-го и 31-го мая.

2-го іюня гарнизонъ, для обороны цитадели, былъ размѣщенъ слѣдующимъ образомъ:

Въ сѣверной части цитадели, у сарбазскаго двора, противъ калитки ведущей къ роднику, была поставлена одна мортира, подъ прикрытіемъ 2-й роты и 6-го баталіона; на барбетахъ, устроенныхъ на кладбищѣ, по сторонамъ мечети, два бухарскихъ орудія, подъ прикрытіемъ взвода 3-й роты, усиленнаго слабыми 5-го баталіона. Самаркандскія и Бухарскія ворота, по восточной и южной части цитадели, были заняты караулами въ 25 человѣкъ отъ стрѣлковой роты и усилены: первые 10, вторые 40 человѣкъ отъ 2-й роты; западная часть стѣны была занята фурштатами, писарями, музыкантами и казаками; исходящій уголъ между Бухарскими и Самаркандскими

воротами — саперами. Въ промежуткѣ между названными мѣстами, вдоль по всей сѣверной, восточной и южной стѣнѣ, стояли часовые отъ стрѣлковой роты. Затѣмъ въ резервѣ остались: часть 1-й и взводъ 3-й ротъ, слабые 9-го баталіона, взводъ батарейной батареи, одна мортира и одно бухарское орудіе.

При извѣстіи объ опасности, воодушевленіе гарнизона было полное. Всѣ офицеры, чиновники, купцы и прикащики, оставшіеся въ Самаркандѣ, выздоравливавшіе изъ больныхъ и слабые разныхъ частей, числомъ около 140 человѣкъ, изъявили добровольное желаніе принять участіе въ оборонѣ. Подполковникъ Назаровъ, не обращая вниманія на старшинство въ чинѣ, добровольно сталъ въ ряды защитниковъ, охотно подчинивъ себя младшему по чину коменданту.

2-го іюня, въ 4 часа утра, т. е. въ то самое время, какъ раздалась канонада на зера-булакскихъ высотахъ, въ то время, когда командующій войсками приказалъ атаковать бухарцевъ, Ката-Тюръ, Джурабій и Баба-бій-бекъ повели свои несмѣтныя орды на освобожденіе трона Тамерлана. Шагрисябсы, жители Ургута, Самарканда, жители Міанкальской Долины, найманы, каракалпаки, китай-кипчаки, съ барабаннымъ боемъ, при звукахъ трубъ и съ криками «ур! ур!» наводнили улицы Самарканда, ведущія къ цитадели, заняли сады и сакли и, открывъ изъ сакель мѣткую пальбу по гребню стѣнъ и по проломамъ, атаковали цитадель со всѣхъ сторонъ; они бросились на штурмъ семи пунктовъ одновременно. Бухарскія и Самаркандскія ворота, проломы, лѣвѣе Бухарскихъ и правѣе Самаркандскихъ воротъ, кладбище, калитка противъ родника на сѣверной части стѣны и проломы западной части стѣны—были осыпаны градомъ фальконетныхъ и ружейныхъ пуль; изъ оконъ и съ крышъ сакель, стоявшихъ въ промежуткахъ между этими пунктами, и изъ садовъ начался неумолкаемый огонь мѣткихъ шагрисябскихъ стрѣлковъ; по внутренности цитадели, во всѣ мѣста гдѣ были сосредоточены части нашего гарнизона, по ханскому дворцу и по лазарету открылась пальба изъ орудія и фальконетовъ, поставленныхъ на крышахъ самыхъ высокихъ древнѣйшихъ мечетей Самарканда; ружейный огонь сартовъ, засѣвшихъ въ минаретахъ и на крышахъ ближайшихъ къ цитадели мечетей, и камни, пускаемые изъ пращей, были поддержкой огню фальконетовъ. Во всей цитадели не было мѣста, закрытаго отъ выстрѣловъ. Фальконетныя пули залетали даже въ комнаты ханскаго дворца. Шагрисябскіе стрѣлки били на выборъ въ любое мѣсто головы показывавшихся на стѣнахъ нашихъ стрѣлковъ, убивая на повалъ или нанося смертельныя раны.

Какъ только обозначились пункты атаки, маіоръ фонъ-Штемпель, послав по одному изъ орудій батарейнаго взвода къ воротамъ, мортиру къ пролому лѣвѣе Бухарскихъ Воротъ, а бухарское орудіе на кладбище, усиливъ посты на атакованныхъ пунктахъ частью людей 1-й роты, направилъ слабыхъ 9-го баталіона къ пролому лѣвѣе Бухарскихъ Воротъ и, поручивъ артилеріи капитану Михневичу распредѣлить артилеристовъ съ ручными гранатами на всѣхъ атакованныхъ пунктахъ, сталъ направлять горсть оставшагося резерва на тѣ пункты, гдѣ наиболѣе необходима была поддержка.

Огонь нашихъ стрѣлковъ, направленный съ высокихъ стѣнъ цитадели и сквозь проломы по непріятелю, засѣвшему въ сакляхъ, столпившемуся въ узкихъ и кривыхъ улицахъ города подъ прикрытіемъ сакель и въ мертвыхъ пространствахъ стѣнъ, не могъ быть чувствителенъ. Массы непріятеля почти безнаказанно бросались къ воротамъ, первоначально съ намѣреніемъ разбить ихъ, потомъ съ горящими головнями и мѣшками пороху, съ цѣлію зажечь ихъ; въ это же время густыя толпы, собравшіяся въ мертвыхъ пространствахъ у подошвы пролома, лѣвѣе Бухарскихъ Воротъ, стали подкапывать основаніе стѣнъ, а толпа, подъ предводительствомъ муллъ и ходжей, съ помощію надѣтыхъ на руки и на ноги желѣзныхъ кошекъ, покровительствуемая мѣткимъ огнемъ стрѣлковъ, стала эскаладировать стѣну у кладбища. Видъ мечети, стоящей возлѣ самой стѣны, возбуждалъ фанатическое рвеніе и горячность мусульманъ.

Неустройство эспланадъ, впереди воротъ, неразрушеніе сакель вокругъ стѣнъ и неустройство прикрытій для стрѣлковъ на гребнѣ стѣнъ уничтожали всякую возможность успѣшно поражать непріятеля выстрѣлами изъ орудій и ружейнымъ огнемъ. Страдая сильно отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, гарнизонъ нашъ на всѣхъ пунктахъ отражалъ непрерывные натиски мусульманъ, прорывавшихся мѣстами въ цитадель, огнемъ ручныхъ гранатъ, да молодецкимъ употребленіемъ въ дѣло штыка, поддержаннаго огнемъ ружей и орудій съ самаго близкаго разстоянія. Самые энергическіе приступы были направляемы на кладбище, на ворота и проломъ лѣвѣе Бухарскихъ Воротъ.

Высота стѣнъ западной стороны цитадели заставила ограничить усилія непріятеля одной перестрѣлкой, а на сѣверной сторонѣ штурмъ повторялся два раза, но всякій разъ огонь мортиры и ручныхъ гранатъ разсѣявалъ штурмовавшія массы, которыя отступивъ вели лишь перестрѣлку.

Непрерывные приступы на кладбище, Самаркандскія и Бухарскія

ворота, при значительной убыли ихъ защитниковъ, убитыми и ранеными, и при сильномъ утомленіи людей, все это требовало поддержки ихъ резервомъ. Маіоръ фонъ-Штемпель, оставивъ при себѣ, какъ послѣднее средство для выручки на самомъ опасномъ пунктѣ, три десятка рядовыхъ 1-й роты, направлялъ взводъ 3-й роты всюду, гдѣ непріятель дѣйствовалъ наиболѣе настойчиво. И надо удивляться быстротѣ, съ какою 3-й взводъ, несмотря на полуверстное разстояніе, отдѣлявшее ханскій дворецъ отъ Бухарскихъ Воротъ, поспѣвалъ всюду, гдѣ была въ немъ надобность. Направленный комендантомъ къ кладбищу, онъ поддержалъ защитниковъ кладбища; какъ только массы, штурмовавшія кладбище, были отбиты, 3-й взводъ, подъ начальствомъ распорядительнаго подпоручика Сидорова, бросился къ Самаркандскимъ Воротамъ, помогъ отбить отчаянный приступъ непріятеля на эти ворота и затѣмъ, поспѣшивъ къ Бухарскимъ Воротамъ, успѣлъ поддержать защитниковъ этихъ воротъ, которыя непріятель успѣлъ уже зажечь.

Къ вечеру Самаркандскія Ворота также были зажжены, но баррикада, устроенная штабсъ-капитаномъ Богаевскимъ позади воротъ, помѣшала штурмовавшимъ ворваться въ цитадель.

Маіоръ фонъ-Штемпель, направивъ къ Самаркандскимъ Воротамъ послѣдній резервъ изъ нижнихъ чиновъ 1-й роты, поручилъ оборону воротъ инженеръ штабсъ-капитану Богаевскому и командиру 1-й роты, капитану Шеметилло, а охраненіе Бухарскихъ Воротъ возложилъ на подполковника Назарова, давъ ему двухъ саперныхъ офицеровъ, 95 человѣкъ саперовъ и слабыхъ 9-го баталіона.

Атаки непріятеля на ворота были непрерывны. Непріятель, отбитый огнемъ ручныхъ гранатъ и штыками отъ воротъ, отступалъ, но потомъ, собравшись въ улицахъ, закрытыхъ отъ нашихъ выстрѣловъ, снова бросался на ворота, проломы, кладбище. Штабсъ-капитанъ Богаевскій, вскорѣ по прибытіи къ Самаркандскимъ Воротамъ, былъ раненъ. Капитанъ Шеметилло засталъ ворота въ огнѣ.

Капитанъ Шеметилло, слѣдуя указаніямъ штабсъ-капитана Богаевскаго, приказалъ потушить горѣвшія ворота, исправилъ поврежденную баррикаду и, при поддержкѣ огня орудій и стрѣлковъ стоявшихъ на кладбищѣ, продолжалъ до утра уничтожать попытки непріятеля разрушить ворота. Защитники воротъ, прикрытые отъ огня съ фронта, теряли немного убитыми и ранеными. Не то сдѣлалъ подполковникъ Назаровъ. Заставъ Бухарскія Ворота въ огнѣ, онъ приказалъ, выстрѣлами изъ батарейнаго орудія, разрушить ихъ окончательно, и такимъ образомъ открылъ саперовъ и слабыхъ 9-го баталіона убій-

ственному огню непріятельскихъ стрѣлковъ, стрѣлявшихъ изъ-за закрытій. Непріятель, ободренный надеждою ворваться въ цитадель, послѣ продолжительной мѣткой стрѣльбы, нѣсколько разъ бросался въ ворота, но всякій разъ, осыпанный картечью и встрѣченный дружнымъ ударомъ саперовъ въ штыки, отступалъ съ сильнымъ урономъ, не успѣвъ подобрать убитыхъ и раненыхъ. Подпоручики Черкесовъ и Воронецъ, командовавшіе саперами, воспользовавшись этимъ, устроили завалъ изъ мѣшковъ, чтобы прикрыть по крайней мѣрѣ орудія; но они расположили завалъ не на наружной сторонѣ воротъ, а на внутренней, въ видахъ увеличенія пространства пораженія картечью. Такимъ образомъ, ворота, представлявшія отличное закрытіе, если бы были приведены въ оборонительное состояніе, что нетрудно было сдѣлать (95 человѣкъ саперовъ), потеряли для саперовъ и слабыхъ 9-го баталіона всякое значеніе, и потеря у Бухарскихъ Воротъ убитыми и ранеными продолжала быть громадною. Послѣ этого, въ теченіе ночи, массы непріятеля дѣлали еще три приступа, но всякій разъ безуспѣшно.

Потеря гарнизона въ первый день штурма была весьма велика: два офицера и двадцать нижнихъ чиновъ убиты; штабъ-офицеръ, три оберъ-офицера и 54 нижнихъ чиновъ ранены; всего 80 человѣкъ выбыли изъ строя.

Ночью, съ помощію арбачей и авганцевъ, весь артилерійскій паркъ былъ переведенъ съ арбазскаго двора въ ханскій дворецъ.

Утромъ 3-го іюня, непріятель продолжалъ такую же пальбу по внутренней площади и стѣнамъ цитадели, какъ и наканунѣ. Въ четыре часа утра большія массы, собравшись въ улицахъ противъ Самаркандскихъ Воротъ съ горящими головнями и мѣшками пороху, бросились къ этимъ воротамъ и, несмотря на огонь ручныхъ гранатъ, пальбу ружейную и артилерійскую, направленную въ нихъ съ кладбища, успѣли зажечь ворота. Потушить ихъ не было никакой возможности. Штабсъ-капитанъ Богаевскій предложилъ заложить ворота мѣшками съ землей, оставивъ отверстіе для орудія. Такъ и сдѣлали. Непріятель пытался еще разъ атаковать ворота; но, осыпанный картечью изъ орудія, поставленнаго въ воротахъ, а также стоявшихъ на барбетахъ кладбища, бѣжалъ, оставивъ массу тѣлъ, и во весь день больше не повторялъ нападеній на Самаркандскія Ворота.

Въ пять часовъ непріятель ворвался въ проломъ лѣвѣе Бухарскихъ Воротъ, но, встрѣченный картечной гранатой и штыками, отступилъ.

Въ десять часовъ утра огромныя толпы непріятеля ворвались въ цитадель съ двухъ противоположныхъ сторонъ: съ западной, противъ провіянтскаго склада, и съ восточной, въ проломъ, правѣе Самаркандскихъ Воротъ. Какъ только разнеслось объ этомъ извѣстіе, 25 человѣкъ больныхъ и легко-раненыхъ, взявъ ружья, бросились къ провіянтскому складу и, соединясь съ фурштатами, писарями и музыкантами, встрѣтили непріятеля дружнымъ ударомъ въ штыки и вступили въ свалку. Въ это время подоспѣли взводъ 2-й роты, направленный комендантомъ отъ сарбазскаго двора, одно орудіе, снятое съ барбета на кладбищѣ, и команда артилеристовъ съ ручными гранатами. Непріятель былъ выбитъ и отступилъ съ урономъ.

Проломъ правѣе Самаркандскихъ Воротъ также отстояли.

Въ одиннадцать часовъ утра, послѣ продолжительной, усиленной стрѣльбы по Бухарскимъ Воротамъ, толпы фанатиковъ сдѣлали отчаянный приступъ на эти ворота, эскаладируя стѣны вправо и влѣво отъ воротъ. Команда подполковника Назарова, осыпанная ружейнымъ огнемъ черезъ ворота и камнями съ гребня стѣнъ взобравшагося туда непріятеля, отвѣчала сначала огнемъ картечи и ружей; когда же непріятель вскочилъ на завалъ, встрѣтила его молодецкимъ ударомъ въ штыки. Во время свалки, храбрый подпоручикъ Служенко, лично направляя огонь орудія въ болѣе густыя толпы фанатиковъ, былъ пораженъ тремя пулями и умеръ, какъ истый артилеристъ, на орудіи, крича до послѣдней минуты жизни: «ура братцы! пли!» Послѣ свалки, продолжавшейся около четверти часа, подполковникъ Назаровъ опрокинулъ непріятеля и преслѣдовалъ по улицамъ города, несмотря на фланговый огонь, направленный изъ оконъ и съ крышъ саклей. Во время преслѣдованія подпоручикъ Черкасовъ исправилъ завалъ.

Въ двѣнадцать часовъ попытки непріятеля сосредоточились противъ кладбища, но также не имѣли успѣха.

До трехъ часовъ пополудни, ружейная пальба и канонада орудій гремѣли не умолкая. Барабанный бой, звуки трубъ, возбуждающіе крики не прекращались. Утомленіе людей, которыхъ смѣнить было некѣмъ, было крайнее. Чтобы поддержать упадающія силы гарнизона, купецъ Трубчаниновъ и прикащикъ купца Хлудова Самаринъ пожертвовали большую часть своихъ запасовъ чая, вина и водки. Они понимали усталость людей, потому что сами дрались въ рядахъ солдатъ, какъ истые храбрые воины.

Въ три часа пополудни, Джурабій Ката-тюръ и Баба-бекъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной командующимъ войсками на

С.С.С.Р.

зера-булакскихъ высотахъ, отвели шагрисябсевъ по дорогѣ къ Ургуту; пайманы, каракалпаки, китай-кипчаки потянулись на чапанъ-атинскія высоты, остальные отошли въ сады. Пальба съ обѣихъ сторонъ прекратилась. Но въ пять часовъ мусульмане опять двинулись къ цитадели, возобновивъ пальбу и приступы такими же густыми толпами, съ такою же отчаянною рѣшимостью и фанатизмомъ; однако свалки были менѣе продолжительны и бѣгство, послѣ неудачныхъ приступовъ, болѣе поспѣшное. Воспользовавшись этимъ, капитанъ Шеметило сдѣлалъ вылазку изъ Самаркандскихъ Воротъ и зажегъ близлежащія сакли, разрушивъ ближайшія къ воротамъ, на сколько было возможно, по ограниченному числу рукъ его команды.

Потеря наша въ этотъ второй день штурма простиралась до 70 человѣкъ убитыми и ранеными. Въ оба дня убыло изъ строя 150 человѣкъ; остальные были утомлены и обезсилены. Имѣя въ виду подобную же потерю и въ слѣдующіе дни, не зная ничего о результатахъ движенія командующаго войсками къ Ката-Кургану и о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ, въ случаѣ пораженія бухарскихъ войскъ, маіоръ фонъ-Штемпель пришелъ къ убѣжденію, что оборонять всю цитадель тѣмъ малымъ числомъ людей, какое у него осталось, долѣе нельзя. При такомъ убѣжденіи былъ составленъ слѣдующій планъ въ случаѣ прорыва непріятеля въ цитадель: отступить въ ханскій дворецъ, запереться въ немъ и оборонять его до послѣдней крайности; если же и туда прорвется непріятель, взорвать на воздухъ порохъ и снаряды. Слѣдуя этому плану, маіоръ фонъ-Штемпель приказалъ перенести больныхъ, раненыхъ и провіантскій складъ въ ханскій дворецъ; штабсъ-капитанъ Богаевскій составилъ планъ приведенія ханскаго дворца въ оборонительное состояніе, и тотчасъ занялись приведеніемъ этого плана въ исполненіе. Въ ночь, съ третьяго на четвертое іюня, арбачи и авганцы успѣли расчистить вокругъ дворца эспланаду.

Съ разсвѣтомъ четвертаго числа, большая толпа ворвалась въ проломъ лѣвѣе Бухарскихъ Воротъ, но скоро была обращена въ бѣгство. Капитанъ Михневичъ преслѣдовалъ эту толпу ракетами, пускаемыми настильно сквозь проломъ; ракеты оказали превосходное дѣйствіе: пробивая стѣны сакель, они выгоняли засѣвшихъ тамъ стрѣлковъ. Дальнѣйшее дѣйствіе ракетами значительно ослабило стрѣльбу непріятеля по пролому и по южной стѣнѣ цитадели.

Бухарскія Ворота въ продолженіе дня были атакованы два раза; Самаркандскія Ворота, кладбище и проломы по сторонамъ кладбища

по разу. Усиленная перестрѣлка продолжалась цѣлый день; ночью стала слабѣе. Раненыхъ за весь день было гораздо меньше.

Въ ночь съ четвертаго на пятое число, лазутчикъ изъ иранцевъ сообщилъ о побѣдѣ командующаго войсками на зера-булакскихъ высотахъ и объ отступленіи шагрисябсевъ. Джурабій, раздосадованный тѣмъ, что Османъ и Ходжа измѣнили первоначально-составленному плану, считалъ успѣхъ обороны Зарявшанской Долины погибшимъ, и потому отвелъ шагрисябсевъ отъ Самарканда, какъ только узналъ о пораженіи бухарцевъ на зера-булакскихъ высотахъ.

Какъ ни радостно было это извѣстіе, тѣмъ не менѣе неполученіе отвѣта ни на одно изъ четырехъ донесеній, посланныхъ комендантомъ командующему войсками, оставляло гарнизонъ въ томительной неизвѣстности. Упадокъ силъ сталъ сказываться заболѣваніемъ, лазаретъ былъ и безъ того полонъ: въ немъ лежало до 450 человѣкъ. Лазаретной прислуги было до того мало, что некому было поить и кормить больныхъ и раненыхъ, дѣлать имъ своевременно перевязки, подавать лекарства. При многочисленныхъ пунктахъ атаки, удаленныхъ на значительное разстояніе одинъ отъ другаго, уносить раненыхъ тотчасъ по полученіи ранъ было также некому. Поэтому перевязка ранъ сперва дѣлалась подъ выстрѣлами; но когда одинъ изъ двухъ медиковъ, оставшихся въ Самаркандѣ, былъ раненъ, вся масса больныхъ и раненыхъ осталась на попеченіи одного только врача. Зачастую голодные больные выходили изъ лазарета, направляясь къ ротнымъ кухнямъ, въ надеждѣ найти тамъ пищу, которой тщетно ожидали на мѣстахъ; но, безсильные, падали отъ изнеможенія на улицахъ цитадели, не дойдя до ротныхъ кухонь.

Не подозрѣвая того, что командующій войсками уже двигается на выручку, гарнизонъ начиналъ терять терпѣніе. Хладнокровный, спокойный характеръ коменданта былъ недостаточенъ для возвышенія духа гарнизона и поднятія нравственныхъ его силъ. Въ такомъ положеніи подполковникъ Назаровъ оказался совершено незамѣнимымъ. Храбрый кавказскій рубака, обладая умѣніемъ обращаться съ солдатомъ, не оставляя ни днемъ ни ночью своего опаснаго поста, онъ скоро сдѣлался опорою всего гарнизона, поддерживая въ немъ духъ бодрости и геройскаго самоотверженія до послѣдней минуты блокады.

Пятая, шестаго и седьмаго іюня, непріятель продолжалъ приступы, атакуя ежедневно по разу ворота и проломы. Пальба по стѣнамъ и цитадели днемъ не прекращалась вовсе, къ ночи ослабѣвала. Гарнизонъ, отбивая приступы, дѣлалъ вылазки, очищая впереди воротъ и вдоль южной и юговосточной стѣнъ цитадели эспланаду, что

весьма значительно уменьшало пальбу непріятеля по цитадели. Вечеромъ седьмаго іюня, комендантъ получилъ письмо командующаго войсками о приближеніи къ Самарканду, а въ 11 часовъ ракета, взвившаяся въ лагерѣ командующаго войсками, возвѣстила, что дѣйствующій отрядъ уже у садовъ Самарканда.

Такъ кончилась оборона обширной цитадели малочисленнымъ, но храбрымъ гарнизономъ, потерявшимъ въ теченіе семидневной осады четвертую часть своего состава убитыми и ранеными. Гарнизонъ цитадели Самарканда, блистательно защищаясь въ теченіе семи дней противъ 50,000 скопищъ мусульманъ, потерялъ 180 человѣкъ своихъ сотоварищей, т. е. 30 человѣкъ болѣе, чѣмъ сколько потерялъ весь отрядъ, дѣйствовавшій въ долинѣ Зарявшана во всѣхъ семи дѣлахъ съ непріятелемъ, съ 1-го мая по 8-е іюня.

Въ Средней Азіи не было еще дѣла, гдѣ бы наша потеря была такъ велика и бой такъ продолжителенъ и упоренъ.

Семидневная оборона цитадели города Самарканда, по всей справедливости, найдетъ почетное мѣсто въ ряду славныхъ дѣлъ, совершенныхъ когда-либо нашею храброю арміей; тѣмъ не менѣе, безпристрастная оцѣнка всѣхъ обстоятельствъ обороны не можетъ не привести насъ къ сожалѣнію, что излишнее довѣріе къ жителямъ города было причиною, что комендантъ воздержался отъ разрушенія жилищъ, прилегающихъ къ стѣнамъ цитадели, и отъ очистки необходимой эспланады: это, лишивъ гарнизонъ возможности поражать непріятеля мѣткимъ огнемъ, сдѣлало приступы продолжительными, упорными, а стрѣльбу по гарнизону непрерывною, убійственною и почти безнаказанною.

Мы не можемъ не выразить искренняго сожалѣнія, что 95 человѣкъ саперовъ, направленныхъ комендантомъ въ Бухарскія Ворота, были употреблены не какъ саперы, а какъ пѣхота; вмѣсто топора и лопаты, они дѣйствовали исключительно штыкомъ, и потому, не прикрывъ воротъ, потеряли половину своего состава.

Подполковикъ Назаровъ, придя къ Бухарскимъ Воротамъ, вмѣсто того, чтобы, подъ прикрытіемъ горящихъ воротъ—которыя было легко потушить, такъ какъ вода была подъ рукою — привести въ оборонительное состояніе, что, при 95 человѣкъ саперовъ, исполнить было нетрудно, приказалъ выстрѣломъ разрушить ворота, и тѣмъ открылъ свою команду убійственному огню непріятеля, и сдѣлалъ ворота главнымъ пунктомъ непрерывныхъ, настойчивыхъ его атакъ. Бухарскія Ворота потому и служили главнымъ пунктомъ атаки, что были открыты болѣе, чѣмъ каждый изъ другихъ пунктовъ. Большая половина убитыхъ и раненыхъ была убита и ранена въ Бухарскихъ Воротахъ. Презрѣніе къ непріятелю и невниманіе къ пособію искуства были оплачены цѣною напрасныхъ, невознаградимыхъ потерь.

Высоко цѣня заслуги подполковника Назарова при оборонѣ цитадели города Самарканда, мы, тѣмъ не менѣе, видимъ ихъ исключительно въ той нравственной поддержкѣ, которую онъ оказалъ всему гарнизону умѣньемъ обращаться съ солдатомъ, вѣрившимъ въ него, потому что, ни днемъ, ни ночью не сходя съ своего поста, онъ былъ всегда впереди и бросался на непріятеля первый, увлекая солдата столько же словомъ, сколько примѣромъ неустрашимости и отваги.

Молебенъ, отслуженный благодарными солдатами Николаю Угоднику за здоровье подполковника Назарова, служитъ доказательствомъ того несомнѣннаго нравственнаго значенія, какое имѣлъ на гарнизонъ Назаровъ.

Тактическая оборона цитадели была безукоризненна. Маіоръ фонъ-Штемпель, своевременно получая отвсюду донесенія, весьма искусно направлялъ свой небольшой резервъ туда, гдѣ было трудно или гдѣ приходилось плохо. Резервъ, бѣгомъ направлявшійся къ угрожаемымъ пунктамъ, оказавъ надлежащую поддержку въ одномъ мѣстѣ, спѣшилъ въ другія мѣста и вездѣ дѣлалъ свое дѣло, вездѣ поспѣвалъ вовремя. Несмотря на громадность протяженія цитадели и многочисленность пунктовъ атаки, непріятель вездѣ встрѣчалъ надлежащій отпоръ; благодаря своевременной поддержкѣ, прорываясь во многихъ мѣстахъ, онъ не успѣлъ утвердиться нигдѣ.

Артилерійская оборона, благодаря опытности и знанію дѣла капитана Михневича, при безвредности ружейнаго огня по закрытому непріятелю, принесла огромную пользу и исполнена блестящимъ образомъ. Ручныя гранаты оказали превосходное дѣйствіе: онѣ служили большимъ подспорьемъ дѣйствію штыка, разгоняя толпы атакующихъ и обращая ихъ въ бѣгство (*).

Мы уже говорили, что 5-го іюня командующій войсками возвратился въ Ката-Курганъ. Небольшая толпа жителей и аксакалы поздравляли командующаго войсками съ побѣдой. Жители начали понемногу возвращаться въ городъ. Положительныхъ извѣстій о томъ, что дѣлается въ Самаркандѣ, не было. На базарѣ ходили толки

(*) Примѣровъ отдѣльныхъ подвиговъ было много; но долгъ правды заставляетъ насъ вспоминать съ особымъ уваженіемъ имя художника г. Верещагина, который, добровольно и съ замѣчательнымъ безкорыстіемъ занявъ мѣсто въ ряду защитниковъ Бухарскихъ Воротъ, во все время приступовъ къ этимъ воротамъ служилъ примѣромъ храбрости, неустрашимости и по истинѣ замѣчательной отваги.

о нападеніи на Самаркандъ шагрисябсевъ, но говорили также и о томъ, что шагрисябсы отошли за горы, и что въ Самаркандѣ покойно. Тѣмъ не менѣе командующій войсками счелъ нужнымъ торопиться въ Самаркандъ. Оставивъ въ Ката-Курганѣ 5-й баталіонъ и два орудія и сдѣлавъ распоряженіе о пополненіи запасовъ, онъ, со всѣмъ остальнымъ отрядомъ и артилерійскимъ паркомъ, утромъ, 6-го числа, выступилъ къ Самарканду. Дорога была совершенно свободна; кишлаки пусты; нигдѣ ни души; только въ долинѣ, въ садахъ, бродили толпы безоружныхъ жителей. Отрядъ нашъ на этотъ разъ имѣлъ вполнѣ азіятскій характеръ. Колона разсѣялась, вправо и влѣво отъ дороги; солдатики прикладами подгоняли барановъ; многіе ѣхали верхомъ на барантованныхъ ослахъ, навьюченныхъ добытой въ Казы-Кишлакѣ бѣдной поживой, которую Богъ-вѣсть зачѣмъ они тащили съ собой. Казаки нагромоздили на своихъ лошадей также всякой всячины и ни на что ненужнаго хлама. А про авганцевъ и говорить нечего: у тѣхъ не только лошади, ослы, даже бараны были навьючены старыми халатами, ружьями, саблями и красными куртками, снятыми съ убитыхъ на зера-булакскихъ высотахъ. Число ихъ больше чѣмъ удвоилось во время похода: въ дѣлѣ 2-го іюня они составляли роту пѣхоты и порядочную сотню конныхъ; теперь стало ихъ еще больше. Въ хвостѣ отряда шелъ еще цѣлый эскадронъ мародеровъ изъ жителей разныхъ городовъ: Ташкента, Ходжента, Ура-тюбе, Джизака, присоединившихся къ войскамъ во время похода, съ цѣлію грабить послѣ дѣла.

Когда мы заняли Самаркандъ, гдѣ ни одинъ солдатъ не взялъ ровно ничего у жителей сдавшихся добровольно, они было совсѣмъ исчезли; но, послѣ выступленія изъ Казы-Кишлака, явились снова: откуда они взялись—Богъ ихъ знаетъ. Какъ то никому въ голову тогда не приходило обратить на нихъ какое-нибудь вниманіе.

Отрядъ ночевалъ въ кишлакѣ Карасу, на половинѣ разстоянія между Ката-Курганомъ и Самаркандомъ.

Вечеромъ, къ командующему войсками явился бекъ небольшаго города Джаны-Кургана, съ изъявленіемъ покорности. Онъ сообщилъ первыя точныя свѣдѣнія о положеніи Самарканда, разсказавъ, что цитадель съ 2-го іюня въ блокадѣ, что въ Самаркандѣ были сыновья эмира, шагрисябскіе беки, Омаръ-бекъ, Адилъ Датха-бекъ китай-кипчаковъ, что сыновья эмира и шагрисябскіе беки, узнавъ о побѣдѣ командующаго войсками на зера-булакскихъ высотахъ, отвели шагрисябсевъ къ Ургуту и прочее; но что китай-кипчаки и другія племена, вмѣстѣ съ самаркандцами, продолжаютъ еще блокаду

и возобновляютъ ежедневно штурмы, удаляясь на ночь на чапанъ-атинскія высоты.

7-го числа отрядъ продолжалъ дальнѣйшее движеніе. Кишлаки были также пусты, но въ долинѣ, въ садахъ, бродили толпы жителей, вооруженныхъ батиками, которые, при приближеніи отряда, тотчасъ разсѣевались.

Въ 18 верстахъ отъ Самарканда, въ кишлакѣ Даулъ, отрядъ остановился на привалъ. Въ сторонѣ Самарканда была слышна канонада. Вскорѣ командующій войсками получилъ наконецъ донесеніе маіора Штемпеля. Донесеніе это, писанное на нѣмецкомъ языкѣ, было седьмое по порядку. Мы уже знаемъ, что оно въ себѣ заключало.

Ославъ Штемпелю приказаніе сдѣлать, утромъ 8-го числа, вылазку, на встрѣчу отряда, командующій войсками, какъ выше замѣчено, вечеромъ того же дня сталъ лагеремъ у садовъ города. Сады были наполнены шайками и толпами вооруженныхъ жителей.

Утромъ 8-го числа, командующій войсками лично повелъ отрядъ съ пѣснями и барабаннымъ боемъ въ Самаркандъ, и, раздѣливъ его на три колоны, двинулъ по улицамъ города. Гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, а колоны разошлись по разнымъ направленіямъ, обращая въ бѣгство толпы вооруженныхъ самаркандцевъ, встрѣтившихъ наши войска ружейнымъ огнемъ съ фронта и пальбой изъ садовъ и саклей.

Во все время очищенія города, жители продолжали стрѣльбу по войскамъ и цитадели и не снимали фальконетовъ съ мечетей Самарканда.

Командующій войсками направился въ цитадель, къ хапскому дворцу, и, наблюдая оттуда за ходомъ дѣла, послалъ подполковника Назарова, съ двумя ротами и взводомъ батарейной батареи, выгнать мятежниковъ изъ мечети. Капитанъ Шеметилло получилъ приказаніе поддержать подполковника Назарова ротой 6-го баталіона.

Подполковнику Назарову, для исполненія возложеннаго на него порученія, слѣдовало пройти черезъ базаръ, занятый мятежниками, производившими пальбу изъ-за закрытій, изъ лавокъ и съ вышекъ. Не желая подвергать людей опасности отъ выстрѣловъ, подполковникъ Назаровъ зажегъ базаръ и сакли между базаромъ и цитаделью, по дорогѣ, ведущей къ Самаркандскимъ Воротамъ, а капитанъ Шеметилло направился къ мечетямъ и, послѣ продолжительнаго упорнаго сопротивленія, мѣткимъ огнемъ своихъ стрѣлковъ и взвода батарейной батареи заставилъ фанатиковъ убрать орудіе и прекратить пальбу.

Полковникъ Абрамовъ съ колоной двинулся на перерѣзъ пути

китай-кипчакамъ, бѣжавшимъ чрезъ сады на чапанъ-атинскія высоты; но такъ какъ они поспѣшно разсѣялись и скрылись въ садахъ, бѣжавъ на сѣверный берегъ Зарявшана, то, послѣ непродолжительнаго преслѣдованія ихъ пушечными выстрѣлами, полковникъ Абрамовъ возвратился въ лагерь.

Къ двѣнадцати часамъ колоны обошли городъ по главнѣйшимъ улицамъ и очистили ихъ отъ мятежниковъ. Пальба во всемъ городѣ утихла, но городъ представлялъ груды развалинъ и пепла, надъ которымъ угрюмо возвышались облака дыма и пламени горѣвшаго базара.

Цитадель и эспланады, расчищенныя впереди Бухарскихъ и Самаркандскихъ воротъ, имѣли видъ могилы; множество обгорѣвшихъ труповъ, скелетовъ и человѣческихъ костей валялось во всѣхъ направленіяхъ; ядра, картечь, оружіе и изорванная одежда дополняли остальное въ этой печальной картинѣ.

Ханскій дворецъ, несмотря на большое число покоевъ, не вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ больныхъ и раненыхъ, часть которыхъ лежала на полу подъ открытымъ небомъ.

Галерея, гдѣ помѣщается тронъ Тамерлана, заключала въ себѣ на этотъ разъ лишь больныхъ и раненыхъ, привѣтствовавшихъ командующаго войсками не громкимъ «ура», какъ 2-го мая, а благодарнымъ взглядомъ.

Гарнизонъ былъ бодръ и веселъ; выполнивъ долгъ, онъ сохранилъ еще достаточный запасъ мужества и самоотверженія для будущихъ такихъ же славныхъ и честныхъ дѣлъ, какова была геройская оборона обширной самаркандской цитадели.

Командующій войсками благодарилъ храбрый гарнизонъ слѣдующимъ приказомъ по войскамъ дѣйствовавшаго отряда:

«Храбрыя войска гарнизона самаркандской цитадели!

«По выступленіи моемъ въ Ката-Курганъ для пораженія тамъ эмировыхъ войскъ, собравшихся для враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, вы были осаждены.

«Шагрисябскія войска и массы вооруженныхъ городскихъ и окрестныхъ жителей, увлеченныхъ возмутителями, возъимѣли дерзкую мысль уничтожить васъ.

«Они ошиблись и наказаны. Васъ руководили долгъ, присяга и честное русское имя.

«Больные и раненые, могущіе стрѣлять и колоть, всѣ были въ строю, на стѣнахъ и въ вылазкахъ. Распорядительный храбрый комендантъ и всѣ господа штабъ и оберъ-офицеры были съ вами всегда, руководили вами и раздѣляли ваши опасности.

«Ихъ распорядительность, а ваша храбрость и стойкость сдѣлали ничтожными всѣ попытки непріятеля. Вы не уступили ему ничего. Вы бились семь дней, и когда на восьмой я пришелъ къ вамъ—всѣ были такъ бодры и веселы, что нельзя было мнѣ не любоваться, не гордиться вами!

«Помяните доброй и вѣчной памятью падшихъ во время этой славной семидневной обороны цитадели. А вамъ молодцамъ—спасибо за службу»!

Въ тотъ же день къ командующему войсками явились аксакалы съ повинной. Главнѣйшіе возмутители и пойманные съ оружіемъ въ рукахъ были конфирмованы къ смертной казни и, утромъ 9-го числа, часть ихъ была повѣшана на развалинахъ еще дымившагося базара, а другая часть, поставленная во всю ширину бухарской дороги, отъ одного конца до другаго, была разстрѣляна.

8-го и 9-го іюня войска барантовали: обшарили лавки на базарѣ, мечети, и повытаскали изрядное количество ситцу, канаусу, халатовъ и ковровъ. Вскорѣ лагерь принялъ видъ базара и началась торговля съ жителями, откупавшими свои вещи. Конечно, не обошлось и безъ ошибокъ. Не умѣя отличить преданныхъ намъ иранцевъ отъ сартовъ, солдаты нѣкоторыхъ частей забрались въ иранскія деревни, на которыя тѣмъ пріятнѣе было наброситься, что иранцы, не опасаясь бѣды, сидѣли по домамъ и имѣли имущество дома. Когда начальство узнало объ этомъ, тотчасъ были приняты мѣры: имущество было отобрано и возвращено по принадлежности; но кто попался на штыкъ, того, конечно, нельзя было возвратить съ того свѣта.

10-го іюня баранта воспрещена и прекратилась. Жители просили пощады и получили ее. Спокойствіе и порядокъ быстро возстановились и городъ сталъ очищаться отъ костей и пепла.

Шагрисябсы возвратились за горы, дрожа за свое существованіе; думая, что командующій войсками двинется противъ нихъ, они стали готовиться къ оборонѣ, приготовляя все къ устройству наводненія кругомъ Шагрисябса.

Абдулъ-Гафаръ, съ 15,000 конницы, простоявъ нѣсколько дней противъ Яны-Кургана, при извѣстіи о приближеніи командующаго войсками къ Самарканду, также распустилъ свои скопища; дорога къ Самарканду сдѣлалась свободною и, 10-го числа, въ лагерь прибыла оказія съ извѣстіями изъ Петербурга и Ташкента. Вѣсти изъ Петер-

бурга были пріятныя: Государь Императоръ прислалъ царское «спасибо» своимъ честнымъ войскамъ за штурмъ самаркандскихъ высотъ, и другія милости; вѣсти же изъ Ташкента гласили о дѣятельномъ приготовленіи къ военнымъ дѣйствіямъ въ Коканѣ и дали поводъ думать, что предстоятъ еще дѣйствія въ сторонѣ Ходжента.

Вечеромъ въ этотъ же день, явился къ командующему войсками знакомый намъ Мусса-бекъ съ письмомъ отъ эмира, въ которомъ эмиръ выражалъ полнѣйшую готовность оставить ханство, просилъ позволенія, съ оставшимся у него войсками и артилеріею, явиться къ Государю, чтобы, слѣдуя азіятскому обычаю, сложить передъ Государемъ оружіе, сдать войска и, поручивъ судьбу ханства великодушію и щедротамъ Государя, просить позволенія удалиться въ Мекку.

Такая крайняя рѣшимость Сеидъ-Музафара была слѣдствіемъ столько же рѣшительности дѣла 2-го іюня, сколько и новаго возмущенія, вспыхнувшаго въ Бухарѣ по полученіи извѣстія о новомъ ужасномъ пораженіи бухарскихъ войскъ.

Взволнованный народъ собрался у воротъ Дервазъ-Мезаръ, въ которыя эмиръ обыкновенно въѣзжаетъ въ свою столицу, имѣя самыя рѣшительныя намѣренія относительно Сеидъ-Музафара.

Но, какъ бы предвидя это, Сеидъ-Музафаръ, получивъ вечеромъ 2-го іюня извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ, бѣжалъ въ пески Казылъ-кумъ, не рѣшаясь заѣхать даже въ аулы киргизовъ, которыхъ онъ считалъ себѣ преданными. Для успокоенія же умовъ въ народѣ, онъ послалъ въ Бухару извѣстнаго намъ сардаря Нажмудина-ходжу. Когда Нажмудинъ-ходжа подъѣхалъ къ воротамъ Дервазъ-Мезаръ, озлобленный народъ бросился на него, угрожая смертью за преданность неспособному эмиру.

Однако увѣщанія Нажмудина-ходжи успокоили массу, а большой обѣдъ, данный имъ народу въ день извѣстія о выступленіи командующаго войсками изъ Казы-Кишлака къ Самарканду, окончательно возстановилъ въ Бухарѣ спокойствіе. Тогда эмиръ, послѣ трехдневнаго укрывательства въ голодной степи, гдѣ ему пришлось испытать всевозможныя лишенія, не исключая даже недостатка воды, возвратился въ Кермине. На этотъ разъ даже жители Кермине приняли его неохотно.

Тѣмъ не менѣе, благодаря вліянію преданныхъ бековъ, эмиру удалось собрать еще разъ совѣтъ въ Кермине, въ которомъ Нажмудинъ-ходжа энергически доказывалъ необходимость заключенія мира съ русскими. Всѣ члены совѣта почти единодушно согласились въ безполезности дальнѣйшей борьбы. Сеидъ-Музафаръ окончилъ засѣданіе совѣта словами:—«Теперь мнѣ остается только одно: собрать всѣ войска, оружіе и орудія, отдать все это Бѣлому Царю и просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ отправиться въ Мекку на покаяніе. Я чувствую, что смерть моя близка. Участь моя и жизнь моя въ рукахъ народа».

Блистательный планъ командующаго войсками увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ. Непріятель былъ разбитъ и просилъ мира, на этотъ разъ искренне. Все Бухарское Ханство было въ нашихъ рукахъ. Но войскъ для занятія Бухары не было.

Къ 10-му іюня, въ Самаркандѣ было всего 2,000 штыковъ, 325 шашекъ, 16 орудій и шесть ракетныхъ станковъ. На спокойствіе со стороны Шагрисябса расчитывать было нельзя: туда собирались всѣ беки недовольные эмиромъ, желавшіе еще войны съ нами. Туда же скрылся Ката-Тюря, старшій сынъ эмира, возставшій на отца, съ желаніемъ сдѣлаться ханомъ Бухары. Дѣйствительно, когда Ката-Тюря прибылъ въ Шагрисябсъ, шагрисябсы подняли его на бѣломъ войлокѣ и провозгласили ханомъ.

Надлежало думать, что когда пройдетъ паника, произведенная блистательными дѣйствіями командующаго войсками въ послѣдніе дни, шагрисябсы снова выйдутъ изъ горъ и снова начнутъ волновать населеніе долины, собирая скопища для одновременнаго нападенія на Бухару, если бы мы ее заняли, и на Самаркандъ. При такомъ условіи занятіе Бухары возможно было только въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли возможность оставить въ Самаркандѣ все наличное въ немъ число войскъ, и, сверхъ того, имѣя еще до 3,000 пѣхоты, необходимой для занятія остальной части Зарявшанской Долины, которыхъ собрать изъ наличнаго числа войскъ, оставшихся въ Сыръ-Дарьинской Области, не было никакой возможности, несмотря на извѣстіе о присылкѣ подкрѣпленія изъ Россіи.

Дѣйствующій отрядъ былъ до крайности изнуренъ. Съ половины мая каждому солдату, ослабленному зноемъ и поносами, которыми страдало $^3/_4$ общаго числа людей, пришлось сдѣлать въ общей сложности отъ 350 до 400 верстъ усиленными переходами.

По этимъ причинамъ, о принятіи Бухары въ подданство и думать было нечего.

На какихъ же условіяхъ могъ быть заключенъ миръ? Защищать Самаркандъ и возставшее населеніе Міанкальской Долины отъ гнѣва эмира не было обязательно. Восточная часть богатой Зарявшанской Долины была теперь завоевана. Уступить это завоеваніе за приличную контрибуцію, хотя бы въ размѣрѣ десятилѣтней подати съ на-

селенія этой части, при недостаткѣ капиталистовъ въ городахъ Средней Азіи и пустотѣ казны эмира, было невозможно. Оставить тотчасъ завоеваніе безъ контрибуціи, при какой бы то ни было политической комбинаціи—это значило бы дать сигналъ отступленія успѣхамъ нашимъ въ Средней Азіи: никто въ Азіи не повѣрилъ бы, что это не есть уступка силѣ и сознанію трудности борьбы съ Бухарой въ долинѣ, или нашего безсилія удержать за собой завоеванную страну. Уступить тотчасъ Самаркандъ—значило бы воспламенить надежды всей Средней Азіи на возможность, совокупными усиліями, принудить насъ оставить Азію. Уступить тотчасъ Самаркандъ — значило бы утвердить убѣжденіе въ жителяхъ всѣхъ завоеванныхъ городовъ, что наше пребываніе въ нихъ временное, и обратить взоры ихъ на одного изъ владыкъ въ мусульманскомъ мірѣ. Это значило бы затормозить дѣло прогреса, цивилизаціи и торговли и создать себѣ неисчислимыя затрудненія, которыя должны были бы разрѣшиться новой борьбой внутренней и внѣшней, при болѣе трудныхъ обстоятельствахъ, при худшей обстановкѣ, и дать мѣсто боямъ болѣе кровопролитнымъ, быть можетъ на тѣхъ же поляхъ, но съ противникомъ болѣе сильнымъ вооруженіемъ и искуствомъ дѣйствія.

Средства, сосредоточенныя эмиромъ для борьбы съ нами въ Зарявшанской Долинѣ, служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что Бухара можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, развивать и напрягать свои усилія прогресивно. Слѣдовательно, увеличеніе войскъ Сыръ-Дарьинской Области было бы неизбѣжно въ количествѣ гораздо большемъ, чѣмъ при оставленіи Самарканда за Россіей.

Вслѣдствіе этого, полагая, что эмиръ, наученный горькимъ опытомъ безуспѣшной борьбы съ нами, сохранивъ свой шаткій тронъ, будетъ гораздо полезнѣе для Россіи какого-либо новаго эмира, запявшаго тронъ въ періодъ разгара народныхъ страстей, командующій войсками отклонилъ Сеидъ-Музафара отъ высказаннаго имъ въ письмѣ намѣренія, давъ ему понять, что, съ оставшимися войсками и артилеріею, онъ можетъ еще привести въ повиновеніе непослушныхъ сыновей и бековъ, если отрѣшится окончательно отъ борьбы съ нами. Такимъ образомъ, Сеидъ-Музафаръ былъ оставленъ эмиромъ, и командующій войсками заключилъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ:

«Бухара признала за Россіей всѣ завоеванія, сдѣланныя ею въ предѣлахъ Бухарскаго Ханства, съ 1865 года, и обязалась уплатить 500,000 руб. сер. контрибуціи за издержки походовъ генерала Черняева, генералъ-адъютанта Крыжановскаго и командующаго войсками,

генерала фонъ-Кауфмана I. Русскимъ купцамъ предоставлено право свободной торговли во всѣхъ городахъ Бухары, дозволено имѣть своихъ торговыхъ агентовъ и караванъ-сараи для склада товаровъ».

23-го іюня, послѣ развода и молебствія, праздновали заключеніе мира. По войскамъ отданъ былъ слѣдующій приказъ:

«Храбрыя войска, собранныя для дѣйствій въ бухарскихъ предѣлахъ! Въ нѣсколько недѣль вы, ударъ за ударомъ, нанесли пораженіе бухарцамъ, шагрисябсамъ и другимъ увлеченнымъ ими народамъ. Непріятель проситъ мира. Онъ заключенъ. Поздравляю васъ, славные молодцы»!

Затѣмъ изъ завоеванной части Зарявшанской Долины, заключавшей въ себѣ два бекства, Самаркандское и Ката-Курганское, былъ образованъ временной Зарявшанскій Округъ, съ двумя отдѣлами: Самаркандскимъ и Ката-Кургапскимъ; назначены во всѣ мѣста аксакалы, серкеры, казіи; устроена военно-народная администрація, а для поддержанія ея и для фактическаго владѣнія округомъ, оставлены четыре баталіона пѣхоты, три дивизіона артилеріи, пять сотенъ казаковъ и ракетная батарея.

Новыя свѣдѣнія о волненіи народа въ Коканѣ заставили командующаго войсками спѣшить на Сыръ-Дарью. Вслѣдствіе этого, командующій войсками, съ небольшимъ отрядомъ, изъ четырехъ ротъ пѣхоты, посаженной на арбы, дивизіономъ артилеріи и сотнею казаковъ, 2-го іюля оставилъ Самаркандъ. Двигаясь форсированнымъ маршемъ, вечеромъ 5-го іюля, онъ прибылъ въ Чиназъ, а 7-го въ Ташкентъ.

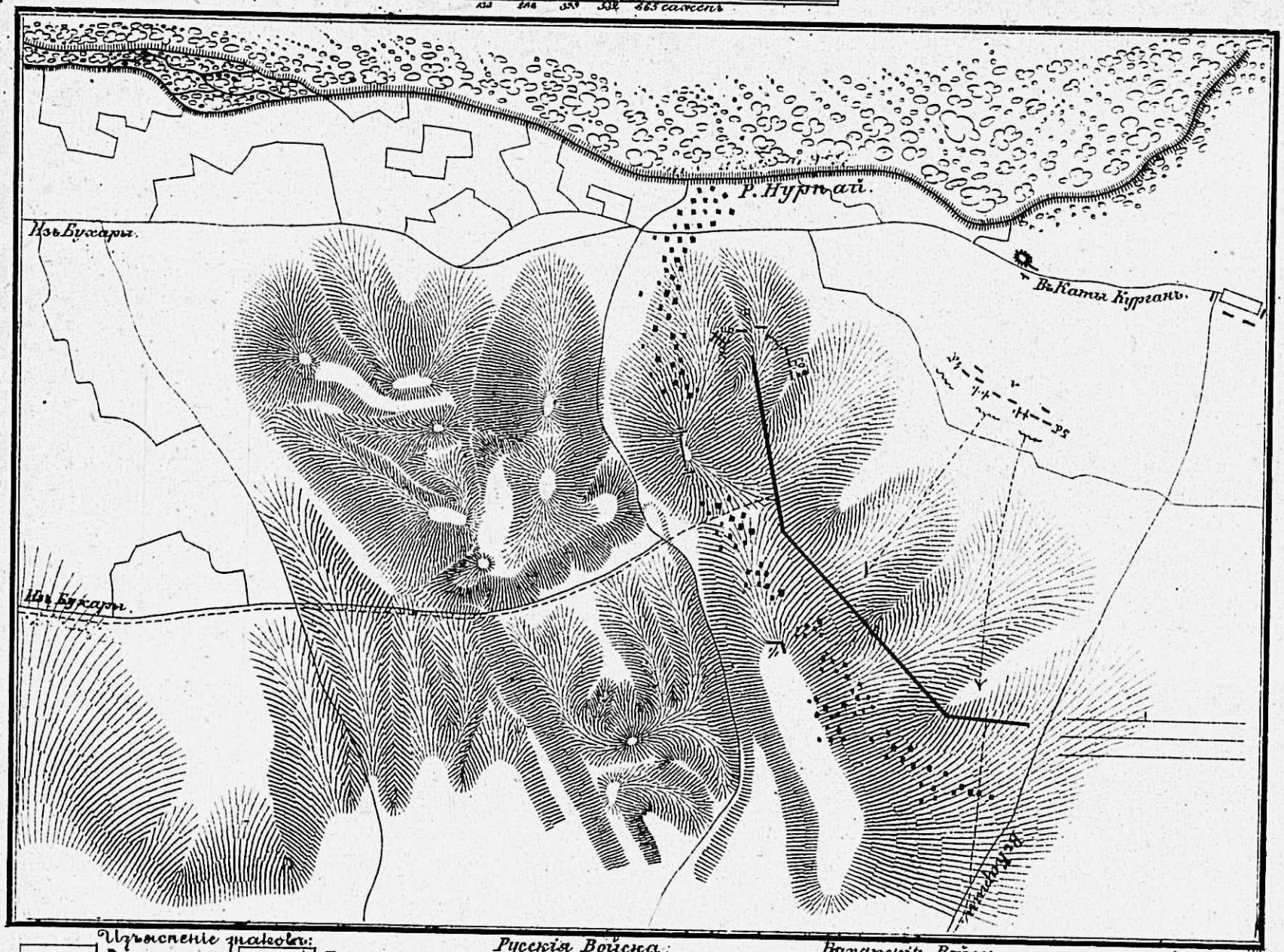
Быстрое прибытіе въ Ташкентъ и извѣстіе о заключеніи мира съ Бухарой заставили Коканъ смириться, а рядъ побѣдъ, одержанныхъ генераломъ фонъ-Кауфманомъ въ Зарявшанской Долинѣ, уничтожилъ въ туземныхъ жителяхъ всѣхъ нашихъ городовъ въ Средней Азіи надежду на поддержку обезсиленной Бухары. Все это, въ связи съ благими результатами реформы въ краѣ и введенія новаго положенія, которыя успѣли уже сдѣлаться понятными какъ кочевымъ, такъ и осѣдлымъ жителямъ Туркестанскаго Края, выразилось въ прекращеніи враждебнаго ихъ настроенія, и дали краю полнѣйшій покой, а генералъ-губернатору безусловную свободу для дальнѣйшаго развитія послѣдующихъ реформъ вплоть до настоящаго дня.

20-го мая 1870. Вѣрный.

Генеральнаго штаба подполковникъ **М. Лыко.**

Масштабъ 665 саженъ въ дюймѣ

133 266 399 532 665 саженъ

Пояснение знаковъ:

Выемъ.
Пашни.
Сады.
Дороги
Арыки (канавы).

Русскія Войска:
Пѣхота:
Казаки и Авганцы.

Бухарскія Войска:
Пѣхота.
Конница.

лит. А. Степанова в. мыш. л. №14.